

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Научная конференция

Международные Бодуэновские чтения

Казанский (Приволжский) федеральный университет

21–22 октября 2025 г.

Труды и материалы

Том 2

КАЗАНЬ
2025

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
М43

*Издается в рамках реализации мероприятий
Государственной программы
«Сохранение, изучение и развитие государственных языков
Республики Татарстан и других языков
в Республике Татарстан на 2023–2030 годы»
(Государственный контракт № 85 ЭА/2025)*

**Под общей редакцией
А. А. Токсубаевой, Э. А. Исламовой**

М43 Международные Бодуэновские чтения: труды и материалы научной конференции (Казань, 21–22 октября 2025 г.): в 2 т. / под общ. ред. А. А. Токсубаевой, Э. А. Исламовой. Казань: Издательство Казанского университета, 2025. Т. 2. 200 с.

ISBN 978-5-00130-928-4 (Т. 2)
ISBN 978-5-00130-926-0

Во второй том трудов и материалов научной конференции «Международные Бодуэновские чтения» включены материалы пленарных докладов и докладов, заявленных на секции: «Актуальные проблемы лексикологии и фразеологии», «Лингводидактическое наследие Казанской лингвистической школы и современные проблемы изучения и преподавания языков», «Когнитивная лингвистика. Лингвокультурология. Социолингвистика», «Текст и дискурс. Сопоставительная лингвистика».

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-00130-928-4 (Т. 2)
ISBN 978-5-00130-926-0

© Издательство Казанского университета, 2025

Невербальные компоненты обращения в арабской культуре

*арабская лингвокультура, невербальная коммуникация, обращение,
проксемика, окулесика, жесты, кинесика*

В современном мире активных межкультурных коммуникаций исследование невербальных аспектов речевого поведения приобретает особую значимость. Жесты, мимика, поза, направление взгляда, пространственная дистанция и прикосновения составляют неотъемлемую часть человеческого общения, нередко передавая смысловые и эмоциональные оттенки, не выраженные словами. Исследования невербальной коммуникации получили развитие в XX веке благодаря трудам Р. Бёрдвистелла, разработавшего основы кинесики [Birdwhistell 1970], и Э. Холла, создавшего теорию проксемики и впервые описавшего культурные различия в восприятии личного пространства [Hall 1969]. В российской науке данная проблематика глубоко освещена в трудах Г.Е. Крейдлина, который подчёркивал семиотическую природу невербальных знаков и их культурную обусловленность [Крейдлин 2002].

Обращение, будучи речевым актом, играет ключевую роль в установлении и поддержании контакта между адресантом и адресатом. В арабской лингвокультуре оно представляет собой не только вербальную, но и невербальную форму взаимодействия, где взгляд, положение тела, мимика, жесты и интонация служат самостоятельными средствами привлечения внимания, выражения уважения и установления социально значимых отношений. Невербальные компоненты обращения обладают высокой прагматической нагрузкой и соотносятся с такими культурными категориями, как скромность, уважение и почтение.

Проксемика. Пространственная организация общения в арабской культуре тесно связана с актом обращения и отражает характер межличностных отношений. Арабская проксемическая модель отличается нормативностью и иерархичностью: дистанция при обращении маркирует не только степень близости, но и статусные, возрастные и гендерные различия между коммуникантами. В официальной ситуации адресант занимает выпрямленную, сдержанную позу, демонстрирующую самоконтроль и уважение к собеседнику. В неформальной обстановке, особенно при однополом взаимодействии, допустимо более свободное положение корпуса, выражающее доверие и дружелюбие. Таким образом, проксемика выполняет в обращении контактную и регулятивную

функции – помогает адресанту установить нужную степень приближения к адресату и подчеркнуть социально значимую дистанцию.

Окулесика. Зрительный контакт в арабской культуре представляет собой важнейший невербальный сигнал обращения, фиксирующий внимание адресата и подтверждающий интенцию коммуникативного акта. Его использование регулируется степенью официальности общения, возрастом, полом и статусом участников. Прямой взгляд между мужчинами считается знаком искренности и уверенности, тогда как при обращении к женщине или к старшему предпочтительно опускание взгляда как выражение скромности и почтения. В то же время чрезмерно продолжительный зрительный контакт может восприниматься как проявление неуважения или вызова. Таким образом, окулесика выполняет в обращении не только аттрактивную, но и этикетно-регулирующую функцию, структурируя социальную иерархию взаимодействующих лиц.

Мимика и кинесика. Мимика и жесты в арабском общении обладают выраженной коммуникативной функцией и активно используются в процессе обращения. Поднятые брови, лёгкое движение подбородка, наклон головы или улыбка нередко сопровождают акт обращения, сигнализируя о готовности вступить в диалог. Эти невербальные знаки усиливают эмотивную составляющую общения, выражая приветливость, одобрение, удивление или поддержку. Как отмечает Г.Е. Крейдлин, «поверхностное оформление смысла с помощью жестового кода всегда осуществляется отправителем сообщения, реализующим свои коммуникативные намерения и учитывающим различные условия и характер коммуникации» [Крейдлин 2002: 76-77]. В арабской традиции обращение редко ограничивается только вербальной формулой; оно почти всегда сопровождается определённым жестом, мимическим сигналом или движением головы, что создаёт многослойную структуру адресного поведения.

Жесты, сопровождающие акт обращения. В арабской невербальной системе особое место занимают жесты, выполняющие функцию призыва, приглашения или привлечения внимания – то есть непосредственно реализующие акт обращения. Наиболее распространённый вариант жеста «подойди сюда» выполняется с опущенной ладонью: рука вытягивается вперёд, пальцы слегка согнуты вниз, а кисть совершает движение на себя. Этот сигнал уместен в обращении к детям или подчинённым и выражает иерархическую асимметрию общения. При обращении к старшему или социально равному лицу такой жест воспринимается как невежливый, поскольку несёт оттенок приказа.

Более уважительным вариантом служит форма с ладонью, обращённой вверх, при которой пальцы совершают мягкое движение к телу.

Этот жест используется в обращении к равным или старшим, выражая дружелюбие, гостеприимство и готовность к диалогу. В ситуациях неофициального общения он воспринимается как невербальное проявление вежливого приглашения.

Существует также жест привлечения внимания – соединённые указательный, средний и большой пальцы направлены вверх при сжатых остальных. Он выполняет функцию иницирующего сигнала обращения и может интерпретироваться как невербальный эквивалент выражения: «Мне нужно с тобой поговорить».

Жесты-реакции на обращение. Одним из характерных невербальных жестов, выражающих согласие и готовность выполнить просьбу, является движение руки, при котором указательный палец попеременно направляется от одного глаза к другому, сопровождаясь устойчивым зрительным контактом с адресатом. В арабской лингвокультуре данный жест интерпретируется как невербальный эквивалент формулы *мин 'уйуни* ('из моих глаз'), символизирующей искреннее желание откликнуться на обращение и выразить уважение к собеседнику.

Особое значение в арабской семиотике принадлежит жесту, связанному с носом, который традиционно соотносится с понятием чести, достоинства и социальной идентичности. Прикосновение к носу в ответ на обращение рассматривается как знак безусловного согласия и готовности исполнить волю адресанта. В странах Персидского залива этот невербальный акт закрепился как культурный аналог выражения '*ала хашми* ('на моём носу') и употребляется преимущественно в ситуациях с выраженной иерархией. Его использование типично для подчинённых по статусу лиц при взаимодействии с представителями власти, старшими или руководителями. Демонстрация такого жеста обозначает максимальную степень уважения, покорности и преданности, являясь символом признания социального превосходства и подтверждения готовности к выполнению просьбы.

Таким образом, невербальные компоненты обращения в арабской культуре образуют комплексную систему культурно детерминированных знаков, обеспечивающих установление и поддержание контакта между адресантом и адресатом. Проксемика, окулесика, мимика, такесика и паралингвистика функционируют как взаимосвязанные механизмы, которые не просто сопровождают вербальные формулы обращения, но и выполняют самостоятельные функции выражения уважения, иерархии, эмоциональной вовлечённости и социального согласия. Эти особенности отражают духовно-этические ценности арабского общества и демонстрируют тесную связь между культурными нормами, языковым поведением и невербальной экспрессией.

Литература

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. Москва: Новое литературное обозрение, 2002. 581 с.

Birdwhistell R.L. Kinesics and Context: Essays on Body Motion Communication / R.L. Birdwhistell. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1970. 360 p.

Hall E.T. The Hidden Dimension / E.T. Hall. Garden City, N.Y.: Anchor Books, 1969. 260 p.

Социолингвистический статус узбекского языка в условиях многоязычия Кыргызстана

*узбекский язык, диаспора, языковая витальность,
языковая политика, миноритарные языки*

В настоящее время в Кыргызстане имеется сложный лингвистический ландшафт, в котором сосуществование десятков этнических групп формирует уникальную социолингвистическую динамику. Анализ языковых ситуаций «миноритарных» [Михальченко 2006: 129] этносов является основной задачей для осмысления социокультурных и этнолингвистических трансформаций в стране. В этом контексте узбекская диаспора, сосредоточенная преимущественно в южных регионах Кыргызстана, выступает в качестве ключевого фактора, чьи языковые практики оказывают существенное влияние на общую языковую среду.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого анализа языковой адаптации, сохранения и возможного сужения сферы использования узбекского языка в условиях институционального доминирования киргизского и русского языков в регионе. Систематизация социолингвистических данных о процессах языкового взаимодействия позволяет определить наиболее эффективные векторы поддержки языкового многообразия и разработать языковую стратегию для сохранения языков малочисленных этносов.

Цель работы состоит в определении комплексной социолингвистической экспликации языковых факторов, определяющих функционирование узбекской диаспоры на территории Кыргызстана, а также в выявлении специфики воздействия государственной языковой политики на развитие речевых компетенций и сферы применения узбекского языка в зонах его компактного расселения. В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие *задачи*:

- 1) Проанализировать историю развития языкового кода среди представителей узбекского этноса на территории Кыргызстана.
- 2) Исследовать особенности влияния языковой политики на развитие речевых компетенций среди миноритарных народов.
- 3) Определить основные сферы и формы функционирования узбекского языка на территории Ошской и Джалал-Абадской областей Кыргызстана.

В качестве *методологической основы* исследования применены сравнительно-сопоставительный анализ, описательный метод, исторический метод, анализ документов.

Вхождение узбекской диаспоры в современное общество Кыргызстана – это результат длительного исторического процесса, заложенного на основах многовековых экономических и культурных связей Ферганской долины Центральной Азии. В результате этого процесса значительные, исторически узбекоязычные территории (Ошский и Джалал-Абадский регионы) были включены в состав Киргизской АССР с государствообразующим киргизским этносом. Данный момент повлиял на процесс формирования узбекской диаспоры как миноритарного населения с автохтонным узбекским языком. В настоящий момент критическим фактором для поддержания языковой среды является высокая степень компактной локализации: по данным Нацстатком КР на начало 2021 года, численность узбеков достигла 985 тыс. человек (14,9% населения), причем до 99,1% носителей сосредоточены в южных регионах, с максимальной концентрацией в Ошской (42%) и Джалал-Абадской (31,8%) областях. Эта географическая концентрация является фундаментальным условием языковой витальности [Михальченко 2006: 37]. Следует отметить, что узбекский язык (*O'zbek tili*), принадлежащий к карлукской (юго-восточной) группе тюркских языков, генетически больше связан с уйгурским языком, чем с киргизским. В лингвотипологическом плане узбекский язык характеризуется как агглютинативный, использующий систему суффиксального присоединения. Он демонстрирует ослабление сингармонизма и использует синтаксический порядок слов: подлежащее-дополнение-сказуемое. Лексический состав отражает историю языковых контактов, в которой следует отметить заимствования из персидского, арабского, русского и английского языков.

Проведенные за последние десять лет социолингвистические полевые исследования под руководством М.Дж. Тагаева, К.З. Зулпукарова, О.А. Григорьевой показали, что в среде узбекской диаспоры в Кыргызстане функционируют диалекты, представляющие различные районы Ошской и Джалал-Абадской областей (окающие джекающие, якающие группы).

Анализ языкового репертуара узбекской диаспоры указывает на его гетерогенность и активное участие в процессах билингвизма и интерференции с киргизским и русским языками. Данный вывод позволяет говорить о том, что язык киргизских узбеков отличается в лексическом плане от тезауруса узбекского языка в Узбекистане.

Несмотря на конституционные гарантии сохранения и развития родных языков, на практике киргизский (государственный) и русский

(официальный) языки занимают монопольное положение в институциональной сфере: государственном управлении, судопроизводстве, высшем образовании и делопроизводстве. Такая иерархия, хотя и является инструментом социальной интеграции, актуализирует системные дисбалансы для миноритарных народов, требуя от них высокого уровня владения доминирующими языками для достижения социальной мобильности. Наряду с этим, на юге Кыргызстана существуют школы с узбекским языком обучения, что позволяет сохранить литературную форму данного языка. Но, вместе с тем, одним из наиболее критических последствий институционального дисбаланса является сокращение узбекского языка в системе образования и медиапространстве. В южных регионах наблюдается устойчивая тенденция к сокращению числа школ с узбекским языком обучения и их переводу на киргизский язык, что было особенно заметно после событий 2010 года. Заслуживает внимания тот факт, что современный Узбекистан использует в качестве фиксации информации латинское письмо, в отличие от узбекских школ на юге Кыргызстана, которые работают на кириллическом алфавите. Это обуславливает следующие риски для речевых компетенций диаспоры:

1) Редукция письменной грамотности, т.е. узбекский язык часто сохраняется исключительно на уровне устной, семейно-бытовой коммуникации, что приводит к системному угасанию навыков чтения, письма и, соответственно, снижению уровня литературной кодификации в повседневной практике.

2) Пассивное владение литературной нормой среди молодого поколения, наблюдается тенденция к сужению словарного запаса и редукции владения литературным узбекским языком, поскольку он практически отсутствует в медийном и официальном информационном поле.

Данный процесс усугубляется нехваткой узбекоязычного контента в национальных и региональных средствах массовой информации. Ограниченное присутствие узбекского языка в СМИ снижает его статусную привлекательность и мотивацию молодого поколения к его активному изучению, что создает угрозу вытеснения языка из публичного дискурса. Вопреки институциональному давлению, узбекский язык сохраняет высокую степень языковой витальности в южных регионах Кыргызстана, благодаря высокой плотности населения и закреплению культурных традиций в Ошской и Джалал-Абадской областях. Анализ научных исследований показал, что узбекский язык остается ключевым инструментом семейно-бытовой и неформальной коммуникации. Его активное использование в семьях, на рынках и в локальных соседских общинах обеспечивает устойчивый механизм трансляции языка между поколениями.

Проведенный анализ подтверждает двойственный социолингвистический статус узбекского языка в Кыргызстане: фундаментальная витальность, обеспеченная компактной локализацией диаспоры в южных регионах и устойчивой семейно-бытовой трансляцией противопоставляются системному дисбалансу в институциональной сфере. Таким образом, для преодоления этих угроз и сохранения узбекского языка как полноценного миноритарного культурного кода необходима разработка взвешенной языковой стратегии, направленной на расширение его публичного ареала и методическую поддержку кодифицированных форм.

Литература

Аскарлов А. История происхождения узбекского народа / А. Аскарлов. Ташкент: ИПТД «Узбекистан», 2018. 664 с.

Во имя процветания Кыргызстана: Энциклопедическое издание о выдающихся узбеках Кыргызстана / под рук. Б.Ж. Жураева (А. Абдугафуров, Д.Д. Рахманов). Ош: Ризван, 2017. 336 с.

Григорьева О.А. Использование русского и киргизского языков в частных медицинских центрах в столице Кыргызстана / А.О. Григорьева // Бюллетень науки и практики. 2024. №10 (11). С. 524–530.

Михальченко В.Ю. Словарь социолингвистических терминов / Ю.В. Михальченко. Москва: ИЯ РАН, 2006. 312 с.

Национальный статистический комитет Кыргызской Республики: Официальная статистика. Режим доступа: <https://stat.gov.kg/ru/> (дата обращения: 08.10.2025).

Решетов В.В. Ўзбек диалектологияси / В.В. Решетов, Ш.Ш. Шоабдурахмонов. Тошкент, 1977. 110 с.

Ходжиев А.П. Узбекский язык / П.А. Ходжиев // Языки мира: Тюркские языки. Бишкек: Кыргызстан, 1997. С. 426–437.

**Эвфемистическая репрезентация инвалидности
как индикатор лингвоэкологической нормы
(на материале узбекского и русского языков)**

*эвфемизм, инвалидность, лингвоэкология, языковая норма,
русский язык, узбекский язык*

Языковая среда может рассматриваться как экологическая система, чувствительная к лингвотоксичным элементам, которые снижают качество общения и жизни [Сквородников 2016: 24]. В этой перспективе эвфемизация табуированной или стигматизирующей лексики выступает средством оздоровления речевой среды, поскольку снижает конфликтообразующий потенциал высказываний и возвращает субъектность референту [Сквородников 2016: 26]. Тема инвалидности особенно чувствительна, поскольку термины типа *инвалид* нередко воспринимаются как стигматизирующие и усиливают дистанцию между говорящим и обозначаемой группой.

Вследа за О.С. Ахмановой эвфемизмы понимаются как эмоционально нейтральные и вежливые выражения, замещающие грубые или неприличные слова [Ахманова 2005: 478]. Их базовая характеристика связана с социокультурной обусловленностью, то есть с закреплёнными в сообществе ценностями и нормами, которые регулируют допустимые способы наименования [Солодилова 2017: 76]. В современных условиях политкорректности предпочтение получают формулы *люди первой группы*, например, *люди с инвалидностью* вместо *инвалиды*, поскольку они ставят в фокус человека, а не диагноз или ограничение. Вместе с тем действует эффект эвфемистической бегущей дорожки, при котором изначально нейтральные обозначения со временем утрачивают защитный потенциал и заменяются новыми, что отражает динамику ценностей и жанровых ожиданий [цит. по: Зверева 2019: 29].

Лингвоэкология в трактовке А.П. Сквородникова предлагает инструменты для оценки здоровья речевой среды и для различения практик загрязнения и очищения дискурса [Сквородников 2016]. В применении к тематике инвалидности это означает необходимость разведения юридически точной терминологии и уважительных коммуникативных формул, выбора между ортфемизмами и эвфемизмами в зависимости от домена и жанра, а также учёта самоназвания и предпочтений сообществ. Такая рамка позволяет рассматривать изменение лексикона не как декоративную замену слов, а как часть системной саморегуляции

языковой экосистемы, направленной на снижение стигмы и повышение инклюзивности.

В русскоязычном медийном корпусе устойчиво преобладают *people-first* модели, в которых субъект предшествует описанию особенностей. Наиболее частотны формулы *человек с инвалидностью* и *люди с инвалидностью*, а также развернутые номинации *человек с нарушением слуха* и *человек с ограниченными возможностями здоровья*. Их узбекские корреляты представлены аналитическими конструкциями нейтрального институционального регистра, среди которых *imkoniyati cheklangan* – с ограниченными возможностями, *alohida ehtiyojli* – с особыми потребностями, а также нормативно уточненная модель *nogironligi bo'lgan shaxs* – человек с инвалидностью. Данные формы персонифицируют референта, снижают стигму и согласуются с установками инклюзии.

Нейтрализующие конструкции демонстрируют сдвиг от диагнозоцентричности к описанию условий участия и необходимых поддержек. В русском дискурсе устойчивы сочетания с компонентом «нарушение», в частности с *нарушениями опорно-двигательного аппарата* и с *нарушениями развития*. В узбекских материалах им соответствуют формулы, фокусирующие внимание на функциональных ограничениях и потребностях, например, *eshitishida nuqsoni bor shaxs* – человек с нарушением слуха, *ko'rishida cheklovlari bor fuqaro* – гражданин с нарушениями зрения, *ruhiy rivojlanishida o'ziga xosligi bor bola* – ребенок с особенностями психического развития. Такие номинации выполняют функцию мягкой категоризации и поддерживают лингвоэкологический принцип понижения стигмы.

Комплиментарные эвфемизмы создают позитивный фон, но сопряжены с риском патерналистской рамки и подменой разговора о правах эмоциональной образностью. В русскоязычных текстах закрепились обороты *особенные дети* и *солнечные дети*. В узбекском сегменте подобные решения встречаются реже и ограничены жанрами благотворительных репортажей и социальных очерков, характерны выражения *mehrga muhtoj bolalar* – *дети, нуждающиеся в заботе*, и *qalbi quyosh bolalar* – *дети с солнечным сердцем*. Лингвоэкологическая оценка рекомендует использовать подобные формулы лишь там, где они не затмевают обсуждение доступности, поддержки и прав.

Институциональная лексика формирует отдельный слой нормализации и стандартизации. В русском медийном поле широко употребляются аббревиатуры *ОВЗ* и *ЛОВЗ*, что отражает тенденцию к экономии выразительных средств и формализации повествования. В спортивном домене стабильно функционируют образования с компонентом пара-, в частности *Паралимпиада* и *параспорт*. В узбекских текстах наблюдаются соответствующие кальки и заимствования, прежде всего *Paralimpiya o'yinlari* –

Паралимпийские игры и *parasportchilar* – спортсмены параспорта, а также нормативные конструкции *nogironligi bo'yicha birinchi guruh* – инвалидность первой группы и *nogironligi bo'yicha ro'yxatdan o'tgan shaxs* – лицо, состоящее на учете по инвалидности. Подобные единицы частично деэмоционализируют высказывание, однако требуют пояснительной работы в материалах для массовой аудитории.

В обоих языках усиливается тенденция к описательно-нейтральным формулировкам, где акцент делается на способе участия, а не на ограничении. В русских текстах закрепляется выражение *человек, пользующийся креслом-коляской*, которое избегает метафоричности пассивности, в узбекских источниках наблюдается коррелят *nogironlar aravachasidan foydalanadigan shaxs* – человек, пользующийся креслом-коляской. В образовательной сфере русское *обучающийся с ограниченными возможностями здоровья* соотносится с узбекским *imkoniyati cheklangan o'quvchi* – учащийся с ограниченными возможностями, а при переходе к инклюзивной рамке предпочтительной становится формула *inklyuziv ta'limga muhtoj o'quvchi* – учащийся, нуждающийся в инклюзивном обучении, что смещает фокус с дефицита на условия.

Сопоставительный обзор фиксирует различия в распределении регистров и жанровых предпочтений. Русскоязычная пресса чаще использует эмоционально-позитивные метафоры в социальных сюжетах и одновременно вытесняет юридически маркированное слово *инвалид* в общедоступных жанрах. Узбекские издания демонстрируют устойчивое предпочтение институционально нейтральных формул, последовательно расширяя долю *people-first* моделей, показателен оборот *nogironligi bo'lgan sportchilar* – спортсмены с инвалидностью, и формула *rehabilitatsiya ehtiyoji bor shaxs* – человек, нуждающийся в реабилитации. При этом *nogiron* – инвалид сохраняется в правовых и статистических контекстах, где требуется терминологическая однозначность.

Лингвоэкологическая перспектива позволяет трактовать рост доли нейтрально уважительных и *people-first* конструкций как очищение речевой среды. Одновременно сохраняются зоны нормативной неопределенности, связанные с балансом между прозрачностью и экологичностью. В России юридическая терминология продолжает оперировать словом *инвалид*, тогда как медиадискурс закрепляет замещение через *человек с инвалидностью*. В Узбекистане идет консолидация между традиционным *nogiron* и аналитическими моделями *nogironligi bo'lgan shaxs* и *imkoniyati cheklangan shaxs* – человек с ограниченными возможностями, выбор определяется жанром и институциональным доменом. Эвфемизация в сфере инвалидности выступает надежным

индикатором лингвоэкологической нормы в обеих языковых экосистемах и требует регулярного мониторинга употребления, корректировки редакционных стайлгайдов и опоры на самоназвания сообществ.

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. Москва: КомКнига, 2005. 567 с.

Зверева М.И. Анализ эвфемизмов с позиции лингвоэкологии / М.И. Зверева // Филология: научные исследования. 2019. № 5. С. 28–32.

Сквородников А.П. Экология русского языка: монография / А.П. Сквородников. Красноярск: Сиб. гос. ун-т, 2016. 388 с.

Солодилова И.А. Критерии идентификации эвфемизмов / И.А. Солодилова, Т.Ю. Соколова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 11(211). С. 73–78.

Lexical diversity of scientific articles and medical reviews

text complexity, medical reviews, scientific articles, lexical diversity

Medical reviews represent the secondary source texts that aim at revealing information published in academic articles. Nowadays such reviews gain more and more popularity as they allow professional communities to get the general overview of various medical research in a fast and convenient way. Thus, there are a lot of specific medical sites that publish such kind of reviews where the main findings of the medical field are highlighted.

At the same time the question arises regarding linguistic peculiarities of such texts because they combine characteristics of scientific texts and media ones. Therefore, it is relevant to investigate their features and arrange comparative analysis between medical reviews and primary academic sources to see the ways in which the material is presented in both types of discourse. However, within the limits of one article we can present only one aspect of our research that is connected with lexical diversity.

The term, indicating the range and variability of vocabulary within a text, appeared in 1920 [McCarthy 2007]. It reveals the richness of the lexicon and its variability within a text. Generally, for the purpose of lexical diversity measurement the index of Type-Token Ratio (TTR) is used. Traditionally TTR is calculating by dividing the number of different words by all the words within the text (token). Therefore, the index of TTR is substantially affected by the length of the analyzed abstract [Koizumi 2012]. So, we should admit that this formula presupposes a significant limitation that should be mentioned in connection with accuracy parameters of TTR calculation. The length of the paragraph under consideration should not exceed 1000-word forms otherwise the estimation of lexical diversity index would not be properly estimated (Biber, 2006). It can be explained by the fact that the longer the text is, the more functional words it contains and thus the lower lexical diversity index is [Churunina 2023]. Thus, in our research in order to estimate lexical diversity we divided the compiled corpora of medical reviews and their scientific counterparts into equal unites, estimated their lexical diversity and after it calculated the average value for each indicator.

The received data are presented in Table 1.

Table 1. Lexical diversity of medical reviews and scientific articles

Indicator	Medical reviews	Scientific articles
Content Type-Token Ration	0.41	0.36
Lexical diversity of nouns	0.52	0.46
Lexical diversity of verbs	0.68	0.61
Lexical diversity of adjectives	0.66	0.64
Lexical diversity of adverbs	0.67	0.69

It is interesting to point out that the general level of lexical diversity is higher in medical reviews than in scientific texts. This can be explained by the fact that in academic articles authors use a lot of figures, numbers, tables and calculations to reveal their key findings. In reviews authors tend to preserve a descriptive way of material representation where all visual results are generally revealed through words that initially leads to a more varied number of lexical items.

In both types of discourse, the least diverse are the nouns. It is mainly caused by the nominal character of the texts under consideration. As long as they constitute the most numerous elements of the texts their repetition is inevitable. Moreover, their constant usage provides cohesion between different parts of the articles.

Diversity of verbs, adjectives and adverbs is a bit higher in medical reviews however, the gap is not considerable. Their variety is also understood through their less numerous numbers within the studied texts. Verbs, adjectives and adverbs are not that frequent in the analysed articles and reviews therefore, their variety is higher in comparison with nouns in both corpora.

In conclusion we can say that scientific articles can be characterized by less diverse level of lexical units in comparison with their secondary counterparts. On the one hand it can be quite contradictory as academic texts are believed to be more complicated from the point of their lexical arrangement. However, the descriptive nature of reviews makes them more varied.

References

Churunina A.A. Lexical diversity as a predictor of complexity in textbooks on the Russian language / A.A. Churunina, M.I. Solnyshkina, I.E. Yarmakeev // Russian Language Studies. 2023. Vol. 21, No. 2. Pp. 212–227.

Koizumi R. Effects of text length on lexical diversity measures: using short text with less than 200 tokens / R. Koizumi, Y. In'nami // System. 2012. Vol. 40, No. 4. Pp. 554–564.

McCarthy P.M. A theoretical and empirical evaluation / P.M. McCarthy, S. Jarvis // Language Testing. 2007. Vol. 24, No. 4. Pp. 459–488.

Формы не прямой вербальной агрессии в предикатной лексике русского языка

*непрямая коммуникация, вербальная агрессия,
предикатная лексика*

С развитием теории «непрямой коммуникации» появилась необходимость идентифицировать особые смысловые компоненты, используемые говорящим с целью скрытого воздействия на адресата речи. Можно предположить, что наиболее явно не прямая коммуникация выражена в глаголах агрессивного речевого поведения. Использование предикатной лексики данной группы является частью особой речевой стратегии, цель которой заключается в передаче «субъектно-объектного типа общения» и «негативирующего воздействия», оказываемого на собеседника или лицо, косвенно участвующее в коммуникации [Воронцова 2006: 4].

Объектом нашего исследования стали глаголы, характеризующие скрытое агрессивное речевое поведение человека. Цель работы – на основе анализа лексикографических источников и данных Национального корпуса русского языка выявить и описать формы не прямой вербальной агрессии в предикатной лексике русского языка, а также их семантические группы и компоненты не прямой коммуникации.

Как известно, элементы не прямой коммуникации требуют особого подхода к их интерпретации. Для декодирования такого типа послания необходимо учитывать все возможные коммуникативные сигналы: эмоциональное состояние говорящего в момент речи, его отношение к адресату, статус взаимоотношений между коммуникантами и т.д.

Собранный и систематизированный нами материал позволил выделить следующие формы не прямой вербальной агрессии: клевета, ябедничанье, распространение слухов и сплетен, насмешка, подшучивание (передразнивание и ирония), искажение информации, нечленораздельное выражение отрицательных эмоций и прекращение коммуникации. Рассмотрим их более подробно.

Клевета: *клеветать, клепать* (устар. и прост.), *наговаривать* (разг.), *оболгать* (разг.), *оговорить, порочить, чернить*. *Между тем мое положение становилось невыносимым; самые низкие страсти понемногу завладели душой моей; мне случалось **клеветать** на Колосова в присутствии Вари* (И.С. Тургенев. Андрей Колосов).

Клевета носит ярко выраженный агрессивный характер, так как реализует желание говорящего нанести вред репутации какого-либо лица, как правило, не участвующего в коммуникации и не имеющего возможности повлиять на распространение ложной информации о нём (семантические компоненты: 'порочить', 'наговаривать'). Так, имплицитная направленность данного речевого акта выражена в отсутствии прямого контакта между говорящим и жертвой оговора.

Ябедничанье: *доносить, жаловаться, кляузничать* (разг. презр.), *наушничать* (разг.), *нашептывать* (разг.), *фискалить* и *фискальничать* (устар. разг.), *ябедничать* (разг. пренебр.). *Жажда власти, ежеминутный страх потерять ее не давали ей покою ни днем, ни ночью; она даже имела шпионов, которые доносили ей все, что говорилось и делалось в застольной...* (Н.А. Некрасов. Три страны света).

Распространение информации о «нежелательных» действиях каких-либо лиц без их предварительного информирования об этом – одна из наиболее распространенных форм вербальной агрессии (семантические компоненты: 'тайно наговорить', 'передавать что-л. тайное, содержащее обвинение'). Реализуя данную речевую стратегию, говорящий преследует ряд целей: 1) расположение вышестоящего лица и возможность рассчитывать на его помощь в дальнейшем; 2) «наказание» или «избавление от кого-либо» посредством властных полномочий другого человека без личного участия. При этом получатель информации также становится объектом манипуляции – информация может оказаться ложной. Непрямой характер коммуникации выражен в отсутствии прямого контакта между говорящим и объектом жалобы.

Распространение слухов и сплетен: *болтать* (разг. неодобр.), *злословить, поговаривать* (разг.), *расславить* (разг.), *славить* (прост.), *сплетничать, судачить* (прост.), *шептывать* (разг. неодобр.). *Вспоминали прежних помпадурш, какие они были халды и притязательные, как наушничали, сплетничали и даже истязали...* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Помпадурши и помпадурши).

Несмотря на то, что этикетная традиция однозначно определяет распространение слухов и сплетен как нечто безнравственное и недопустимое, сам речевой акт не всегда связан с проявлением враждебности по отношению к кому-либо. Принципиально важным для доказательства наличия агрессивного компонента в высказывании является соблюдение ряда условий: обсуждаемый человек обязательно должен быть представлен с негативной стороны, а слух – содержать заведомо ложную информацию и распространяться с целью навредить чьей-либо репутации (оценочные семантические компоненты 'злобные', 'плохие' относительно понятий слухи, сплетни).

Насмешка: *высмеивать, глумиться, ехидничать* (разг.), *зацепить* (разг.), *изгаляться* (прост.), *насмехаться, насмешничать, поддеть*

(разг.), подпустить (разг.), проехаться (разг.), пройтись (разг.), уесть (прост.), шпынять (прост.), щунять (прост.), щучить (прост.), язвить. Да побольше, да получше **глумиться** над ней, карикатурить ее, чем грубее – тем лучше; тем больше будут смеяться! (Ф.М. Достоевский. Ответ «Русскому вестнику»).

Насмешка сложна в идентификации, и это напрямую зависит от смешанного характера её природы – она находится между шуткой (нейтральный семантический компонент 'подшутить') и грубостью (оценочные компоненты 'язвительно', 'мелочные', 'злобно'), что делает её достаточно обидной для адресата, но при этом «считывается» как нечто забавное и остроумное окружающими. Это как бы «защищает» говорящего от возможного обвинения в нанесении оскорбления и ставит высмеиваемого в «слабую», позицию «вынужденного молчания». Таким образом, выражение агрессии приобретает непрямой характер реализации.

Подшучивание (передразнивание и ирония): дразнить, иронизировать, передразнивать, подшучивать. Я сначала задираю, он не задирается, я вызвал-таки на спор, стал **«иронизировать»**, как он выразился, и сделал ему больно (Л.Н. Толстой. Дневник).

Сложность интерпретации иронии заключается во внешне серьезном характере высказывания. Так, ироничной может быть похвала, а её истинное значение (обратное демонстрируемому) будет понято только определенным кругом лиц или исключительно говорящим (компоненты 'тонкая' и 'скрытая' относительно понятия насмешка). Передразнивание в сравнении с этим более очевидно для адресата, но, как правило, осуществляется при отсутствии адресата или сводится к безобидной шутке. Это блокирует возможность призыва его к серьезному ответу.

Искажение информации: исказить, подтасовать, извратить, недоговорить, недосказать, перевернуть (разг.), передернуть (разг.), преувеличить, преуменьшить и приуменьшить, приврать (разг.), прикрасить (разг.), прилгнуть (разг.), присочинить (разг.), приукрасить, приписать, умолчать. Но теперь и я спрошу Наблюдателя: как могли вы до такой степени **исказить** факты в таком важном обвинении и выставить всё в таком ложном и небывалом виде? (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя).

Манипуляция является основным признаком акта не прямой коммуникации. В данном случае информация, сообщаемая адресату в качестве истинной, изменяется с целью достижения говорящим собственных корыстных целей (наличие смыслового компонента 'намеренно' в семантической структуре предикатов). Так, действия и суждения адресата оказываются контролируруемыми другим человеком при иллюзии его полной автономности.

Нечленораздельное выражение отрицательных эмоций: *змыкнуть* (язвительно, разг.), *фыркнуть* (презрительно), *хмыкнуть* (иронически) (разг.), *цыкать* (прост.), *шикать* (разг.). *Что-то не так сказал, али не припас. Как цыкнет на него* (Л.Н. Толстой. Записная книжка).

В некоторых случаях коммуникативный акт может быть представлен отдельными элементами речевого потока. Так, некоторые звуки, произнесенные с особой интонацией, темпом и громкостью, могут передавать эмоциональное состояние говорящего. В данном случае возможным представляется ориентирование на словарные пометы.

Прекращение коммуникации: *безмолвствовать* (книжн.), *игнорировать*, *избегать*, *молкнуть* (книжн.), *молчать*. *Тут Иван Иванович совершенно обиделся, замолчал и принялся убирать индейку...* (Н.В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки).

Прекращение коммуникации характеризуется полным отсутствием реакции на собеседника и совершается с целью вынудить игнорируемого человека совершить какие-либо действия для возвращения расположения к себе. Применение данной речевой стратегии становится средством указания на иерархию между коммуникантами: только тот, чье участие в коммуникации необходимо, может таким образом шантажировать окружающих.

Таким образом, глаголы, называющие некоторые виды речевой агрессии, являют собой различные формы не прямой коммуникации, что отражается в их семантической структуре.

Литература

Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: автореф. дис. ... доктора филол. наук / Т.А. Воронцова. Челябинск, 2006. 44 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 4: Глагол / отв. ред. Н.Ю. Шведова. Москва: РАН Ин-т рус. яз., 2007. 952 с.

Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Москва, 1999. 694 с.

Психолингвистические особенности восприятия рекламных текстов студентами-нефилологами

*психолингвистика, восприятие рекламных текстов,
когнитивные процессы, эмоциональное восприятие,
языковая интерференция, рекламная коммуникация,
интеркультура, обучение русскому языку как иностранному*

Понимание языка невозможно без обращения к механизмам его восприятия, обработки и воспроизведения в сознании индивида. В контексте преподавания русского языка как иностранного психолингвистический подход играет ключевую роль, особенно при работе с такими особыми речевыми жанрами, как реклама. Рекламные тексты апеллируют к чувствам, опыту и культурным ассоциациям, действуя не только на рациональную, но прежде всего, на эмоционально-интуитивную сферу. Это требует комплексного понимания процессов, происходящих в сознании студентов при восприятии такого рода сообщений.

Студенты-нефилологи, обладая ограниченным лингвистическим опытом в русском языке, воспринимают рекламные тексты не как аналитические объекты, а как эмоциональные и прагматически насыщенные импульсы. Психолингвистический подход в обучении помогает не только анализировать, но и предсказывать, как те или иные языковые элементы будут интерпретироваться обучающимися, а также определять степень их эффективности в речевом восприятии.

При восприятии рекламы активизируются сразу несколько когнитивных и языковых уровней. Речь идет о фонетико-интонационном, лексико-семантическом, синтаксическом и прагматическом уровнях. При этом работа памяти, внимания, воображения, предвосхищения смысла и интерпретации играет решающую роль.

Один из основных процессов – смысловое прогнозирование. Студент, прочитавший начало слогана «Сила природы...», может предсказать продолжение, активируя в памяти схожие речевые шаблоны. Однако если учащийся не владеет нужными лексическими или культурными ассоциациями, происходит диссонанс восприятия, что, с одной стороны, вызывает трудности, а с другой – активизирует обучающий механизм языковой догадки.

Также большую роль играет когнитивный резонанс, возникающий тогда, когда образы или формулы рекламы совпадают с уже имеющимися у студента в сознании схемами. Например, фраза «Почувствуй

вкус свободы!» срабатывает лучше, если учащийся ранее сталкивался с аналогичными конструкциями на английском или в рекламе на родном языке.

Для студентов-нефилологов это означает, что эффективность рекламного текста как дидактического материала во многом зависит от того, насколько его структура совпадает с уже имеющимися когнитивными шаблонами.

Таблица 1. Этапы психолингвистического восприятия рекламного текста

Этап восприятия	Характеристика	Препятствия и стимулы при обучении
Перцептивный	Восприятие формы (графика, ритм, звук)	Мешает непривычный шрифт, сложные визуальные коды
Лингвистический	Распознавание слов и фраз	Сложности при встрече с идиомами и сленгом
Смысловой	Интерпретация лексико-семантических значений	Нехватка фоновых знаний
Прагматический	Осознание цели и интенции говорящего	Недостаточное знание культурных норм
Эмоциональный	Реакция на стиль, интонацию, оценочность	Высокая чувствительность к эмоциональному языку

Данная схема позволяет более точно понять, на каком этапе возникают основные трудности у студентов при восприятии рекламных текстов и как на них методически можно повлиять.

Один из важнейших психолингвистических факторов, влияющих на успешность интерпретации рекламного текста, – наличие фоновых знаний, которые активируются при встрече с определенными словами, образами, концептами. Для студентов, владеющих русским языком как иностранным, нехватка таких знаний может затруднить восприятие даже грамматически простого текста.

Рассмотрим следующий пример: «Новогодняя акция! Подарки от Деда Мороза всем покупателям!» На первый взгляд, текст элементарен. Однако его успешное восприятие требует:

- знания о празднике «Новый год»;
- представления о фольклорном персонаже «Дед Мороз»;

– понимания традиции дарения подарков.

Без этих элементов реклама теряет свой смысл. Следовательно, преподавателю необходимо активировать у студентов фоновое знание, предварительно знакомя их с соответствующими культурными реалиями.

Другой аспект – интеркультурные интерференции. Например, восприятие рекламы со слоганом «Только для настоящих мужчин!» может быть различным в культурах с разной трактовкой гендерных ролей. Для преподавателя важно не только объяснить языковую сторону фразы, но и создать пространство для диалога о культурных различиях и возможных интерпретациях.

Психолингвистика подчеркивает важность таких когнитивных механизмов, как оперативная память, ассоциативное мышление и языковая догадка. При восприятии рекламы эти механизмы особенно активны, поскольку большинство текстов рассчитано на быструю реакцию и минимальное когнитивное усилие со стороны реципиента.

Для студентов-нефилологов, наоборот, восприятие рекламы часто требует значительных когнитивных затрат. Однако именно это создает благоприятные условия для развития языковой догадки, основанной на следующих факторах:

1. визуальные подсказки (картинки, оформление);
2. семантическое окружение (сопутствующие слова и конструкции);
3. сравнение с аналогичными структурами в родном языке;
4. интонационная модель и ритмика текста.

Например, в рекламе «Мягкость кашемира в каждом прикосновении» студент может не знать слово «кашемир», но благодаря сочетанию слов «мягкость» и «прикосновение», а также визуальному ряду, может догадаться о смысле.

Применение принципа обучения через догадку (guessing from context) не только усиливает когнитивную активность, но и способствует усвоению новых слов без прямого заучивания.

Рекламные тексты активно задействуют эмоционально-аффективную сферу восприятия, воздействуя на чувства, мотивацию и личный опыт реципиента. Для студентов-нефилологов, воспринимающих язык не как систему, а как средство общения, именно эмоциональный отклик может стать ключевым звеном в формировании интереса и включенности в учебный процесс.

Эмоциональные реакции на рекламу включают:

- мгновенное принятие или отторжение текста;
- оценку привлекательности рекламы;
- идентификацию с персонажем или ситуацией в рекламном сообщении;

– запоминание слоганов и формул, обладающих аффективной окраской.

Яркие примеры реклам, вызывающих сильную эмоциональную реакцию:

«Ты всё можешь. Начни с себя!»

«Когда забота важнее слов...»

«Сохрани тепло в доме – и в сердце».

Такие тексты часто содержат имплицитное послание, воздействуя на подсознание студента. Даже при частичном непонимании слов, общее интонационно-ритмическое и визуальное оформление может вызвать отклик, который затем служит стимулом к изучению непонятного, а не барьером.

В психолингвистике это описывается как эмоционально-опосредованное восприятие, в котором эмоция становится предшествующей смыслу. Это особенно ценно в обучении языку, поскольку включает в работу немеханические формы запоминания, активизирует аффективную память и способствует более устойчивому закреплению материала.

Немаловажным фактором при анализе психолингвистических аспектов восприятия рекламы студентами является явление языковой и культурной интерференции. Речь идет о наложении структур родного языка или культуры на воспринимаемый текст на русском языке, что приводит к искажению смысла или изменению эмоциональной реакции.

Например, в ряде культур образ, используемый в рекламе – скажем, весёлый клоун в рекламе фастфуда – вызывает положительную реакцию. В других же может вызывать недоумение или даже страх, что кардинально меняет восприятие рекламного послания.

Таблица 2. Интерференционные эффекты при восприятии рекламы

Элемент рекламы	Возможная интерференция у студентов	Рекомендация преподавателю
Слоган «Вкус детства»	Непонимание метафоры	Пояснение культурного контекста
Реклама с гендерным акцентом	Непонимание или отторжение	Дискуссия о социокультурных различиях
Отсылка к фольклору	Неузнавание персонажа	Введение короткого культурного экскурса
Визуальный код (цвет, образ)	Иные ассоциации в культуре студента	Сравнение и анализ альтернативных интерпретаций

Интерференция может проявляться не только на уровне лексики и образов, но и в грамматических структурах. Например, использование инверсии или эллипсиса, характерного для рекламной речи, может восприниматься как ошибка или нелогичность, если в родном языке студента такая структура отсутствует.

Решением может быть постепенное адаптирование студента к особенностям рекламного синтаксиса через сопоставление, анализ, создание аналогичных конструкций.

Согласно исследованиям в области психолингвистики, студенты делятся на разные типы по способу обработки речевой информации, что сказывается на восприятии рекламных текстов. Основные типы:

1. Визуальный – опирается на зрительные образы, оформление, цвет.
2. Аудиальный – воспринимает информацию через ритм, звучание, интонацию.
3. Когнитивный – фокусируется на логике, смысле, аргументации.
4. Аффективный – реагирует прежде всего на эмоции, тон, внушение.

Психолингвистические особенности восприятия рекламных текстов студентами-нефилологами показывают, что данный жанр является эффективным инструментом в обучении русскому языку как иностранному. Реклама активизирует разнообразные когнитивные и эмоциональные механизмы – от фонетико-интонационного восприятия до смыслового прогнозирования и культурной интерпретации. Для успешного восприятия необходимы не только языковые знания, но и фоновое культурное понимание, а также развитие языковой догадки и критического мышления.

Использование рекламных текстов с учетом психолингвистических особенностей студентов позволяет создавать многоуровневые задания, способствующие развитию памяти, языковой интуиции и коммуникативной гибкости. Важную роль играет эмоциональная сторона восприятия, которая стимулирует мотивацию и заинтересованность обучающихся. Учет интеркультурных различий и индивидуальных типов восприятия повышает эффективность учебного процесса и способствует формированию метаязыковой осознанности.

Таким образом, интеграция рекламных текстов в учебный процесс не только обогащает лингвистический опыт студентов-нефилологов, но и формирует навыки адаптивного и гибкого использования языка в реальных коммуникативных ситуациях, что является ключевым аспектом успешного овладения русским языком как иностранным.

Литература

Балашова Е.Л. Реклама как средство формирования языковой компетенции / Е.Л. Балашова // Вопросы психолингвистики. 2018. №2. С.45-53.

Гомова Т.В. Когнитивные механизмы восприятия языка / Т.В. Гомова. Санкт-Петербург: Питер, 2015. 312 с.

Иванова М.С. Межкультурные аспекты восприятия рекламы / М.С. Иванова // Современный язык и культура. 2019. Т.7, № 1. С. 78-86.

Лаптева Н.А. Психолингвистический подход в преподавании РКИ / Н.А. Лаптева. Москва: Флинта, 2017. 220 с.

Чешко В.В. Языковая интерференция в обучении русскому языку / В.В. Чешко // Русский язык за рубежом. 2020. № 4. С. 23–31.

Шмидт Р. Восприятие рекламы: психолингвистический анализ / Р.Шмидт // Реклама и маркетинг. 2016. № 5. С. 12–20.

Лингвокультурный концепт: дефиниция термина

лингвокультура, язык, языковой знак, концепт

В современном лингвистическом анализе особое значение приобретает понятие лингвокультурного концепта, которое помогает понять, как культура влияет на формирование языка и восприятие мира его носителями. Данные концепты дают исследователям представление о языковых единицах не только как о средствах коммуникации, но и как носителях стереотипов, представлений и культурных ценностей. Различные ученые предлагают свои определения этого феномена, что говорит о многоаспектности данного явления.

На протяжении нескольких десятилетий в лингвистике и лингвокультурологии ведутся дискуссии о том, что из себя представляет концепт. Для одних он – ‘зернышко’, и объясняется это тем, что слово ‘концепт’ происходит от латинского глагола, означающего ‘собирать’, ‘содержать’, что делает его близким к идее ‘зерна’ как первоначала, основы, из которой что-то возникает. Для других – это ‘сгусток культуры в сознании человека’, т.е. это культурный опыт, входящий и хранящийся в сознании человека, который становится частью его ментального мира [Степанов 1997: 40].

В российской лингвистике термин ‘концепт’ появился и получил широкое распространение благодаря исследователю С.А. Аскольдову-Алексееву, который еще в 1928–1929-х гг. описал его в статье «Концепт и слово»: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1997: 267].

Лингвокультурный концепт является вариантом (подвидом) понятия ‘концепт’ и сосредоточивает внимание на культурных и ценностных аспектах, элементах, которые хранятся в менталитете народа. Концепт заостряет внимание на когнитивных, языковых и других представлениях о мире, в то время как лингвокультурный концепт – на стереотипах, представлениях, присущих конкретной культуре.

Рассмотрим концепты ‘добро’ и ‘зло’. В русской языковой картине мира ‘добро’ выражается словами и образами, связанными с *щедростью, светом и милосердием* (‘доброта’, ‘милосердие’, ‘чистота’), а ‘зло’ включает понятия *жестокости, тьмы, обмана* (‘гнев’, ‘змей’, ‘тем-

ная ночь'). Эти концепты создают в русской культуре моральную дихотомию, некие 'противоположности', закрепленные в языке, фольклоре, литературе, и служат средством осмысления нравственного устройства мира.

По мнению В.И. Карасика, лингвокультурный концепт не сводится к одному уровню, а включает различные смысловые компоненты: «... концепт состоит из трех компонентов – понятийного, образного и ценностного. <...> Ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить» [Карасик 2001: 8].

Лингвокультурный концепт выполняет несколько важных функций:

1. Когнитивная функция – организация и структурирование знаний о мире.
2. Культурная функция – сохранение и передача культурного опыта.
3. Коммуникативная функция – обеспечение взаимопонимания в рамках культурного сообщества.

Знания о лингвокультурных концептах находят широкое применение в различных сферах. Так, в преподавании иностранных языков они способствуют формированию и развитию межкультурной компетенции. В области перевода эти знания помогают обеспечить точную и адекватную передачу культурно-специфической информации. Кроме того, в лексикографической практике они используются для создания словарей, ориентированных на передачу культурных аспектов.

Далее речь пойдет о таких важных категориях, как 'понятие' и 'концепт', об их сходствах и различиях.

В.Г. Зусман определяет концепт как широкую, многослойную смысловую структуру, которая объединяет общее представление и его происхождение. В то время как понятие – более конкретный, внутренний образ или мысль, которая формируется внутри этого концепта [Межкультурная коммуникация 2001: 38].

Концепт и понятие в понимании В.З. Демьянкова – это синонимичные явления: «Термины «понятие» и «концепт» – исторически дублиеты, русское понятие калькирует латинское *conceptus*» [Демьянков 2007: 606].

По мнению Н.Ю. Шведовой, концепт – содержательное значение слова, отражающее определенную идею или свойства явлений, сформировавшееся в духовной и социальной жизни народа. Он включает связи с другими понятиями, имеет исторические корни и может проявляться в различных оттенках и переносных значениях. Понятие же является фундаментом концепта, имея внутренний потенциал и способное дифференцироваться, образуя различные оттенки и переносные значения слов [Шведова 2005: 603].

М.В. Пименова также не отождествляет данные два понятия, отмечая, что понятие – это часть концепта [Пименова, Кондратьева 2011: 13].

Н.А. Красавский, изучая структуры этих двух терминов, заметил: «Если рассматривать термин «понятие», то чаще всего отмечается, что по своей природе он проще, чем концепт. Так, понятие подразумевает мысль о предмете, а концепт – идею совместно с оценочными признаками, ассоциативными, а также абстрактными» [Красавский 2013, 1: 75].

Можно сделать вывод, что термины ‘концепт’ и ‘понятие’ нетождественны.

Сравнивая *концепт* и *слово*, мы можем подчеркнуть и взять во внимание все вышесказанное о сложности концепта и добавить, что он существует на уровне глубинного сознания. Что касается слова, то оно лишь фиксирует и передает часть концепта, находится на поверхностном уровне речи.

Во многих языках существуют концепты без словесной оболочки. Такие концепты можно назвать *безэквивалентной лексикой*, или *лакунами*. В русском языке социальную группу, в которую входит молодое поколение, обозначают словом *молодёжь*. А как быть с той же социальной группой, но по возрасту уже не являющихся молодёжью, значительно их старше? По такой аналогии следовало бы назвать данную группу *старёжью*, но такого слова в русском языке не существует. Следовательно, концепт группы возрастных людей существует, а словесной оболочки, языкового знака для данного явления нет.

Отца и *мать* в русском языке можно назвать одним словом – *родители*. А как быть с *бабушкой* и *дедушкой*, если нет их отдельного обозначения одним словом?

В английском языке есть концепт и словесная оболочка для обозначения любимого домашнего животного – *pet*, тогда как в русском языке есть лишь концепт.

Что касается противоположного явления, когда слово существует в языке, а четкого концепта не имеет, то можно привести несколько примеров:

- слова, вышедшие из употребления или потерявшие свое первоначальное значение (‘гульбище’ вместо ‘бульвар’; ‘мокроступы’ вместо ‘галоши’; ‘позорище’ вместо слова ‘театр’, предложенного славянофилами и т.д.);

- иностранные слова, попавшие в русский язык, но не нашедшие концепта (‘оксигениум’ и ‘гидрогениум’ вместо ‘кислород’ и ‘водород’; ‘перпендикул’ вместо ‘маятник’ и т.д.);

– экспериментальные слова, которые не получили четко очерченный концепт ('включатель' – попытка создать синоним к слову 'выключатель'; 'друшлаг', 'комфорка', 'тубаретка', 'колидор' – искаженные слова, не создавшие нового концепта).

Таким образом, понятие и концепт – это взаимосвязанные, но не тождественные категории разных научных дисциплин. Понимание различий между ними способствует точному анализу явлений, находящихся на пересечении языка, культуры и сознания.

Литература

Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность: Антология / С.А. Аскольдов; под ред. В.Н. Нерознака. Москва: Academia, 1997. С. 267-280.

Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры / В.З. Демьянков // Язык как материя смысла: сборник статей в честь академика Н.Ю. Шведовой / отв. ред. М.В. Ляпон. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2007. С. 606–622.

Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2001. С. 3–16.

Красавский Н.А. Концепты «мудрость», «терпение», «целеустремленность» и «любовь» в аксиологической картине мира Германа Гессе / Н.А. Красовский // Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященный 60-летию проф. В.И. Карасика: в 2 ч. / отв. ред. В.В. Колесов, М.Вл. Пименова, В.И. Теркулов. Киев: Издательский дом Д. Бурого, 2013. Ч. 1. С. 75–84.

Межкультурная коммуникация: учебное пособие / под ред. В.Г. Зусмана, А.А. Фролова. Нижний Новгород: Деком, 2001. 314 с.

Пименова М.В. Концептуальные исследования. Введение / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. Москва: ФЛИНТА; Наука, 2011. 176 с.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40–76.

Шаталова-Давыдова Е.В. Концепт как метод познания социокультурной реальности в России / Д.Е. Шаталова-Давыдова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. №3 (27). С. 156–160.

Шведова Н.Ю. Русский язык: Избранные работы / Н.Ю. Шведова. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 639 с.

Образ семьи в русской паремии

пословица, народная мудрость, семья

Пословицы и поговорки – это духовное наследие, которое содержит в себе историю, обычаи, традицию и мудрость народа. Паремии следует рассматривать и как знаковые единицы с их знаковой природой, и как фольклорные тексты, которые построены по определенной модели и закрепляют прескрипции поведения, принятые в данном лингвокультурном сообществе. В то же время пословицы и поговорки могут выступать своеобразным знаком конкретной ситуации, в которой они становятся полифункциональными, так как могут одновременно выполнять коммуникативную, поучительную, прогностическую, моделирующую и другие функции.

Русская паремийная традиция охватывает различные аспекты человеческих взаимоотношений: от экономических практик и нравственных норм до дружеских связей, при этом особое внимание уделяется теме семьи как фундаменту общественной жизни.

Модель семьи в составе паремии – это отражение традиционного представления о семейных ролях, ценностях и нормах, закрепленных в народном сознании и передаваемых из поколения в поколение через устную форму народной мудрости.

Важность образа семьи в устойчивых выражениях обусловлена тем фактом, что паремии – выражение народной мудрости, содержащее ценностные установки, нормы поведения и традиции русского уклада жизни. Например, пословица «Родина начинается с семьи» подчеркивает неразрывную связь между семейными отношениями и общественными устоями, свидетельствуя о глубокой значимости семьи в национальном сознании, в то время как «В гостях хорошо, а дома лучше» подчеркивает особое значение уюта и комфорта домашнего очага, который обеспечивает семья. Пословица «Не нужен и клад, если в семье лад» акцентирует внимание на том, что материальные ценности без поддержки близких теряют свое значение.

В древние века крестьяне жили семьями, состоящими из 15–20 человек: несколько поколений родственников – в том числе родители, женатые сыновья с детьми и внуками. «*Семья сильна, когда над ней крыша одна*», «*Вся семья вместе, так и душа на месте*», «*В родной*

семье и каша гуще» показывают важность совместного проживания нескольких поколений под одной крышей.

В русских пословицах обращают внимание не только на само понятие «семья», но и на взаимоотношения между ее членами: мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами, а также бабушками и дедушками с внуками. В примерах *«Муж – голова, жена – шея: куда шея повернет, туда голова и смотрит»* выражается традиционное понимание взаимозависимости супругов, несмотря на то, что муж является главой семьи, жена направляет его решения.

Взаимоотношения между родителями и детьми в русской культуре занимают центральное место. Народная мудрость гласит: *«Коли есть отец и мать, так ребенку благодать»*, что свидетельствует о глубокой любви и заботе родителей к своим детям. Воспитательная функция родителей широко признается как одна из ключевых в формировании личности ребенка.

В фольклорных источниках поговорки *«Где хороший отец, там и сын молодец»*, *«Не та мать, что родила, а та, что вырастила»* отражают глубокое убеждение о том, что именно родители закладывают основы характера, поведения и жизненных ориентиров ребенка. Наряду с этим, в народной мудрости акцентируется и значимость обратной связи – уважительного отношения детей к родителям. Пословица: *«Кто родителей почитает – тот не пропадает»* – указывает на высокую ценность семейных взаимосвязей и уважения к старшему поколению как важного элемента нравственного воспитания и устойчивости социальной структуры. Важность роли старшего поколения и межпоколенческих связей выражена в пословице *«У кого есть бабушка и дед, тот не ведает бед»*. Это выражение демонстрирует, что дедушки и бабушки являются хранителями традиций и источником радости для всей семьи. Отношения между братьями и сестрами также занимают важное место в системе семейных ценностей и подчеркивают значимость взаимопомощи, солидарности и поддержки среди близких родственников.

Пословица *«Лучших братьев и сестер не бывает»* отражает традиционные представления о семье как о сплоченной системе, где родственные связи основаны не только на биологическом родстве, но и на взаимном доверии, эмоциональной близости и готовности прийти на помощь в трудную минуту. Эти выражения народной мудрости фиксируют идеал крепких семейных отношений, играющих важную роль в формировании чувства безопасности, ответственности и коллективной идентичности у молодого поколения.

Русские пословицы отражают не только характер отношений между членами семьи, но и представления о типичных ролях, обязан-

ностях и личностных качествах каждого из них. Максимальное количество рассматриваемых паремий содержат слова жена и муж, что отражает центральное внимание народной мудрости к семейным ролям супругов. В этих пословицах роль мужа иная: «Будучи главой семьи, муж обязан не только руководить женой, но и заботиться о ней, любить, беречь и защищать ее: *Жена мужу пластырь, а он ей пастырь; У заботливого мужа жена век не тужит*» [Голайденко 2022: 18].

Роль жены традиционно связывается с заботой о муже, воспитанием детей и поддержанием семейного быта. Так, пословицы «*Не тот богат, у кого много добра, а тот, у кого жена хороша*», «*Мать кормит детей, как земля людей*» и «*Не красна изба углами, а красна пирогами*» подчеркивают важность поддержки супруга, заботу женщины и ее вклад в создание уюта и порядка в доме. В другом исследовании отмечено: «... русские паремии делают особый акцент на жене, потому что её роль в семье велика: забота о муже, воспитание детей, поддержание семейного быта» [Голайденко 2022: 18].

Русская народная мудрость уделяет внимание и другим членам семьи. Дедушка в пословицах выступает символом мудрости и жизненного опыта, а бабушка – воплощением заботы, любви и тепла. Например, «*Для внука дедушка – ум, а бабушка – душа*». Сын и дочь рассматриваются как надежда семьи, что отражено в пословице «*Дочерьми красуются, а сыновьями в почете живут*». Дочери воспринимаются как украшение и гордость семьи, а сыновья – как ее опора и продолжение рода. Этот взгляд подчеркивает разные, но взаимодополняющие функции детей в семейной структуре. Также старший брат часто выступает как фигура второго отца, что отражено в выражении: «*Старший брат – как отец*». Такая роль предполагает ответственность, заботу и поддержку младших членов семьи, укрепляя семейные связи и иерархию.

Таким образом, можно сделать вывод, что для русского народа семья имеет особое значение и воспринимается как источник внутренней опоры и жизни. В представлении русских, без семьи не существует и самого человека. Семья не только обеспечивает физическое благополучие, но и передает духовные и культурные ценности из поколения в поколение. Национальная паремиологическая картина мира отражает менталитет нации, является результатом познания окружающей действительности определенным социумом, поддерживает нравственные устои общества, предлагает сценарии поведения человека в соответствии с его социальной ролью.

Литература

Голайденко Л.Н. Воспитательный потенциал русских пословиц и поговорок о семье / Л.Н. Голайденко, Э.Р. Баширова // Педагогический журнал Башкортостана. 2022. № 3. С. 12–24.

Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. / В.И. Даль. Москва: Художественная литература, 1984.

Ким М. Лексемы «Муж» и «Жена» как компоненты лексико-семантического поля «семья» (на материале русских паремий) / М. Ким // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. №4. С. 25-28.

Ли Ц. Семья в русской паремиологической картине мира / Ц. Ли. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. № 5. С. 116–121.

Набиева С.Г. Паремиологические средства выражения концепта «семья» в русской языковой картине мира / С.Г. Набиева // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3. С. 445-446.

Фан Ян. Концепт «Семья» в русской и китайской языковых картинах мира / Ян Фан // Известия Томского политехнического университета. 2013. № 6. С. 250–254.

**Внутривидовая валентность бытийных ценностей:
триады «молодость – время – жизнь» в русской паремике**

*лингвоаксиология, внутривидовая валентность,
бытийные ценности, антиценность, паремия*

В статье рассматривается фрагмент русской аксиосферы, репрезентированный в паремиологическом фонде, через призму концепции аксиологической валентности. Объектом анализа выступает триада бытийных ценностей «молодость – время – жизнь». Цель работы – выявить и охарактеризовать механизм их внутривидового взаимодействия, проявляющийся в разнообразии ассоциативных связей.

Аксиологическая лингвистика, являющаяся одним из наиболее перспективных направлений современного языкознания, сосредоточена на разработке теории ценностей с позиций языкознания. К числу её центральных категорий относится понятие аксиосферы – сложной системы ценностных отношений, исторически сложившейся в рамках определённой лингвокультуры.

Особую значимость для реконструкции аксиосферы представляет паремиологический фонд, поскольку, как отмечает Т.Г. Бочина, ценность представляет собой стержневой компонент паремии, а аксиолексемы в них редко представлены изолированно, чаще – во взаимодействии друг с другом [Бочина 2025: 78]. Для описания механизмов такого взаимодействия вводится понятие аксиологической валентности, под которой понимается способность лексем, именующих ценности, вступать в семантические и синтаксические связи с другими аксиолексемами [Бочина 2023: 7]. Итак, анализ валентностных связей в паремиях позволяет выявить не только структуру ценностных отношений, но и специфику их вербализации в рамках конкретной лингвокультуры.

Согласно проведенным Л.Б. Савенковой исследованиям, бытийные ценности занимают третье место по частотности в русском пословичном фонде, что позволяет утверждать об их существенной роли в системе ценностей русской лингвокультуры [Савенкова 2002: 138–139]. Среди них такие ключевые аксиолексемы, как «жизнь», «время» и «молодость», обладают широкой валентностью и образуют устойчивые семантические триады. Анализ паремического материала (здесь и далее в статье цитаты пословиц и поговорок даются по В.И. Далю и В.М. Мокиенку) [Даль 1984: 287–302; Мокиенко 2010: 266–270] позволяет выявить, что триада «молодость – время – жизнь» является одной из

наиболее репрезентативных для выражения экзистенциальных установок.

Рассмотрим в первую очередь бинарные связи внутри триады.

а) Молодость – Время. Анализ паремиологического материала позволяет выявить две ключевые ассоциативные линии, формирующие аксиологическую валентность между концептами «молодость» и «время»: стремительная быстротечность и качественная ценность. Отношения между ними характеризуются, прежде всего, необратимостью и утратой. Время выступает как сила, уносящая молодость, что порождает установку на ее бережное использование и осознание быстротечности: *Молодость не воротить; Молодые годы, что воды, отшумят – не заметишь; Молодость летает вольной птишкой, а старость ползет черепашкой.*

Второй тип связи, напротив, актуализирует отношение тождества. Молодость осмысливается как наилучшая, самая ценная часть временного континуума жизни: *Золотое время – молодые лета; Золотая пора – молодые года.*

б) Молодость – Жизнь. Семантическая и валентностная связь между понятиями *молодость* и *жизнь* в русской паремии раскрывается через призму их диалектического единства и противопоставления. Данное противопоставление носит аксиологический характер, формируя бинарную оппозицию: ценность – *молодость* и её антиценность – *старость*. В русской паремике целостная картина «жизни» часто раскрывается через бинарную оппозицию «молодость – старость». Именно в этом заключается своеобразие понимания жизни русским народом: жизнь представляет собой не однородное целое, а диалектический процесс, состоящий из двух этапов – «молодости» и «старости». Так, в паремии *Человек два раза глуп живет: стар да мал* жизнь концептуализируется как целостный цикл, крайние точки которого отмечены незрелостью. Это придает жизненному пути парадоксальный характер движения от одной формы несовершенства к другой. В то же время пословица *И стар, да весел, и молод, да угрюм* нарушает прямолинейную аксиологическую схему, показывая, что ценностные характеристики (радость, уныние) могут быть независимы от возрастного этапа. Это свидетельствует о том, что жизнь ценится не только за внешние атрибуты возраста, но и за внутреннее качество бытия. Причинно-следственные связи этих двух ценностей тоже взаимомотивируют друг друга: *Смолоду наживай, а под старость проживай.* Молодость концептуализируется здесь не просто как один из этапов жизни, а как ключевой ресурсный потенциал, от рационального использования которого зависит качество всей последующей жизни.

в) Время – Жизнь. Данная связь является наиболее фундаментальной. Время осмысливается как форма существования жизни, ее мера

и неотъемлемый атрибут: *Жизнь есть небес мгновенный дар; Век живи – век учись; Время красит, а безвременье чернит.* (Здесь «безвременье» как антиценность противопоставляется полноценной жизни).

Рассматривая три ценности вместе, можно выявить более сложные семантические отношения, формирующие экзистенциальную модель. В их числе – причинно-следственные отношения: молодость как фаза жизни напрямую зависит от течения времени, а неразумное распоряжение этим ресурсом в ранний период закономерно приводит к негативным последствиям в будущем. Эта причинно-следственная связь находит прямое выражение в поговорках, таких как: *Молодость плечами крепче, старость головой; Чему в молодости не научился, того и в старости не узнаешь.*

Триада *молодость – время – жизнь* часто строится на противопоставлении идеала и суровой реальности, что показывает отношения контраста и диалектики: молодость как «золотая пора» противопоставляется неумолимому времени, которое ограничивает жизнь: *Молодость не в годах, а в силе.* Здесь демонстрируется отношение, где ценность *молодость* отрывается от хронологического *времени* и связывается с качеством *жизни*.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что триада *молодость – время – жизнь* образует в русском паремиологическом фонде взаимосвязанное аксиологическое ядро, репрезентирующее целостную модель бытия в русской языковой картине мира.

Семантика триады раскрывается через динамическое единство её компонентов: молодость выступает как субъект-носитель жизненной энергии, ценность которой осознаётся через её конечность; время является объективным условием и критерием этого осознания, задающим ритм и продолжительность существования; жизнь представляет собой целостный процесс, чья ценность и качество определяются взаимодействием молодости и времени. Аксиологическое единство триады проявляется в том, что все три компонента существуют в бинарной оппозиции со своими антиподами и формируют систему ценностных координат русской лингвокультуры.

Таким образом, триада *молодость – время – жизнь* представляет собой тесное структурно-семантическое единство, где каждый элемент усиливает и дополняет аксиологическое содержание других. Данное единство отражает глубинные установки русского национального сознания на осмысление человеческой жизни как краткого дара, чья ценность обусловлена его временной природой и требует мудрого использования. Широкая валентность этих аксиолем и их плотное взаимодействие в пословичном пространстве не только подтверждают их центральное положение в русской этнической аксиосфере, но и подчеркивают их важную роль в формировании национального миропонимания.

Литература

Бочина Т.Г. Внутривидовая валентность бытийных ценностей в русской паремике / Т.Г. Бочина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т.47, №5. С. 77–81.

Бочина Т.Г. Коммуникативная валентность гедонистических ценностей в традиционной русской аксиосфере / Т.Г. Бочина // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2023. № 6 (67). С. 7–12.

Даль В.И. Пословицы русского народа. В 2 т. / В.И. Даль. Москва, 1984. 544 с.

Мокиенко В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 2002. 240 с.

**К этимологии культовых топонимов эрзянского населения
села Баевка Николаевского района Ульяновской области**

*топонимика, этимология, мордва, эрзя-мордовский язык, Баевка,
Ульяновское Поволжье*

В данной работе публикуются и анализируются некоторые материалы полевых исследований автора, полученные в ходе экспедиции 2025 г. в эрзянские сёла Николаевского района Ульяновской области. Непосредственно эта статья посвящена культовым топонимам эрзя-мордовского населения с. Баевка и их этимологизации.

Прежде чем перейти к анализу топонимных единиц, дадим небольшую историко-этнографическую справку по эрзянскому населению данного субрегиона, тем более что речь идёт об этимологии культовых топонимов, для которой важен этноисторический контекст.

Архивными документами подтверждается появление эрзянских сёл на исследуемой территории в конце XVII – начале XVIII вв. Как этнотерриториальную общность осознают себя эрзяне сёл: Баевка, Телятниково, Давыдовка, Барановка, Славкино, Болдасьево и Губашево, в меньшей степени – Андреевка. При этом они же противопоставляют себя «кусту» эрзянских сёл, связанных с Мордовским Каналом.

Согласно местным историческим преданиям, мордва поселилась в этих местах, по меньшей мере, на столетие ранее, чем указано в официальных документах. Данное переселение связывается информантами или с именем Степана Разина (традиционно для различных этнотерриториальных групп народов Среднего Поволжья), или с ордой безымянного «башкирского хана», ставка которого располагалась у горы Чихан.

Этот этап истории местной мордвы не зафиксирован в документах, поэтому его можно характеризовать как «легендарный», тем не менее, в сознании эрзян Николаевского района он является вполне оформленным историческим фактом, следовательно, находит отражение в местных традициях. Отметим также, что в истории заселения мордвой обширных территорий Заволжья и Приуралья подобная практика поздней фиксации основанных ранее поселений в документах встречается достаточно часто.

Остаётся открытым вопрос, насколько мордовское население, упоминаемое в легендах, можно связывать с предками современных

эрзян Николаевского района. Можно лишь отметить, что эрзянское население сёл Баевка и Давыдовка считает себя этнически неоднородным, смешанным (при отсутствии языковых различий, которые могли нивелироваться за несколько веков совместного проживания – Н.Б.). Эрзяне Телятниково считают, что раньше на месте их поселения проживала мордва-мокша, от которой осталось старое кладбище (ПМА, Ульяновская область, Николаевский район, Телятниково, 2025).

Некоторые особенности эрзя-мордовских говоров рассматриваемых сёл действительно могут указывать на мокшанское влияние, как в фонетике, так и в лексике. Подобные явления тем более показательны, что письменно засвидетельствованы факты, когда мокшанское население подвергалось эрзянской языковой ассимиляции без значимого отражения в соответствующих эрзянских говорах [Евсеев 1914].

О различных аспектах трансформации языческих представлений мордвы-эрзи Николаевского района сказать сложно из-за недостатка материала. В настоящее время эрзяне района – православные христиане, значительная часть которых регулярно принимает участие в богослужениях.

Ярко выраженной особенностью местного традиционного мировоззрения мордвы является почитание деревьев, в особенности, дубов значительного возраста. Это явление вообще характерно для мордвы [Михалкович 2000], однако именно у данной этнотерриториальной группы эрзян оно проявилось столь ярко. Имеется такой дуб в окрестностях села Барановка, также известен почитаемый 300-летний дуб у села Старый Пичеур соседнего Павловского района Ульяновской области.

У жителей с. Баевка в прошлом также имелся такой дуб в пределах села, возле которого совершались общественные моления, назывался он *Капа тума*. Среди современного эрзянского населения Баевки память о нём нами не зафиксирована, сведения о данном культовом объекте нам сообщили жители села Барановка (ПМА, Ульяновская область, Николаевский район, Барановка, 2025).

Название *Капа тума* в настоящее время этимологизировать сложно, очевидной является только его вторая часть – *тума* (эрзянское литературно-письменное *тумо*) – ‘дуб’.

Слово *капа* наши информанты объясняли тем, что, так как моление у дуба было общим, то и собирались на него вместе, купно, в эрзянской адаптации – *капа*. Трудно судить о достоверности подобной этимологии, однако отметим, что подобная лексема в эрзянских говорах данного региона нами не фиксировалась.

По нашему мнению, нельзя исключать и отантропонимного происхождения данного топонима, например, рассматривать лексему *капа* как адаптированную уменьшительную форму христианского имени Капитон. Подобная уменьшительная форма зафиксирована в русских топонимах, например, в ойкониме *Каплино* (название деревни в Большесельском районе Ярославской области).

В настоящее время главным культовым местом на территории с. Баевка является родник с названием *Гулей*.

В баевском говоре эрзянского языка это название деэтимологизировано, вследствие утраты ряда географических апеллятивов. Согласно мнению наших информантов, оно происходит от того, что раньше «гуляли там» (ПМА, Ульяновская область, Николаевский район, Баевка, 2025).

Между тем, информанты в с. Телятниково, а также из ряда других окрестных населённых пунктов, утверждают, что раньше в баевском говоре бытовала лексема *лей* для обозначения небольших речек. Этот географический термин, имеющий в литературно-письменном эрзянском языке значение ‘река’, в различных говорах обладает разной семантикой; во многих вообще отсутствует, но спорадически сохраняется в топонимии [Беленов 2023: 33]. В настоящее время данная лексема нами в баевском говоре не зафиксирована. Тем не менее, полагаем, что именно географический термин *лей* следует видеть в финали рассматриваемого названия. Что касается его первой части, то она восходит к лексеме *гуй* – ‘змея’, и в настоящее время бытующей в баевском говоре.

Также следует упомянуть об объекте, имеющем культовое значение как для мордвы с. Баевка, так и для некоторых других эрзянских сёл района: о «горе» с поэтическим названием *Аварди пандо*. Это небольшая возвышенность с обрывистыми склонами, из которых бьют несколько десятков родников.

В данном случае этимология прозрачная: *аварди* – ‘плачет’, ‘плачущая’ + *пандо* – ‘гора’. Объект поименован по своим природным характеристикам. На равнинных территориях мордва даже относительно небольшие возвышенности маркирует лексемой *панда* / *пандо*.

Литература

Беленов Н.В. Топонимическое пространство эрзянского села Багана Самарской области: лексико-семантический и структурно-сопоставительный анализ / Н.В. Беленов // Вестник НГУ. 2023. № 2. С. 26–42.

Евсевьев М.Е. Отчёт о командировке в Самарскую и Казанскую губернии для изучения говоров мордовского языка / М.Е. Евсевьев. Казань, 1914. 17 л.

Михалкович И.Н. Реминисценция образа дерева в мифологии и фольклоре мордвы / И.Н. Михалкович // Инженерные технологии и системы. 2000, 1/2. С. 72–77.

Границы документальности: сравнительный анализ русской и узбекской прозы начала XXI века

*документальная проза, жанровая гибридность,
автобиографическое эссе, публицистический очерк,
историческая память, авторская рефлексия*

Документальная проза начала XXI века в русской и узбекской литературе отличается значительным жанровым многообразием, отражающим как общественные трансформации, так и национальные особенности литературного процесса. В условиях масштабных социальных и политических изменений документальные жанры выступают не только в качестве средств фиксации фактов, но и как инструмент осмысления действительности с позиции как автора, так и общества.

Проблема жанрового разнообразия в документальной прозе продолжает оставаться в центре внимания исследователей как в русской, так и в узбекской филологии. Настоящее исследование сосредоточено на анализе концепций трёх ключевых теоретиков, чьи подходы формируют методологическую основу современного понимания документальной прозы: Лидии Яковлевны Гинзбург, Александра Александровича Тесли [Тесля 2012] и Елены Георгиевны Местергази [Местергази 2007]. Выбор именно этих фигур обусловлен стремлением к аналитической глубине и логической целостности, а также необходимостью проследить эволюцию теоретического взгляда на документальное письмо – от классических оснований до современных интерпретаций.

Одной из первых, кто выдвинул системный подход к осмыслению жанровой специфики документальной прозы, была Л.Я. Гинзбург. В своих работах, прежде всего в книге «О лирике» и в ряде исследований 1960–1980-х годов, она акцентировала внимание на диалектической природе жанров, подчёркивая, что «жанр – это не форма, застывшая в своей нормативности, а структура, находящаяся в постоянном движении». Согласно её подходу, документальная проза возникает на пересечении социальных запросов и личной потребности автора в высказывании, что формирует особую позицию автора – между хроникёром, свидетелем и участником событий.

Эти положения приобретают особую актуальность в литературном контексте XXI века, характеризующемся стремительным развитием гибридных форм. Современные авторы активно используют смешанные

жанры: дневники, эссе, колонки, блоги, где сочетаются личная рефлексия, хроникальная фиксация и элементы художественного письма. Хотя такие тексты нередко выходят за пределы классических жанровых рамок, они сохраняют ключевые черты документальной литературы: ориентированность на факт, субъективность восприятия и авторскую форму высказывания.

Показательным примером здесь выступает книга Марии Степановой *«Памяти памяти»*, сочетающая архивные материалы, автобиографические фрагменты, размышления о прошлом и наблюдения за настоящим. Несмотря на отсутствие формального дневникового жанра, структура текста выстраивается по принципу дневниковой логики – как движение мысли «здесь и сейчас», сопровождаемое внутренней полифонией и постоянной работой с памятью – как личной, так и коллективной. Степанова, следуя модели, описанной Л.Я. Гинзбург, занимает позицию одновременно наблюдателя, исследователя и участника, выстраивая повествование на пересечении частного и исторического. Характерно её обращение к дневниковым записям Сьюзен Зонтаг как к «рабочему инструменту» – средству не только хранения идей, но и существования в повседневности.

Таким образом, дневниковая проза предстает не просто фиксацией событий, но актом творческой рефлексии, в котором автор активно взаимодействует с материалом, осмысляя и преобразуя его. Это подтверждает мысль Л.Я. Гинзбург о документальном высказывании как о лирическом акте самонаблюдения, особенно заметном в современной мемуарной прозе.

Особое внимание Л.Я. Гинзбург уделяла связи документального и художественного письма, подчёркивая, что документальные формы питаются выразительными средствами художественной литературы, сохраняя при этом факт как структурообразующий элемент. По её мнению, эстетическая ценность документального текста определяется не столько его приближённостью к «реальности», сколько способом организации материала, авторским отбором и интерпретацией фактов.

Таким образом, документальная проза в трактовке Л.Я. Гинзбург – это особое пространство, в котором автор, заявляя о своём реальном существовании, формирует вторичную, эстетически осмысленную реальность. Более того, документальные жанры выполняют историко-культурную функцию, особенно в условиях смены эпох, кризисов идентичности и идеологических трансформаций. В таких условиях дневник, мемуары, письма приобретают не только личностное, но и общественное значение. Документальное высказывание становится «актуализированной формой лирического самонаблюдения», в которой автор не только фиксирует, но и интерпретирует происходящее, предлагая читателю образ времени, преломлённый через индивидуальный опыт.

Подход Л.Я. Гинзбург позволяет рассматривать документальную прозу как динамическую межжанровую систему, в которой художественные и фактические элементы сосуществуют во взаимодействии. Границы между жанрами дневника, мемуаров, автобиографии и очерка оказываются условными, выполняя роль ориентиров, а не строго фиксированных категорий.

Особенно важной представляется мысль исследовательницы о том, что «документальная проза создаёт формы и открывает темы, невозможные на тот момент в художественной прозе», которые впоследствии могут быть ею освоены. Этот процесс влияет на структуру и стилистику как документального, так и художественного письма: нормируются повествовательные приёмы, складываются устойчивые схемы сюжетного развёртывания.

Таким образом, концепция Л.Я. Гинзбург даёт основание рассматривать документальную прозу как активно развивающийся и значимый сегмент литературного процесса начала XXI века. В условиях социальных трансформаций и усиления интереса к личному опыту документальные формы выходят за рамки сугубо фактографической функции, становясь полем художественного и идейного эксперимента. Это пространство поиска новых тем, образов и нарративных стратегий, отражающее не только индивидуальную судьбу, но и коллективную историческую память. Попытка зафиксировать культурно-исторические процессы, а также выразить субъективное восприятие перемен, делает тексты документальной прозы важным материалом для исследования жанровой гибридности и современной литературной рефлексии. Особенно ярко это проявляется в произведениях авторов, стремящихся осмыслить пересечение личной биографии и общественных изменений, что актуализирует необходимость изучения новых форм литературного свидетельствования.

Так, в эссе *«Образование и традиции: вызовы XXI века»* (опубликованном на платформе Ozodlik в 2019 году) узбекская писательница Хайдарова детально анализирует процесс реформирования мадрас в современной системе образования Узбекистана. Автор фиксирует конкретные изменения в учебных программах, отражает отношение различных социальных групп к происходящим преобразованиям, не скрывая при этом собственных переживаний, сомнений и надежд. Этот текст демонстрирует синтез публицистического анализа и автобиографической искренности, что сближает его с жанром «публицистической исповеди», где документальность сочетается с личностной рефлексией.

В интервью для Fergana News (2021) Хайдарова раскрывает внутренние мотивы своего интереса к теме мусульманской интеллигенции, связывая их с опытом своего поколения – поколения, оказавшегося на

границе эпох и вынужденного заново формулировать своё отношение к культурному наследию, духовности и глобальным вызовам. Интервью, таким образом, превращается в своеобразную форму литературного нарратива, сочетающего в себе черты свидетельства, мемуара и культурологического комментария.

Как отмечает Й. Солижонов, тексты, «реал воқеалар асосида яратилган ҳужжатли материаллар» (документальные материалы, основанные на реальных событиях), в современной узбекской литературе выполняют двойную функцию: с одной стороны, они способствуют сохранению исторической памяти, с другой – становятся формой авторского самовыражения. Такие произведения, по мнению исследователя, формируют специфическую модель документально-художественного письма, в которой сочетаются элементы хроникального повествования, автобиографической интонации и социального анализа [Солижонов 2011].

Жанровая структура документальной прозы в узбекской литературе XXI века пока остаётся в стадии активного становления, однако уже можно говорить о ряде устойчивых тенденций. Ш.Н. Бердиева подчёркивает, что «документальная литература охватывает реальные события, затрагивает актуальные общественно-политические вопросы и исторические темы, выполняя функцию аналитической интерпретации окружающей действительности».

Исследовательница акцентирует внимание на том, что документальная проза в Узбекистане приобретает всё более выраженное художественно-рефлексивное измерение, отходя от исключительно хроникального или фактографического подхода.

Аналогичную позицию занимает и Г.Т. Гарипова, которая отмечает, что рубеж XX–XXI веков в узбекской литературе ознаменовался усилением интереса к личностной памяти, культурным корням и исторической преемственности. С её точки зрения, «синтез традиционных и модернистских элементов, реализма и новых форм выражения создаёт основу для появления жанров, ориентированных на документальность, свидетельство и авторскую рефлексия». В то же время Гарипова подчёркивает, что институционализация жанра документальной прозы в узбекской литературе остаётся незавершённой, и многие процессы происходят в экспериментальном русле, открытом для трансформаций.

В литературном пространстве Узбекистана сегодня формируется целый спектр жанров, напрямую связанных с документальной прозой или приближающихся к ней по своим функциям. Особое место занимают автобиографические эссе, публицистический очерк, дневниковые записи, жизнеописания в стиле новой тазкире, а также интервью и литературные хроники, в которых авторский опыт сопрягается с анализом

общественных процессов. Эти формы представляют собой попытку переосмысления истории и современности через призму личного высказывания.

Как подчёркивает Ш.Н. Бердиева, документальная проза нового времени «всё чаще отказывается от вымышленных сюжетов в пользу достоверности, сопряжённой с личной или коллективной памятью, реальными лицами и фактами». Особенно ярко это прослеживается в произведениях, ориентированных на осмысление постсоветского опыта, кризисов идентичности и процессов модернизации в рамках национальной культурной парадигмы [Бердиева 2022].

Публицистический очерк сохраняет позиции одного из ключевых жанров документального письма, особенно в среде цифровых медиа и платформ независимой журналистики. Его функция сегодня выходит за пределы простого свидетельствования, трансформируясь в пространство социального анализа и формирования общественного сознания.

Очерки нередко базируются на интервью, наблюдениях, архивных данных, что делает возможным соединение документального материала с авторской оценкой. Примером может служить очерк Нафисы Гильмановой «*Сады Темуридов*», посвящённый историко-культурному наследию эпохи Тимуридов [Гильманова 2023]. Автор объединяет исследовательский подход с личной рефлексией, подчёркивая, что «документальный очерк позволяет соединить факты и эмоции, историю и современность, давая читателю возможность не только узнать, но и почувствовать значимость событий и личностей, о которых идёт речь».

Одновременно с этим всё большее значение приобретает *автобиографическое эссе*, в рамках которого происходит реконструкция личного опыта на фоне социокультурных изменений. Такие тексты становятся пространством для осмысления «времени и себя в нём»: они позволяют автору не только зафиксировать биографические вехи, но и интерпретировать их с позиции участника исторического процесса. Г.Т. Гарипова справедливо указывает, что «именно личностная рефлексия становится одним из ведущих содержательных и структурных компонентов современной документальной прозы».

Яркий пример – очерк Фархода Хамраева «*Памятная встреча*», опубликованный на портале Ziyouz.uz, в котором автор вспоминает своего отца, профессора Муратбека Каримовича Хамраева. Текст сочетает мемуарную стилистику с хроникальной точностью, а эмоциональная наполненность делает его не просто воспоминанием, но свидетельством личностного взросления и формирования идентичности в постсоветском пространстве. М.К. Хамраев пишет: «Этот период в моей жизни был, наверное, самым трудным и непонятным. После смерти отца, профессора Муратбека Каримовича Хамраева, я, двадцатилетний студент Ташкентского государственного университета, стал

много усилий прилагать, чтобы публиковать в Ташкенте, Москве, Алматы и в других городах различные материалы...».

Таким образом, современные тексты узбекских авторов демонстрируют явную тенденцию к расширению границ документальной прозы. Они формируют уникальные жанровые гибриды, где личное становится частью общественного дискурса, а документальность – условием для художественной интерпретации. Эти процессы позволяют говорить о становлении новой парадигмы документального письма, способной отвечать на вызовы времени, сохраняя при этом связь с культурной традицией.

Таким образом, документальная проза в обеих национальных литературах – русской и узбекской – выступает не только источником исторической памяти, но и значимым эстетическим феноменом, отражающим поиск новых форм самовыражения и способы художественного освоения реальности в условиях начала XXI века. Эта литература фиксирует не только факты, но и внутреннее напряжение времени, модулируя индивидуальный опыт в поле коллективного осмысления.

Разнообразие жанров – от дневников и автобиографических эссе до публицистических очерков и документально-художественных хроник – свидетельствует о расширении границ документального письма, о его стремлении не столько воспроизвести «объективную» реальность, сколько интерпретировать её с учётом личной перспективы. В этом контексте особенно актуальны концепции Л.Я. Гинзбург о диалектическом развитии жанров и о документальной прозе как форме лирического самонаблюдения, получившие подтверждение и развитие в современной литературной практике.

В узбекской литературе процессы жанрового оформления документальной прозы находятся в стадии активного становления, однако уже очевидны устойчивые направления развития: укоренённость в традиции, ориентация на личный опыт, внимание к социокультурным трансформациям. В русской литературе, напротив, наблюдается более глубокая институционализация жанра, что позволяет говорить о широкой палитре гибридных форм, находящихся на пересечении личного, исторического и художественного дискурсов.

Общим для обеих литератур является усиление авторской рефлексии, переосмысление границ между документальным и художественным, а также стремление не только зафиксировать происходящее, но и встроить его в более широкий культурный и этический контекст. Таким образом, документальная проза начала XXI века становится пространством продуктивного жанрового и смыслового синтеза, в котором индивидуальное слово обретает общественное значение, а художественное – документальную опору.

Продолжение исследования в этом направлении представляется перспективным как с точки зрения сравнительного анализа, так и в рамках изучения внутренней эволюции жанров, их соотнесённости с медийными форматами, цифровыми платформами и новыми формами читательского взаимодействия. Всё это позволяет рассматривать документальную прозу не как маргинальный литературный сегмент, а как одно из ключевых направлений современной словесности, формирующее эстетические, этические и исторические координаты литературного сознания XXI века.

Литература

Бердиева Ш.Н. Образ автора в книге С. Алексиевич «У войны не женское лицо» / Ш.Н. Бердиева // Филология как основа человеческой культуры. Архангельск: Издательский дом им. В.Н. Булатова САФУ, 2022. С. 104–108.

Гильманова Н. Сады Темуридов: историко-культурное наследие и современность / Н. Гильманова // Ziyouz.uz. 2023. Режим доступа: <https://ziyouz.uz/articles/sady-temuridov> (дата обращения: 13.09.2025).

Местергази Е.Г. Литература нон-фикшн / Е.Г. Местергази / non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. Москва: Совпадение, 2007. С. 15.

Солижонов Й. XXI аср насри манзалари: мавзу, муаммо ва ечим / Й. Солижонов // Шарқ Юлдузи. 2011. № 4. Б. 147–157.

Тесля А.А. Документальная проза: проблема и история жанров / А.А. Тесля // Учёные заметки ТОГУ. Электронное научное издание. 2012. Том 3, № 1. С. 7–17.

**Лингвистическая интерпретация ошибок
машинного перевода эмоционально окрашенной лексики
(на примере русского и сербского языков)**

*машинный перевод, перевод эмоционально окрашенной лексики,
перевод с русского на сербский, перевод с сербского на русский*

Современные системы машинного перевода (СМП) демонстрируют высокий уровень точности при передаче денотативной информации, однако нередко искажают эмоционально-прагматический компонент текста: экспрессию, тональность, иронию. Понимание природы таких ошибок имеет большую значимость не только для совершенствования алгоритмов машинного перевода, но и для развития лингвистической теории эмоций и прагматики. Данная проблема остается недостаточно исследованной, особенно в аспекте качественного лингвистического анализа ошибок. Более того, перевод эмоционально окрашенной лексики с русского на сербский и обратно представляет особую сложность и требует глубокого сопоставительного анализа. Несмотря на то, что русский и сербский языки близкородственные, эмоционально-прагматические значения и экспрессивные маркеры нередко расходятся, что приводит к отсутствию эквивалентов и обуславливает необходимость особого подхода к их переводу с одного языка на другой.

Целью настоящего анализа представляется выявление ошибок машинного перевода эмоционально окрашенных текстов, их анализ с лингвистической точки зрения и определение возможных путей коррекции. Наряду с этим, автор стремится к определению причин лингвистических ошибок, возникающих при машинном переводе эмоционально насыщенных текстов.

Задачи данного исследования заключаются в анализе эмоционально окрашенных текстов и их машинного и человеческого перевода, а также в классификации ошибок по уровням языка.

Методами исследования послужили сравнительный анализ (сопоставление результатов машинного перевода с человеческим), качественный анализ (интерпретация выявленных ошибок с позиций когнитивной и функциональной лингвистики), эмоционально-семантический (определение тональности) и лингвистический анализ ошибок (выявление семантических, прагматических и культурно обусловленных искажений).

В современной практике переводчики все чаще прибегают к помощи машинного перевода, поскольку СМП достаточно усовершенствованы и при передаче содержательно-фактуальной информации демонстрируют достаточно высокий уровень точности. Тем не менее, когда в текстах появляются более сложные конструкции, машинный перевод нередко предлагает ошибочный вариант.

В целях проведения настоящего исследования проанализированы тексты, содержащие эмоционально окрашенные конструкции, их перевод с помощью СМП и человеческий перевод. В результате проведенного анализа выявлено несколько видов лингвистических ошибок машинного перевода с русского на сербский и обратно, с помощью которых легко выявить слабые места нейросетевых систем.

Рассмотрим пример перевода сербской фразы *‘Хајде, здраво!’*. СМП предложила вариант *‘Давай, здравствуй!’*, который следует признать некорректным. В данном примере наблюдается культурно-прагматическая ошибка в машинном переводе. Лексема *‘хајде’* действительно имеет значение *‘давай’* в побудительных контекстах, однако *‘здраво’*, помимо основного значения *‘здравствуй’*, нередко употребляется и в значении *‘пока’*, *‘прощай’*. В данном контексте выражение *‘Хајде, здраво!’* имеет именно значение прощания, поэтому корректный перевод данной фразы на русский язык будет *‘Давай, пока!’*. Таким образом, ошибка машинного перевода обусловлена культурно-языковыми различиями в употреблении речевых формул приветствия и прощания.

Далее следует отметить, что одной из типичных ошибок машинного перевода в рассматриваемой языковой паре является буквализм при передаче устойчивых словосочетаний. Так, например, фразеологизм *‘Он мне на нервы действует’* нейросетевая система переводит как *‘Он ми делује на живце’*. Здесь акцент ставится на дословный перевод термина *действует*, вследствие чего фраза утрачивает естественность и не соответствует нормам разговорной речи. В данном случае корректными вариантами перевода являются *‘Нервира ме!’* или *‘Иде ми на живце!’*. Такой буквальный перевод фразеологизма СМП обусловлен игнорированием идиоматичности исходного выражения и недостаточным учетом прагматического уровня языковой эквивалентности.

Еще одним распространенным типом лингвистических ошибок машинного перевода является потеря экспрессии, в частности утрата разговорного тона и эмоциональной модальности. Так, фразу *‘Да ладно тебе!’* СМП передается как *‘О, хајде!’* или *‘Дај, добро ти!’*, что не соответствует прагматическому значению оригинала. В данном случае более адекватным эквивалентом является выражение *‘Ма, дај!’*, переда-

ющее ту же интонацию нелегкого несогласия или недоверия. При переводе в обратном направлении нейросетевая система аналогичным образом предлагает некорректные варианты – *‘Давай!’*, *‘Пошли!’*, *‘Ну давай же!’*, которые не отражают экспрессивный оттенок оригинала. Следовательно, приходим к выводу, что данный тип ошибок обусловлен неспособностью модели распознавать эмоционально-прагматическую окраску лексики, характерную для разговорной речи.

Стоит отметить также такие примеры, как *‘Я так скучаю!’* и *‘Ja сам баш срећна!’*, в переводе которых наблюдается потеря интенсификаторов, передающих степень эмоциональной выраженности. В частности, некоторые СМП предлагают варианты *‘Недостајеш ми!’* и *‘Я счастлива!’*, тем самым упуская элементы *‘так’* и *‘баш’*, выполняющих функцию эмоциональных усилителей. Подобное упущение приводит к снижению эмоционального градуса высказывания.

Не менее значимой представляется еще одна частая ошибка машинного перевода, которая приводит к утрате элементов разговорной эмоциональности и экспрессивного тона. Так, сербская фраза *‘Ma дај, немој ме зезати!’* СМП передается как *‘Да ладно, не дразни меня!’* или *‘Да ладно, не обманывайте меня!’*, что не отражает характерную для оригинала разговорную интонацию шутливости и легкого недоверия. Более корректным эквивалентом в данном случае является выражение *‘Да брось ты!’*, сохраняющее соответствующий эмоционально-прагматический оттенок.

Наконец, следует отметить еще одну типичную ошибку машинного перевода – потерю иронии и тональности при машинном переводе с русского на сербский и в обратном направлении. Так, в предложении *‘Јој, што си ми паметан!’* СМП не интерпретирует ироничный подтекст и воспроизводит буквальный вариант *‘Ой, какой ты умный!’*, что искажает исходное коммуникативное намерение. В данном случае более адекватным эквивалентом является выражение *‘Тоже мне умник нашелся!’*, позволяющее сохранить иронию, экспрессивность и разговорный тон оригинала. Подобные примеры демонстрируют ограниченность семантико-прагматических возможностей нейросетевых моделей в передаче оценочной модальности.

Таким образом, проведенный анализ текстов, содержащих эмоционально окрашенные конструкции, а также их сопоставление в машинном и человеческом переводе позволяют выделить четыре уровня лингвистических ошибок, типичных для СМП: лексический (неподходящий выбор слов, стилистическая неестественность), семантический (искажение смысла, дословный перевод метафоры, идиомы), прагматический (утрата экспрессии, иронии, эмоции) и культурный (неверная интерпретация реалий, речевых норм).

Настоящий анализ позволил не только провести комплексную оценку качества машинного перевода эмоционально окрашенных текстов, но и разработать лингвистическую типологию ошибок, возникающих при передаче эмоционального компонента высказывания. Таким образом, в рамках настоящего исследования предпринята попытка интеграции подходов лингвистики эмоций и машинного перевода, что позволяет предложить более адекватные переводческие решения для рассматриваемых языковых ситуаций.

Проведенный анализ и последующая классификация выявленных ошибок по уровням языковой системы позволили сделать следующие выводы:

1. Эмоционально-оценочные значения СМП передают достаточно некорректно, особенно в контекстах с иронией или культурно обусловленными эмоциями.

2. Ошибки в передаче эмоций связаны с отсутствием у моделей прагматического и культурного контекста.

3. Введение в модели лингвистических признаков эмоций (таких, как метафорические маркеры, экспрессивные частицы) способствует повышению семантической и прагматической адекватности перевода эмоционально окрашенных высказываний.

Результаты проведенного исследования подтверждают необходимость более глубокого взаимодействия между лингвистикой и технологиями искусственного интеллекта при разработке и совершенствовании СМП. Поэтому перспективным направлением дальнейших исследований представляется создание корпусов эмоционально окрашенных текстов для обучения нейросетевых систем. Подобный подход позволит приблизить качество машинного перевода к уровням человеческой интерпретации эмоционально насыщенной лексики.

Литература

Двойникова А.А. Метод распознавания сентимента и эмоций в транскрипциях русскоязычной речи с использованием машинного перевода / А.А. Двойникова, А.А. Кагиров, А.А. Карпов // Информатика и автоматизация. 2024. 23(4). С. 1173-1198.

Mrkaić M. The Serbian–Russian and Russian–Serbian Idiomatic Dictionary for Expressing Emotions: Theoretical and Practical Aspects / M. Mrkaić // Lexikos. 2025. 35(1). 233-255.

Naveen P. Overview and challenges of machine translation for contextually appropriate translations / P. Naveen, P. Trojovský // iScience. 2024. Volume 27. Issue 10. Article 110878.

Концепт «Lodos» в турецкой языковой картине мира

*ветры в Турции, турецкие названия ветров,
языковая картина мира, лодос, лингвокультурология, фразеология*

Исследование языковой картины мира находится на стыке лингвистики, культурологии и когнитивистики. Каждый язык по-своему концептуализирует окружающую действительность, что ярко отражается в лексике и фразеологии. Данная статья посвящена анализу концепта «Lodos» – наименования юго-западного ветра в турецком языке. Актуальность исследования обусловлена интересом к способам репрезентации природных явлений в разных культурах и их влиянию на формирование национального менталитета.

Турецкий язык, особенно в морской и метеорологической традиции, обладает развитой системой номинации ветров. Многие названия, такие как «lodos» и «royraz», имеют древние корни, восходящие к античной эпохе, что отражает богатую историю и культурное взаимодействие Турции с морем и соседними народами [Gökyay 1994: 216].

В турецкой традиции исторически выделяются четыре главных ветра (4 Ana Rüzgâr), соответствующие сторонам света:

Royraz (северо-восточный): происходит от греческого Βορέας (Boreas). Холодный, сухой и сильный ветер, ассоциирующийся с ясной погодой.

Lodos (юго-западный): происходит от греческого Νότος (Notos). Тёплый, влажный и порывистый ветер, приносящий осадки и вызывающий волнение на море.

Gündoğusu (восточный): чисто турецкое название, буквально «рождающийся от солнца». Сухой и прохладный ветер.

Karayel (северо-западный): этимология трактуется как «ветер с суши» или «чёрный ветер». Прохладный и часто сильный ветер.

Базовую систему расширяют до восьми румбов, добавляя, например, Yıldız (северный), Kible (южный) и Keşişleme (юго-восточный). Помимо этого, существуют важные местные ветры, такие как Meltem (летний морской бриз) и Samyeli (знойный ветер с пустынь). Эта детализированная система свидетельствует о глубокой интеграции метеорологического опыта в повседневную жизнь и язык [Türkiye Cumhuriyeti].

Концепт «Lodos» является одним из наиболее ярких и эмоционально нагруженных. Его ключевая характеристика – устойчивая репу-

тация ветра, вызывающего негативные психофизиологические состояния. В турецком языковом сознании глубоко укоренено представление о том, что *lodos* является причиной головной боли, мигрени, раздражительности, бессонницы и общего недомогания [Gökyay 1994: 217]. Это знание является частью коллективного народного опыта, находящего отражение в новостных сводках и бытовых разговорах.

Данный культурный опыт находит прямое отражение в ряде устойчивых выражений: «*Lodos baş ağrısı yapıyor*» – констатация причинно-следственной связи. «*Lodos gibi*» – характеристика вспыльчивого, несдержанного человека. «*Lodosun gözü*» – указание на скрытую угрозу или затишье перед бурей. «*Başımı Lodos aldı*» – идиома, описывающая состояние сильной, давящей головной боли. «*Lodos insanı*» – характеристика непостоянного, капризного человека.

Эти идиомы демонстрируют, что в турецкой языковой картине мира «*Lodos*» устойчиво ассоциируется с негативными характеристиками: непредсказуемость, раздражительность, причинение физического и психического дискомфорта. Подчеркивается амбивалентность концепта: будучи теплым ветром, он воспринимается не как ласковый, а как тревожный, давящий и болезненный феномен. Его влияние выходит за рамки метеорологии, затрагивая самочувствие и социальное поведение. Таким образом, «*Lodos*» становится полноценным культурным концептом, «скриптом» переживания определенного климатического явления [Телия 1996: 154]. Его воздействие на жизнь города значительно: в Стамбуле в дни сильного «лодоса» могут отменяться паромные рейсы, а в новостях появляются сообщения о возрастающем количестве дорожных происшествий.

В русской языковой картине мира, сформированной в условиях континентального климата, нет прямого и столь же эмоционально нагруженного эквивалента для «*Lodos*» [Артемова 2016: 69]. Юго-западный ветер обозначается преимущественно техническим, географическим термином, лишенным развернутой культурной мифологии.

Наиболее близкие аналоги – это ветры-«персонажи», связанные с холодной и снежной стихией:

«Сиверко»/«Север»: Дискомфорт связан с пронизывающим холодом, а не с мигренью.

«Метель»/«Вьюга»: Их семантическая сфера – снежная буря, холод, потеря ориентации.

«Бора»: Близкий аналог по драматизму, но природа боры – шквалистый холод, а не душное состояние.

Проведенное сравнение наглядно иллюстрирует, что «языковая картина ветров» народа – это картина его главных климатических вызовов и переживаний [Апресян 1995: 42]. Для турок, живущих у моря,

одним из ключевых вызовов является душный, нездоровый и непредсказуемый Lodos, в то время как для русских – ледянящий Сиверко и слепая Метель.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что концепт «Lodos» является уникальным и глубоко укорененным элементом турецкой языковой картины мира. Он отражает целостный климатический, физиологический и культурный опыт народа. Его детальная разработка во фразеологии, устойчиво связанная с физиологическим и психологическим дискомфортом, выделяет его среди других ветров.

Концепт «Lodos» функционирует как сложный культурный код, через который передаются знания о специфическом природном явлении и его воздействии на человека. Сопоставление с русскими аналогами демонстрирует, как разные языки по-своему концептуализируют сходные природные явления, фокусируясь на тех их аспектах, которые наиболее значимы в конкретных природных и социокультурных условиях. Дальнейшее исследование может быть направлено на анализ репрезентации данного концепта в турецкой художественной литературе и фольклоре.

Литература

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1995. №1. С. 37–67.

Артемова А.Ф. Концепт «ветер» в русской и китайской лингвокультура / А.Ф. Артемова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-1 (66). С. 68–71.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Маслова В.А. Лингвокультурология. учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслов. Москва: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Gökyay O.Ş. Dünden Bugüne İstanbul Ansiklopedisi: "Lodos" maddesi / O.Ş. Gökyay. İstanbul: Kültür Bakanlığı ve Tarih Vakfı Yayınları, 1994.

Türkiye Cumhuriyeti Devlet Meteoroloji İşleri Genel Müdürlüğü. Режим доступа: <https://www.mgm.gov.tr/> (дата обращения: 15.10.2023).

Vardar B. Açıklamalı Dilbilim Terimleri Sözlüğü / B.Vardar. İstanbul: ABC Kitabevi, 1988. 294 s.

Гипонимы в карикатуре миграционного дискурса

*миграционный дискурс, гипероним, гипоним,
поликодовый текст, карикатура*

Настоящее исследование посвящено изучению гипонимов гиперонима 'мигрант' на материале карикатуры миграционного дискурса на русском языке. Цель работы – определить лексическое разнообразие описания фигуры мигранта в зависимости от типа миграции, обсуждаемого в тексте карикатуры. Миграционный дискурс, который Н.Г. Терюха рассматривает как «институциональный дискурс, так как своей деятельностью и взаимодействием социальных групп порождает специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые, не будучи знакомы, общаются в соответствии с нормами данного социума» [Терюха 2020: 329], традиционно реализуется в таких жанрах, как медийный, политический, юридический, административный, социальный и др. [Van Dijk 2018: 230–233].

Мы предлагаем рассмотреть проблему определения мигранта на примере поликодового жанра – карикатуры. Известны работы, которые определяют карикатуру как жанр политического дискурса, основной характеристикой которого является «высокий динамизм публикационной активности определенной публикации и/или авторов» [Dugalich 2018: 159]. Мы провели наше исследование на материале корпуса из 65 карикатур миграционной тематики, находящихся в открытом доступе в сети Интернет, и пришли к выводу о том, что гиперониму 'мигрант' соответствуют гипонимы по типу миграции, обсуждаемому в карикатуре.

Самый частотный тип миграции в нашей выборке – трудовая, экономическая. К ней относятся гипонимы:

- *гастарбайтер* (на визуальном уровне представлен как прецедентный феномен – Равшан и Джамшут из сериала «Наша Russia»);
- *мигрант-штрейкбрехер* (на визуальном уровне представлен как мигрант, готовый работать во время забастовки национальных рабочих за низкую плату);
- *супергастарбайтер* (на визуальном уровне представлен как Джамшут в образе супермена, летящий спасать страну – выполнять строительные работы);
- *трудоустрой мигрант* (на визуальном уровне – собирательный образ разнорабочего);

– *иностранный специалист* (на визуальном уровне – любой трудовой мигрант, данный гипоним используется с целью создания комического эффекта карикатуры).

Не менее широко в поликодовом тексте карикатуры миграционного дискурса представлена тема миграции по политическим и гуманитарным причинам. Здесь мы отмечаем гипонимы:

– *беженец* (на визуальном уровне – лица, покинувшие дома на родине по причине войны, гуманитарной катастрофы);

– *гость* (не ярко выражен в визуальном компоненте, но на вербальном уровне поддерживается паремией ‘чувствуйте себя как дома’);

– *не местный* (с негативной коннотацией – чужой, не соблюдающий законы принимающей стороны);

– *эмигрант* (гипоним встречается и обсуждается в карикатурах постреволюционного периода);

– *приезжие* (приравнивается к ‘не местный’, но отрицательная коннотация не представлена, так как в текстах карикатур с данным гипонимом не обсуждается нарушение правопорядка).

Национально-культурной особенностью карикатуры миграционного дискурса на русском языке является обсуждение сезонной миграции. Здесь отмечается гипоним ‘дачные переселенцы’ (встречается в карикатуре, иронично изображающей одержимость поездками на дачу). Еще одной характерной чертой русскоязычной карикатуры миграционного дискурса является обсуждение внутренней миграции (в нашем примере в контексте города Москвы: ‘замкадыш’ (лицо, проживающее за пределами Московской кольцевой автомобильной дороги)).

В результате проведенного исследования мы отмечаем частотность и разнообразие гипонимов гиперонима ‘мигрант’ в тексте карикатуры миграционного дискурса. Выбор лексической единицы обусловлен типом миграции, обсуждаемым в тексте карикатуры.

Перспективы исследования мы видим в сравнении гипонимов, отнесенных к определенному типу миграции, в карикатуре на русском языке с материалом на других языках.

Литература

Терюха Н.Г. Миграционный медиадискурс: проблемы определения дефиниции в современной лингвистике / Н.Г. Терюха // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 4(33). С. 327–330.

Dugalich N.M. Political cartoon as a genre of political discourse / N.M. Dugalich // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2018. Vol. 9 (1). P. 158–172.

Van Dijk T.A. Discourse and Migration / T.A. Van Dijk // Qualitative Research in European Migration Studies / T.A. Van Dijk, R. Zapata-Barrero, and E. Yalaz. Cham: Springer, 2018. P. 227–245.

Развитие когнитивно-творческих способностей студентов при самостоятельном выполнении ими учебных проектов

*проектная деятельность, действия моделирующего уровня,
когнитивно-творческие способности, языковое образование*

Современные требования к профессиональной подготовке специалистов в высших образовательных учреждениях диктуют необходимость системного усвоения большого объема научной информации, ускорение темпов овладения ею, а главное, самостоятельного углубления и совершенствования полученных знаний, эффективного их применения в практической деятельности, творческого отношения к своему делу. В настоящее время переосмысливается место, роль и назначение самостоятельной учебной деятельности в процессе обучения, осуществляется «переориентация образования со знаниецентрического на культуросообразное, которое сделает человека не только образованным, но и культурным, духовным, научит не мыслям, а мыслить, нацелит не на овладение готовыми знаниями и их применение, а на когнитивность и креативность» [Пассов 2015: 20].

К числу приоритетных инновационных технологий в вузовском образовании относятся модульная система организации учебно-воспитательного процесса, проектная и проблемная педагогические технологии, технология коллективного взаимодействия и взаимообучения. В процессе изучения курсов методического блока, являющегося обязательным при подготовке будущих специалистов по направлениям подготовки 44.03.01 (Педагогическое образование) и 44.03.05 (Педагогическое образование с двумя профилями подготовки), студенты должны овладеть: навыками и умениями выражения мысли на основе сознательного использования соответствующих языковых форм, умениями сознательного чтения научной и учебной литературы с целью понимания содержания прочитанного и извлечения из него нужной информации; навыками грамотного изложения своих мыслей в устной и письменной формах; навыками эффективного использования стратегии сотрудничества для достижения поставленной цели, определяя свою роль в команде.

Темы внеаудиторных самостоятельных работ, представленных в программах, – это логическое завершение учебного цикла по формированию методического мастерства, когда студенты в соответствии с

коммуникативными потребностями должны самостоятельно реализовать сформированные ранее умения и навыки в различных видах интеллектуальной и практической речевой деятельности, проверяя тем самым прочность овладения ими.

С целью управления самостоятельной учебной деятельностью на практических занятиях по методике обучения русскому языку разработаны учебные проекты с использованием современных образовательных технологий, при выполнении которых предполагается развитие способностей к познавательной, эмоционально-оценочной и деятельностно-преобразующей сферам деятельности, а также профессиональной компетенции будущих специалистов в области языкового образования.

Так, при выполнении проектных заданий проявление способностей к познавательной деятельности опиралось на действия моделирующего уровня, а именно: в выделении информационно значимых объектов; в констатации и осмыслении восприятия; в сравнении, сопоставлении и обобщении необходимой информации; в планировании и логическом изложении содержания высказывания; в формулировании выводов из прочитанного, услышанного или сказанного.

Данные действия активизировались при выполнении учебных проектов самостоятельной работы, посвященных, например, вкладу в российскую науку выдающихся лингвистов: крупнейшего ученого-языковеда В.А. Богородицкого, одного из первых лингвистов XIX века, занимавшихся исследованием фонетики русского языка, автора теории о звуковом строе русского языка [Белов 2017: 69], а также четырехтомного «Толкового словаря русского языка» и «Орфографического словаря русского языка», основоположника русской орфоэпии, одного из организаторов орфографической реформы 1917–1918 годов Д.Н. Ушакова. Оба ученых являются талантливыми преподавателями, педагогами, учителями, взрастившими целую плеяду блестящих лингвистов.

Студентам были предложены темы: *«В.А. Богородицкий о лингвистике и научно-техническом прогрессе»* и *«Универсальный алфавит В.А. Богородицкого для всех языков мира»*, а также темы, связанные с научной и педагогической деятельностью Д.Н. Ушакова: *«Легенда русского слова»* и *«Словарь – оплот грамотности»*, *«Словари как зеркало методического лексикона»*, *«Самый толковый словарь»* [Никитин 2016: 54], *«Наиболее известный словарь XX века»* (посвященные 90-летию со времени выхода в свет первого тома). Проблема развития личности – один из приоритетов по подготовке профессиональных кадров, а её целостное развитие – цель государственного значения.

Ожидаемыми результатами при выполнении учебных проектов являлись актуализация прежних знаний и их применение в новой ситуации; развитие потребности в совершенствовании своей личности,

прежде всего в профессионально-педагогическом направлении; усвоение и отработка навыков речевого взаимодействия; выработка линии поведения и аргументация своей позиции; владение способом убеждать средствами русского языка.

Информация представляется в текстовом и графическом изображении – в виде развёрнутого кластера.

Виды деятельности участников проектной группы: выявление источников информации, ее сбор; выбор и структурирование информации; подготовка визуальной информации (оформление развёрнутого кластера); подготовка отчёта о проектной работе.

Подготовка отчета об учебном проекте (о результатах проектной деятельности) включает в себя информацию: 1) что было запланировано или поручено; 2) как это было выполнено, на что обращалось внимание; 3) какие достижения получены, какие ошибки или недостатки были допущены; 4) какая задача не была выполнена, почему; 5) анализ и оценивание степени достижения цели учебного проекта, общие выводы с использованием рефлексии (*В процессе выполнения проекта я узнал(а) ..., Я выполнял(а) задания..., Было интересно..., Было трудно ..., Я понял(а), что..., Я научился(лась)..., Я смог(ла)..., Теперь я могу ..., Меня удивило..., Я почувствовал(а)..., Проект дал мне ..., Я приобрел(а)...*)

Полученные результаты самостоятельного выполнения студентами учебных проектов подтвердили эффективность использования описанных приемов в развитии когнитивно-творческих способностей в образовательной деятельности. К этим результатам относятся (помимо повышения уровня коммуникативной компетенции и углубления мотивации изучения русского языка) активизация социальной позиции будущих молодых специалистов, организация взаимодействия с другими участниками проекта и целенаправленное достижение результата совместной деятельности.

Литература

Белов А.М. Василий Алексеевич Богородицкий (к 160-летию со дня рождения) / А.М. Белов // Русский язык в школе. 2017. № 4. С. 69-73.

Никитин О.В. «Ушаковская эпопея»: Неизвестные страницы знаменитого словаря / О.В. Никитин // Русская речь. 2016. № 3. С. 51-62.

Пассов Е.И. Методика как наука будущего. Краткая версия новой концепции / Е.И. Пассов. Санкт-Петербург: Златоуст, 2015. 137 с.

Риторическая перспектива текста и дискурса стратегии адресованности и аргументации

риторика, текст, дискурс, аргументация, адресат, жанр

Текст и дискурс различаются как продукт и процесс: текст фиксирует результат речевого действия, тогда как дискурс обозначает коммуникативную деятельность в ее динамике, со всеми участниками, намерениями и контекстами [Бахтин 1979: 258; ван Дейк 2013: 15]. В риторической перспективе это различие принципиально: риторика изучает не только то, «что» сказано, но и «зачем», «кому» и «как», то есть архитектонику убеждения в конкретной ситуации.

Ключевым понятием для риторики является ‘адресат’: говорящий мысленно конструирует тип адресата, его ожидания и ценности, а затем подбирает средства аргументации. Непопадание в адресата разрушает перлокутивный эффект, даже если текст грамотно выстроен на уровне логоса. Адресованность проявляется в выборе жанра, модальности и пресуппозиций, формирующих рамку интерпретации [Аристотель 2000: 45-47; Перельман 2024: 18-22].

С точки зрения риторики, «текст» выступает как стабилизированная конфигурация топосов и доказательств, а «дискурс» – как последовательность стратегических ходов в живом взаимодействии. Так, публичное выступление существует как записанный текст речи и как дискурс ее произнесения: интонации, паузы, реакция аудитории, импровизации. Именно дискурсивный уровень определяет убедительность, в то время как текстовый уровень задает композицию и аргументативный каркас.

Стратегии адресованности опираются на триаду этос – пафос – логос. Этос конструирует образ автора – носителя компетенции и добродетели; он поддерживается ссылками на авторитеты, корректной терминологией и прозрачной структурой доказательств [Аристотель 2000: 95–99]. Пафос направляет внимание и эмоциональную вовлеченность адресата: от выбора примеров до ритмики фраз. Логос формализует ходы рассуждения: энтимемы, аналогии, определение ключевых понятий. При этом ‘значение’ каждого термина задается в границах жанра и институционального поля; одно и то же слово в научной статье и в медийной колонке формирует разные дискурсивные эффекты.

Жанр – инструмент предсказуемости. Он задает ожидания относительно структуры и доказательных стандартов: для научного доклада

нормативны ссылки и операциональные определения, для судебной речи – акцент на вероятностных доводах и достоверности источников, для агитационного выступления – сильные апелляции к ценностям и коллективной идентичности [Перельман 2024: 55–63]. В каждом случае ритор выбирает такие топосы, которые минимизируют интерпретационную неопределенность у адресата.

Важным механизмом риторической организации дискурса выступает фрейминг: задание рамки, внутри которой факты получают определенную релевантность. Фрейминг достигается через заголовок, тезис-тему, первые абзацы, повторы ключевых слов и композиционные симметрии. Он работает в паре с презумпциями – невысказанными основаниями согласия, которые делают аргументацию экономной. Выявление и коррекция презумпций – одна из техник критического анализа дискурса [ван Дейк 2013: 35–40].

Для операционализации различия «текст/дискурс» в риторике полезна модель коммуникативных стратегий. Предложим три базовые стратегии: (1) стратегия консенсуса – апелляция к разделяемым ценностям и авторитетам; (2) стратегия контроверзы – выделение диссонанса и конфликта интерпретаций с последующим примирением через переопределение ключевых понятий; (3) стратегия редескрипции – переформулирование проблемы языком адресата. В текстовом плане эти стратегии проявляются в выборе композиции (например, инвертированная пирамида для консенсуса), в дискурсивном – в управлении темпоритмом, вопросами к залу, риторическими фигурами [Давлятова 2025: 152].

Риторические фигуры – не «украшения», а когнитивные инструменты. Метафора предлагает новую категоризацию, параллелизм усиливает логические связки, анафора задает ритм внимания. Их эффективность зависит от дискурсивной сцены: та же метафора в научной секции может требовать явного оговоренного статуса модели, тогда как в популярной лекции она станет основным способом концептуализации.

Аргументативная корректность требует прозрачной работы со ссылками и источниками. Ссылки выполняют двойную функцию: этическую (демонстрация ответственности) и логическую (встраивание в сеть обоснований). Риторически грамотный текст задает минимальную достаточность ссылок и распределяет их так, чтобы не прерывать ключевые ходы рассуждения [Перельман 2024: 112–115].

Таким образом, риторическая перспектива связывает текстовую стабильность и дискурсивную динамику через адресованность и аргументацию. Для исследователя важно аналитически разделять уровни – композиционный, аргументативный и перформативный – и описывать их взаимодействие в конкретных жанрах. Для практика – сознательно

проектировать адресата, выбирать стратегию и фрейм, обеспечивая согласованность между этосом, пафосом и логосом.

Литература

Аристотель. Риторика / пер. с греч. Москва: Лабиринт, 2000. 224 с.

Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцев и С.Г. Бочаров. Москва: Искусство, 1979. 423 с.

Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т.А. Ван Дейк; пер. с англ. Москва: Книжный дом, 2013.

Давлятова Г.Н. Специфика риторической речи в рамках когнитивной лингвистики / Г.Н. Давлятова // Риторика как наука и речекоммуникативная практика современного общества. Материалы XXVIII Международной научной конференции (5–7 февраля 2025 г., Москва) / отв. ред. В.И. Аннушкин; сост. В.И. Аннушкин, Т.И. Мочалова. Москва: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2025. С. 151–155.

Перельман Х. Новая риторика: Трактат об аргументации / Х. Перельман, Л. Ольбрехтс-Тытека; пер. с англ. С.Э. Зверева. Санкт-Петербург: Алетейя, 2024. 710 с.

Austin J.L. How to Do Things with Words / J.L. Austin. Oxford: Clarendon Press, 1962.

Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1 / J. Habermas. Boston: Beacon Press, 1984.

**Лексико-словообразовательные модели
в эпическом повествовании о народных героях
(на материале романов Шукшина и Тухтабаева)**

*лексико-словообразовательные модели, эпическое повествование,
народный герой, культурная память, русская литература,
узбекская литература*

Введение. Тема народного героя имеет давнюю традицию в мировой и национальной литературе. Герой всегда выступает носителем культурного кода, символом борьбы за справедливость, олицетворением воли народа [Лотман 2000: 145]. В разные эпохи художественные произведения фиксировали этот архетип, создавая устойчивые модели образов.

Особое значение имеет то, какими средствами языка формируется образ героя. Не только сюжет, но и лексика – выбор слов, морфем, способов словообразования – играет решающую роль в закреплении характеристик персонажа. Именно лексико-словообразовательные модели создают как коллективные, так и индивидуальные признаки героического.

В романе В.М. Шукшина «*Я пришёл дать вам волю*» центральным персонажем становится Степан Разин – фигура, укоренённая в русском фольклоре и исторической памяти. В романе Х. Тухтабаева «*Золотая голова мстителя*» героем является Намаз – собирательный образ узбекского борца за свободу.

Сравнительное исследование этих произведений позволяет выявить как национальные особенности, так и универсальные закономерности формирования героического образа.

Цель статьи – выявить лексико-словообразовательные модели, формирующие образ народного героя в русской и узбекской литературе, и определить их культурные функции.

Задачи исследования: 1) классифицировать словообразовательные модели в текстах; 2) установить семантические оттенки, создаваемые морфемами; 3) сопоставить русскую и узбекскую традиции; 4) определить культурологическое значение моделей.

Методы. Методологической основой исследования стали: *сравнительно-сопоставительный метод*, позволивший выявить общие и национально-специфические черты; *структурный анализ* для выделения моделей словообразования (суффиксальных, префиксальных,

композиционных); *компонентный анализ*, применённый к семантике морфем; *когнитивный подход*, рассматривающий словообразование как инструмент концептуализации [Лакофф 2004: 73]; *дискурсивный анализ*, выявляющий эпические формулы и их роль в повествовании.

Материал: роман В.М. Шукшина «Я пришёл дать вам волю» (1974), роман Х. Тухтабаева «Золотая голова мстителя» (1981).

Результаты.

1. Роман В.М. Шукшина. У В.М. Шукшина широко представлены суффиксальные модели: *разинцы, стрельцы, бунтовщики*. Суффиксы *-ец, -ик, -щик* маркируют социальную принадлежность, создавая собирательный образ народа [Бахтин 1975: 122].

Уменьшительные формы (*матушка, людишки*) создают эмоциональный колорит, передавая народное восприятие событий [Веселовский 1989: 214].

Отрицательно окрашенные образования (*разбойник, изменник*) выполняют функцию оценки, формируя конфликтное восприятие героя.

Таким образом, в романе словообразование служит средством социальной и эмоциональной характеристики.

2. Роман Х. Тухтабаева. В «Золотой голове мстителя» доминируют префиксальные модели, акцентирующие действие: *поднять, отстоять, сразиться* [Тухтабаев 1981: 143].

Значительное место занимают композиты и эпические формулы: *золотая голова, великий мститель, сын народа*. Эти конструкции закрепляют сакральный статус героя, приближая его к образам дастанов [Ахмедова 2008: 119].

Использование восточных заимствований усиливает национальный колорит, связывая текст с устной традицией.

3. Сравнительный аспект.

В русской традиции (В.М. Шукшин) преобладают суффиксальные модели, выражающие социально-эмоциональную оценку. В узбекской традиции (Х. Тухтабаев) – префиксальные и композиционные модели, сакрализирующие героя. В обоих текстах эпические формулы обеспечивают закрепление архетипа народного героя [Лихачёв 1979: 311].

Обсуждение. Словообразовательные модели выполняют роль культурных маркеров. У В.М. Шукшина они формируют социально-психологическую атмосферу народного бунта. У Х. Тухтабаева они сакрализируют героя, превращая его в символ единства общины. Таким образом, выявляются два типа моделей: 1) *русская* – социально-ориентированная, трагико-оценочная; 2) *узбекская* – сакрально-действенная, эпико-символическая.

Обе традиции подтверждают, что словообразование – это не только грамматический, но и культурный инструмент [Ассман 2004: 36].

Заключение. Проведённое исследование показало:

1. У В.М. Шукшина преобладают суффиксальные модели, создающие социально-эмоциональную характеристику.
2. У Х. Тухтабаева преобладают префиксальные и композиционные структуры, сакрализирующие героя.
3. Эпические формулы являются универсальным средством закрепления архетипа.
4. Словообразование выступает когнитивным механизмом, обеспечивающим трансляцию образа героя в культурной памяти.

Цель работы достигнута: показана значимость лексико-словообразовательных моделей в формировании героического образа в русской и узбекской литературе.

Литература

Ахмедова Д. Роль женщины в традиционной культуре Узбекистана / Д. Ахмедова. Ташкент: Университет, 2008. 224 с.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. Москва: Художественная литература, 1975. 502 с.

Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. Москва: Высшая школа, 1989. 406 с.

Лакофф Дж. Женщина, огонь и опасные вещи / Дж. Лакофф. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 614 с.

Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. Москва: Наука, 1979. 360 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. 704 с.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. Москва: Наука, 1995. 407 с.

Тухтабаев Х. Золотая голова мстителя / Х. Тухтабаев. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гуляма, 1981. 384 с.

Шукшин В.М. Я пришёл дать вам волю / В.М. Шукшин. Москва: Современник, 1974. 416 с.

Димитриева Ольга Альбертовна
Денисова Татьяна Витальевна
Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева
УДК 81'373.23:398.6(=512.111)

Предметы быта сквозь призму антропонимического и телесного культурных кодов в чувашской загадке

загадка, культурный код, антропоним, соматизм, лингвокультурология

Загадки как закодированная модель мира являются предметом пристального внимания лингвистов. Энигматический текст, кодирующий денотат, рассматривается сквозь призму различных кодов культуры. Т.Г. Бочина изучает числовой и цветовой компоненты тувинской загадки, отражающие «глубинные категории мышления» народа [Бочина 2023: 6]. М.Л. Ковшова описывает русские загадки с антропонимами, отмечая, что их история «восходит к архаичным, мифологическим, воззрениям, к началам культуры в осознании и означивании мира» [Ковшова 2024: 67]. Е.Н. Ваганова, Н.В. Шестеркина исследуют мордовские и русские загадки и заключенные в них мифопоэтические образы через посредство природно-ландшафтного кода культуры [Ваганова 2022]. Основную тематику загадок составляют детали быта. «Набор лексических единиц, репрезентирующих тот или иной кластер в народной загадке, напрямую описывает логику национального восприятия мира, а также обращенность фокуса ее внимания» [Файзуллина 2020: 174]. Именно «обращенность фокуса внимания» на предметы быта подчеркивает их значимость для народа, что и воплощает, как отмечают О.С. Чеснокова, Т.Б. Радбиль, «эстетику мира повседневности» [Чеснокова 2024: 107]. Материалом для данного исследования послужила подборка чувашских загадок с компонентом-антропонимом и соматизмом (см. также [Денисова 2025а; Денисова 2025б]), извлеченная из сборника «Тупмалли юмахсем» [Чăваш 2016], посвященная предметам быта, в частности, лапотному шилу.

Одним из предметов, получающих образную интерпретацию в энигматическом тексте, является **кочедык**. Согласно толковому словарю В.И. Даля, это «лапотное шило». Этот рабочий инструмент получает образное осмысление в русских пословицах: *Его отселе кочедыком не выковырнешь* (прижился); *Не спеши языком, торопись кочедыком* (делай); *Мужик кочедыком, а чистомойка (чистоплюйка) языком*; *Кочедыком избы не взвоишь, не выжеровишь*; *Лапти сплел без ко-*

чедыка, а жену взял без попа (украл) [Даль 2006, 2: 183]. С одной стороны, подчеркивается значимость труда в оппозиции *дело – болтовня* (*торопись кочедыком*) и необходимость использования инструмента при работе с лаптями (*сплел без кочедыка*), с другой стороны, указывается на определенную (узкую) сферу применения: при постройке избы кочедык бессмыслен и «производством» лаптей не разбогатеешь. Редко можно увидеть *кочедык* в русских загадках (3-4 единицы): *Маленький, горбатенький везде дорогу найдет; Маленький Игнат под кучкой играт* (кочедык, лапти плести) [Митрофанова 1968: 137]. Антропоморфизация бытовой детали осуществляется с помощью антропных действий (*дорогу найдет, играт*) и антропонима *Игнат*.

В сборнике чувашских загадок «*шэшлӗ*» (кочедык) встречается 30 раз [Чăваш 2016: 126–127]. В описательной части загадки «*шэшлӗ*» кодифицируется, во-первых, с помощью терминов родства: *асатте* (дедушка со стороны отца), *пичче* (старший брат; или почтительное обращение к старшему по возрасту мужчине – ср. с русским обращением к старшему *отец*); во-вторых, посредством антропонимов, мужских имен, таких как *Макар, Пурис* (Борис), *Патсутти, Патӳк, Патти, Пӑти, Пути, Путрек, Потрек*; в-третьих, введением этнонимов, указывающих на национальную принадлежность: *вырӑс* (русский), *мӑкшӑ* (мокша, мордва); в-четвертых, использованием анимализма *сысна* (свинья).

В чувашской семье плетением лаптей, как правило, занимался самый старый член семьи – дед, которому тяжелая деревенская работа уже была недоступна, что так или иначе отражается в энигматическом тексте. Рассмотрим примеры: *Асаттенӗн хӑрах ура, вӑл та пулин кукӑр* (досл. У дедушки одна нога, и та кривая); *Асаттен пӳрни кукӑр* (досл. Дедушкин палец кривой) [Чăваш 2016: 126]; *Вырӑс пиччен пӳрни кукӑр* (досл. У русского старшего брата палец кривой) [Чăваш 2016: 127]; *Пӗчӗк пиччен пӳрни кукӑр* (досл. У маленького старшего брата палец кривой); *Патсуттин ури кукӑр* (досл. У Патсутти нога кривая); *Макар (Пӑти, Пути, Путрек) пиччен пӳрни кукӑр* (досл. У старшего брата Макара (Пӑти, Пути, Путрека) кривой палец) [Там же]. Как видно из загадок, в сочетании с именами собственными и словами, указывающими на родственные связи, употребляются соматизмы *пӳрне* (палец) или *ура* (нога), при этом подчеркивается единичность (*хӑрах ура* – одноногий) или особое отличие от остальных – кривизна (*кукӑр*).

Другую группу составляют загадки, в которых используется прилагательное *курпун* (*курпӑн*) (горбатый), которое становится характеристикой как человека, так и животного: *Курпун вырӑс / старик йӗр йӗрлет / кӑтартат* (досл. Горбатый русский / старик след следит / показывает); *Курпӑн вырӑс ӗул шырат* (досл. Горбатый русский дорогу ищет); *Курпун мӑкшӑ ӗул кӑтартать* (досл. Горбатый мокша (мордовец) дорогу показывает); *Курпун сысна йӗр йӗрлет* (досл. Горбатая

свинья след следит) / *Кукӑр сысна йӑр шырат* (досл. Кривая свинья след ищет) [Чӑваш 2016: 127]. Включение этнонимов *русский* и *мокша* – представителей народов, плетущих лапти, – знак межэтнических контактов и общности культуры, хотя способы лаптеплетения были различны.

Еще одну небольшую группу загадок составляют тексты, дословно не переводимые на русский язык, содержащие звукоподражательные комплексы, описывающие непосредственно процесс производства лаптей: *Иртмӑш, туртмӑш, йӑпӑрт туртмӑш* (от гл. *ирт* проходить; гл. *турт* тянуть; *йӑпӑрт* быстро, скоро); *Ятӑм ярма пуӑё – шанк! турӑ* (гл. *яр* пустить; (*ӑпата*) *пуӑё* носок лаптя; *шанк! турӑ* звук произвело) [Чӑваш 2016: 127].

Таким образом, «живой» процесс плетения лаптей находит воплощение в одушевленности компонентов, составляющих энигматический текст, таких как антропонимы, термины родства, анимализмы. Кроме того, подключаются антропные действия – *искать, следовать* (=делать следы), *показывать дорогу*. Необычная внешняя форма рабочего инструмента характеризуется прилагательными *кривой* и *горбатый*. Использование имен людей и родственников делает событие, описываемое в тексте загадки, повседневным, не выбивающимся из рутины.

Литература

Бочина Т.Г. Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке / Т.Г. Бочина // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 6–20.

Ваганова Е.Н. 'ГРОЗА' как природная событийная ситуация (на материале мордовских и русских загадок) / Е.Н. Ваганова, Н.В. Шестеркина // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, № 4. С. 606–617.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / И.В. Даль. Москва: РИПОЛ классик, 2006.

Денисова Т.В. Антропоним как структурный компонент чувашских загадок / Т.В. Денисова, О.А. Дмитриева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2025а. № 3(128). С.21–29.

Денисова Т.В. Антропонимы и соматизмы в русских и чувашских загадках: пересечение кодов культуры / Т.В. Денисова, О.А. Дмитриева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025б. Т. 18, № 6. С. 2570–2576.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры / М.Л. Ковшова. Москва: ЛЕНАНД, 2024. 400 с.

Митрофанова В.В. Загадки / В.В. Митрофанова. Ленинград: Наука, 1968. 257 с.

Файзуллина Н.И. Лингвокогнитивная модель народной загадки: образно-структурный аспект (на материале русского, татарского и английского языков): дис. ... докт. филол. наук / Н.И. Файзуллина. Казань, 2020. 339 с.

Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тупмалли юмахсем. Иккĕмĕш кĕнеке / пухса хатĕрлекенĕ, ум сăмахпа ħнлантарусене сыраканĕ Е.В. Федотова. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательствĕ, 2016. 398 с.

Чеснокова О.С. Загадки о быте как отражение этнокультурной идентичности (на примере тувинских, русских и колумбийских загадок) / О.С. Чеснокова, Т.Б. Радбиль // Новые исследования Тувы. 2024. № 4. С. 92–109.

**Проблема определения источника информации
для категории эвиденциальности в испанистике**

эвиденциальность, источник информации, испанский язык

Термин ‘эвиденциальность’ происходит от слова ‘evidence’ (лат. ‘evidentia’) и обозначает особый способ указания на то, что говорящий или другое лицо является источником (свидетелем) передаваемой информации. В контексте Казанской лингвистической школы выделяются работы Л.Б. Волковой [Волкова 2004], З.К. Сабитовой (учебник «Лингвокультурология») [Сабитова 2013], Г.Ф. Лутфуллиной [Лутфуллина 2019], Л.Б. Кадыровой [Кадырова 2014]. Эвиденциальность в Новой грамматике испанского языка определяется как «разновидность модальности, которая связана с тем, насколько говорящий берет на себя обязательство по поводу правдивости информации, с указанием источника информации, из которого исходит высказывание или степень достоверности данной информации» [RAE].

А.Ю. Айхенвальд, одна из наиболее авторитетных зарубежных исследователей по типологии категории эвиденциальности, определяет эвиденциальность как языковую категорию, основное значение которой – указание на источник информации. В своей книге *Evidentiality* (2004) А.Ю. Айхенвальд формулирует определение следующим образом: *Evidentiality is a linguistic category whose primary meaning is source of information* [Aikhenvald 2004: 3].

В англоязычных исследованиях при передаче термина ‘источник информации’ используется термин *source*, испаноязычные ученые обозначают его через термин *fuentes*. Причем эти термины имеют весьма размытые семантические границы из-за большой неоднородности их значений.

Dámaso Izquierdo Alegría сравнивает определения источника информации в трудах на английском и испанском языках. Так, *source/fuentes* могут обозначать человека: как самого говорящего, который непосредственно наблюдал ситуацию, так и информацию, полученную от другого лица. А.Ю. Айхенвальд: “The implication then is that the source of information is someone other than the speaker” – источник информации – не сам говорящий [Aikhenvald 2004: 110]. А. Estrada: “El mismo locutor es la propia *fuentes* de la información de lo que transmite, es decir, que no se la han contado ni la ha inferido, sino que ha accedido en

forma directa a esa situación” – сам говорящий является источником информации, которую он не получил от третьего лица и не вывел логически, а наблюдал напрямую [Estrada 2013: 396]. Также под источником информации может быть отсылка к информации, на которой основывается говорящий. Это может быть указание на новостную статью: Although in the access to the source of information, i.e. newspaper article(s), can hardly be considered restricted to the speaker, the speaker’s conclusion is not necessarily shared with other people [Cornillie 2007: 25]. А также отсылка на систематизированные знания, наблюдаемые доказательства: Sin embargo, en su significado primario basan el proceso hipotético deductivo en una *fuentes* de conocimiento distinta: un conocimiento enciclopédico que se presupone indiscutible [Torner 2016: 264]. Также *source/fuentes* в определениях некоторых ученых сближается с понятием инференциальность – утверждение, основанное на логическом выводе: It conveys that the source is an inference: the speaker has inferred the occurrence of the reported event [Fitneva 2009: 53-54]. У Cornillie находим сближение понятий ‘источник информации’ и ‘инференциальность’: “ahora bien, la fuente de información usada con parecer + infinitivo es una inferencia, más concretamente, un tipo de inferencia que no tiene en cuenta el conocimiento del destinatario” [Cornillie 2012].

Таким образом, семантическая неопределенность существительных *fuentes* и *source* не позволяет точно определить языковые единицы, относящиеся к категории эвиденциальности. Особенно это проявляется в тех языках, где данная категория не выражается специализированными морфологическими формами глагола. Поскольку границы точно не определены, существует риск неверно отнести к эвиденциальным те единицы, которые не являются истинно эвиденциальными.

Представляется целесообразным разграничить понятия: способ получения информации, вид источника информации и эвиденциальное значение. В трудах русскоязычных ученых подобное разграничение сделали Н.А. Козинцева, Е.Е. Корди [Козинцева 1994; Корди 2007], среди исследователей Казанской лингвистической школы – Л.Б. Кадырова [Кадырова 2014]. Подобное разграничение в испанском языке принадлежит Dámaso Izquierdo Alegría [Alegría 2019], который ввел термины: *fuentes* – источник информации, *base* – совокупность данных, на которых основывается информация, *modo de acceso* – способ получения информации.

Исходя из анализа эвиденциальных форм в языках с обязательной эвиденциальностью, наиболее точным является указание на способ получения информации, то есть на то, каким образом говорящий получил информацию, а не обозначил источник информации.

Литература

Волкова Л.Б. Категория пересказывательности в немецком и русском языках / Л.Б. Волкова // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Казань, 2004.

Козинцева Н.А. Типология категории засвидетельствованности / Н.А. Козинцева // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исслед. РАН; отв. ред. В.С. Храковский. Санкт-Петербург: Наука, 2007.

Корди Е.Е. Категория эвиденциальности во французском языке / Е.Е. Корди // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исслед. РАН; отв. ред. В.С. Храковский. Санкт-Петербург: Наука, 2007.

Лутфуллина Г.Ф. Анализ функционирования глагола информирования для выражения категории пересказывательности в русском языке / Г.Ф. Лутфуллина // Филология и человек. 2019. №4. С. 58–69.

Сабитова З.К. Лингвокультурология: учебник / З.К. Сабитова. Москва: ФЛИНТА, 2013. 524 с.

Alexanrda Y. Aikhenvald. Evidentiality / Y. Alexanrda. Oxford, 2004.

Izquierdo A.D. Sobre el estatus (para)evidencial de algunos adverbios de punto de vista / GRADUN-ICS. Universidad de Navarra / La gramática, la sémantica y la pragmática de la evidencialidad // Colección lingüística. 2017. №12. P. 37–67.

Real academia española y asociación de academias de la lengua española: «Glosario de términos gramaticales». Режим доступа: <https://www.raees/gtg/> (дата обращения: 10.10.2025).

**Развитие речи младших школьников в условиях
компетентностного подхода**

*компетентностный подход, образовательная сфера,
познавательный интерес, литературное чтение,
формирование теоретических понятий*

Российское образование в текущий период отличается преимуществом в использовании *компетентностного, системно-деятельностного и личностно-ориентированного* подходов в обучении русскому языку и литературе. В образовательных стандартах выделены *компетентности, то есть те основные показатели, которые должны быть достигнуты в итоге обучения*. Введение понятия «компетентность» («компетенция») нацеливает школу не на выполнение минимальных требований к уровню подготовки учащихся, а на конечный результат образования [Архипова 2004: 83].

В начальной школе компетентностный подход реализуется путём формирования у школьника системы ключевых компетенций, составляющих его субъективный опыт. Формирование субъективного опыта происходит посредством усвоения культуросообразного содержания начального образования, представленного в различных сферах социального опыта: предметных и надпредметных знаний (результат: «Я знаю»); предметных и общепредметных умений («Я умею»): творчества («Я создаю») и в эмоционально-ценностной сфере («Я стремлюсь») [Иргашева 2000: 6].

Формирование ключевых компетенций учащихся наиболее эффективно происходит в специально спроектированной образовательной среде начальной школы, обладающей определёнными параметрами (целостность, открытость, психологически комфортная атмосфера) и принципами построения (гуманизм, культуросообразность, субъективность, свобода выбора) [Иргашева 2000: 6].

Желание и умение учиться логично связано с позитивным отношением к учению, с формированием глубокого познавательного интереса.

Основной задачей в обучении младшего школьника является формирование теоретических понятий: речезыковых, математических, естествоведческих и других, что составляет фундамент успешного обучения не только в младших классах, но и в дальнейшем. Накопление чувственного опыта ребёнком в период дошкольного и младшего

школьного возраста создаёт важную и необходимую основу для перехода его от наглядно-образного мышления к понятийно-абстрактному. Этому действительно способствует, как мы считаем, составление детьми под руководством учителя на уроках литературного чтения в третьем классе загадок.

Загадки – это великая сокровищница человеческой мысли. Они собрали в себе мудрость и тягу к знаниям. Загадки представляют собой свод знаний и понятий народа о мире и о себе, но в своеобразной, зашифрованной форме. Про загадку сам народ говорил: «Без лица в личине», то есть лицо загаданного предмета скрыто под маской – личиной, под иносказанием.

Составление загадок – интересный творческий процесс, который решает много задач и подходит для младших школьников. Алгоритм составления загадок несложный. Результат – обогащение словарного запаса, развитие образных характеристик речи, умение сравнивать, анализировать, составлять сложные предложения.

Придумывание загадок сложнее, чем их отгадывание. На первых порах дети с трудом придумывают загадки. Но чем больше эта работа проводится, тем интереснее загадки придумывают дети. Их можно записывать в оформленные альбомы, потом использовать в работе: на занятиях, в игре. В работе с детьми при составлении загадок можно использовать разную тематику: явления природы, предметы быта, орудия труда, транспорт, спорт, профессии и т.д.

Расширяя кругозор детей, знакомя их с окружающим миром, развивая и обогащая речь, загадки имеют неоценимое значение в формировании способности к творчеству и в развитии познавательного интереса.

Студентка заочного отделения гр. Н-18/1 Е.Д. Зайцева во время проведения студенческой научной конференции «Катановские чтения–2023» выступила с докладом на тему: «Формирование познавательных универсальных учебных действий у обучающихся 3 класса через создание загадок» с демонстрацией сборника загадок.

Мы предположили, что создание загадок на уроках литературного чтения в 3 классе будет влиять на формирование познавательных универсальных учебных действий у обучающихся, если учитель:

- 1) обучает детей способам сочинения загадок;
- 2) предлагает составлять загадки различные по структуре и форме.

Для подтверждения гипотезы нами была организована опытно-экспериментальная работа на базе муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения г. Черногорска Республики Хакасия «Лицей имени Алексея Геннадьевича Баженова» в 3 Б классе.

Одним из важнейших видов УУД являются познавательные. Это система способов познания окружающего мира, построения самостоятельного процесса поиска, исследования и совокупность операций по обработке, систематизации, обобщению и использованию полученной информации. Формирование данных УУД помогает современному школьнику ориентироваться в потоке информации, которую он получает в ходе обучения, перерабатывать её, усваивать полученный материал, выполнять поиск недостающих сведений.

На констатирующем этапе с целью выявления интенсивности познавательной потребности и степени выраженности познавательной активности у обучающихся были проведены диагностика познавательной потребности и диагностика познавательной активности младшего школьника (авторы В.С. Юркевич, А.А. Горчинская).

Результаты оказались следующими: у 53% (16 обучающихся) познавательная потребность выражена сильно. Эти дети постоянно подолгу занимаются какой-либо умственной деятельностью, самостоятельно находят ответы на вопросы на сообразительность, постоянно и много читают дополнительную литературу.

У 17% (5 обучающихся) интенсивность познавательной потребности выражена умеренно. Эти школьники читают то часто, то редко, не всегда эмоционально относятся к интересной умственной работе, редко задают дополнительные вопросы.

У 30% школьников (9 человек) интенсивность познавательной потребности выражена слабо. Ребята очень редко занимаются какой-либо умственной деятельностью, требующей длительного времени. Ученики стремятся получить готовый ответ от других, если задан вопрос на сообразительность. Эти дети мало или совсем ничего не читают.

Похожие результаты показала и диагностика познавательной активности младших школьников.

У 47% (14 детей) познавательная активность выражена сильно. Этим ученикам нравится выполнять сложные задания по различным предметам. Школьники постоянно и много читают дополнительной литературы. Если эти обучающиеся узнают на уроках что-то новое, они стремятся с кем-нибудь поделиться этим.

13% детей (4 обучающихся) имеют умеренную степень выраженности познавательной активности. Обучающиеся дополнительную литературу читают иногда часто, а иногда ничего не читают. Если при изучении какой-то темы у них возникают вопросы, то дети не всегда находят на них ответы. Когда обучающиеся узнают что-то новое на уроке, то редко делятся этим с кем-нибудь из близких.

Слабая степень выраженности познавательной активности выявлена у 40% (12 обучающихся). Этим обучающимся не нравится выполнять сложные задания по различным предметам. Когда им задают вопрос на сообразительность, дети стремятся получить готовый ответ от других. Школьники читают мало дополнительной литературы; не стремятся делиться новой информацией с другими.

Таким образом, мы увидели, что в классе необходима работа по формированию познавательных универсальных учебных действий у обучающихся.

С целью проверки гипотезы на формирующем этапе на уроках литературного чтения мы предлагали детям задания по составлению загадок, пользуясь различными способами. По структуре и форме загадки были также различны: загадки, структурно не оконченные и связанные с отысканием отгадки путём подбора рифмы; загадки с вопросом в конце. Работа над составлением загадок начиналась с выяснения тематики загадки и слова, которое загадывалось. А также детям сообщался способ, которым мы будем пользоваться при составлении. После того, как ученики выясняли загадываемое слово, мы проводили предварительную работу по выделению отличительных признаков загадываемого предмета, описывали его особенности.

На контрольном этапе вновь была проведена диагностика по выявлению изменений степени выраженности интенсивности познавательной потребности и познавательной активности у обучающихся в 3 классе.

Сравнивая результаты исследования, мы увидели, что на контрольном этапе количество обучающихся, у которых интенсивность познавательной потребности выражена сильно, увеличилось на 20%. Количество детей с умеренно выраженной интенсивностью познавательной потребности осталось без изменений. Количество учеников со слабо выраженной интенсивностью познавательной потребности уменьшилось на 20%.

Изменились и данные результатов диагностики познавательной активности младшего школьника. Количество обучающихся с сильно выраженной степенью познавательной активности увеличилось на 23%. Количество детей с умеренно выраженной степенью не изменилось. Количество учеников со слабо выраженной степенью познавательной активности уменьшилось на 23%.

Таким образом, результаты контрольного этапа позволяют говорить нам о том, что сочинение загадок на уроках литературного чтения оказало эффективное влияние на формирование познавательных универсальных учебных действий у обучающихся 3 класса, а значит, наша гипотеза доказана.

Результатом нашей работы стал сборник загадок, составленный на основе детского творчества. В перспективе мы планируем продолжить работу и выяснить влияние работы по составлению загадок на развитие речи младших школьников.

Литература

Архипова Е.В. Основы методики развития речи учащихся: учеб. пособие для студ. пед. вузов / Е.В. Архипова. М.: Вербум-М, 2004. 192 с.

Иргашева Т.Г. Развитие речи младших школьников условиях компетентностного подхода: учебно-методический комплекс / Т.Г. Иргашева. Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2000. 140 с.

Исмагилова Фарида Гаязовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Болгарская исламская академия
УДК 81'373.45:81'25:82(5)

**Концепт «родина» в сборнике рассказов М. Дарвиша
«Дневник обычного горя»: когнитивно-лингвистический анализ
и переводческие стратегии (арабский – английский)**

*Махмуд Дарвиш, когнитивная лингвистика, концепт «родина»,
лексико-семантическое поле «дом», переводческие стратегии,
thick translation*

Введение. Проблема репрезентации концепта «родина» в палестинской литературе занимает центральное место в современном гуманитарном знании [Кухарева 2017: 24–25]. Проза Махмуда Дарвиша, одного из крупнейших палестинских авторов, отражает коллективный опыт изгнания, утраты и стремления к возвращению [Дарвиш 2010: 23]. Его сборник «Дневник обычного горя» (1973) представляет собой уникальное прозаическое произведение, в котором концепт «родина» реализован не только в тематике, но и в языковой структуре текста [Дарвиш 2010: 5]. Перевод сборника на английский язык Ибрахимом Мухави (2010, *Journal of an Ordinary Grief*) стал ключевым событием в рецепции палестинской прозы за рубежом [Muhawi 2011: 7]. В условиях межкультурной коммуникации особое значение приобретает анализ того, как многослойный концепт «родина» выражен в языке оригинала и передан средствами английского языка [Фёдоров 2002: 18; Venuti 2008: 19-42].

Цель исследования – выявить особенности репрезентации концепта «родина» через лексико-семантическое поле «дом» в сборнике «Дневник обычного горя» и описать переводческие стратегии передачи этого концепта на английский язык [Кубрякова 2004: 40-65; Попова 2010: 20–35].

Методы. Исследование выполнено в рамках когнитивной лингвистики [Кубрякова 2004: 11-40; Попова, Стернин 2010: 20–35] с опорой на полевой подход к лексико-семантическим полям [Кухарева 2017: 24-25].

Материалом послужил корпус девяти рассказов сборника «يوميات الحزن العادي» («Дневник обычного горя»), в которых зафиксированы ключевые арабские лексемы, репрезентирующие образ дома: بيت (дом), بيوت (дома), منزل (жилище), منازل (жилища), دار (двор, обитель), ديار (земли, края), مسكن/مسكن (жилище/жилища) [Дарвиш 2010: 23-28]. Для каждого рассказа подсчитана частотность, определено ядро и периферия поля, описаны контекстуальные значения.

Переводческая часть основана на сопоставительном анализе оригинала и английского текста И. Мухави (2010) [Muhawi 2011]. Рассмотрены стратегии передачи культурно нагруженной лексики (homeland, land, home, country), образных метафор и реалий [Фёдоров 2002: 36–43; Venuti 2008: 1-17].

Результаты.

1. Репрезентация концепта «родина» через поле «дом». В арабском тексте концепт «родина» проявляется прежде всего через лексему بيت и её дериваты [Дарвиш 2010: ...]. Ядро поля: بيت (дом) и بيوت (дома) выступают как физическое жилище и одновременно как символ родины, памяти, принадлежности [Дарвиш 2010: 1-18; Кухарева 2017: 26-28]. В первом рассказе формы البيت القديم, أهل البيت, البيت соединяют физическое, социальное и культурное измерения дома [Дарвиш 2010: 1-18]. Ближняя периферия: منزل / منازل («жилище/жилища») актуализируют быт и сельскохозяйственный уклад; دار / ديار («двор/земли, края») – пространство общины и историческую родину [Кухарева 2017: 26-28]; конструкции с прилагательными بيت الطفولة – «дом детства», البيت الطيني – «глиняный дом») акцентируют хрупкость, память и социальный статус [Дарвиш 2010: 1-18]; глагольные конструкции (خرج من البيت – «вышел из дома») выражают изгнание, утрату укоренённости [Дарвиш 2010: 1-18]. Семантическая динамика: от центра семейной жизни (первые рассказы) через образ утраты и отчуждения (средние рассказы) к символу разрушенной жизни и гибели (поздние тексты) и далее – к культурно-языковому знаку (девятый рассказ, где «дом» связывается с поэзией и идентичностью) [Zibin 2024: 6–9].

2. Особенности перевода концепта «родина» на английский язык. Многослойность эквивалентов: И. Мухави дифференцирует арабские лексемы بيت, بلد, أرض, وطن через homeland, land, country, home, избегая редукции семантических оттенков [Muhawi 2011: 5-15]. Стратегия thick translation («толстый перевод»): перевод снабжён примечаниями, поясняющими реалии и цитаты, чтобы англоязычный читатель понял их значение [Muhawi 2011; Venuti 2008: 1-17]. Сохранение образности: ключевые метафоры («дом, населённый призраками», «сердце-оливка») переданы без упрощения, иногда с минимальной адаптацией [Дарвиш 2010: 78; Фёдоров 2002: 36–43]. Сохранение эмоционального воздействия: переводчик воспроизводит тональность Дарвиша – от патетического лиризма до горькой иронии, сохраняя эстетическое воздействие концепта «родина» [Muhawi 2011].

Обсуждение. Анализ показывает, что в прозе М. Дарвиша концепт «родина» структурирован как сложное лексико-семантическое поле с ядром («дом») и многослойной периферией (жилище, земля, детство, изгнание) [Дарвиш 2010: 1–18; Кухарева 2017: 27–29]. Семантическая

эволюция от дома-убежища к дому-символу изгнания отражает палестинский опыт утраты и поиска идентичности [Дарвиш 2010: 35–120; Muhawi 2011: para. 9]. Перевод И. Мухави демонстрирует, что комплексная стратегия, объединяющая сохранение метафор, культурный комментарий и тональную точность, позволяет передать многомерный концепт «родина» на английский язык без утраты его аксиологического ядра [Фёдоров 2002: 36–43; Venuti 2008: 19–42; Muhawi 2011: para. 9]. Такая модель может быть применена и к другим случаям перевода культурно нагруженных концептов [Venuti 2008: 19–42].

Выводы:

– Когнитивно-лингвистический анализ позволил выделить ядро и периферию концепта «родина» в сборнике «Дневник обычного горя» [Дарвиш 2010: 1–18; Кубрякова 2004: 11–40; Попова 2010: 20–35].

– «Дом» выступает ключевой лексемой, через которую раскрываются память, утрата, изгнание и идентичность [Дарвиш 2010: 35–120; Кухарева 2017: 27–29].

– Перевод И. Мухави реализует стратегию *thick translation*, совмещающая точность, комментарий и сохранение образной ткани текста [Muhawi 2011: para. 2–3].

– Совмещение когнитивно-лингвистического и переводоведческого подходов обеспечивает целостное понимание репрезентации концепта «родина» и его межъязыковой передачи [Кубрякова 2004: 11–40; Попова 2010: 25–35; Фёдоров 2002: 44–53; Venuti 2008: 19–42].

Литература

Воркачёв С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. Москва: ИНФРА-М, 2015. 256 с.

Дарвиш М. Дневник обыкновенного горя = *Journal of an Ordinary Grief* / М. Дарвиш; пер. с араб. И. Мухави. Нью-Йорк: Archipelago Books, 2010. 189 с.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке / Е.С. Кубрякова. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Кухарева Е.В. Понятие 'родина' в арабском устном народном и поэтическом творчестве / Е.В. Кухарева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. №3.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Москва: АСТ, 2010. 314 с.

Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Фёдоров. Москва: УРСС, 2002. 312 с.

Naffis-Sahely A. Mahmoud Darwish's "Journal of an Ordinary Grief" / A. Naffis-Sahely // *Words Without Borders*. 2010. Режим доступа: <https://wordswithoutborders.org/book-reviews/mahmoud-darwishs-journal-of-an-ordinary-grief/> (дата обращения: 29.06.2025).

Nashef H.A. Challenging the myth of “a land without a people” – Mahmoud Darwish / H.A. Nashef. 2017. Режим доступа: <https://the-palestineproject.medium.com/challenging-the-myth-of-a-land-without-a-people-mahmoud-darwish-7a3e7e2e6c69> (дата обращения: 29.06.2025).

Muhawi I. Thick Translation and the Poetics of Exile / I. Muhawi // Words Without Borders. 2011. Режим доступа: <https://wordswithout-borders.org> (дата обращения: 29.06.2025).

Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation / L. Venuti. London: Routledge, 2008. 353 p.

**Фразеологические единицы, выражающие эмоции человека,
в туркменском языке**

*фразеологическая единица, лексический состав,
многозначность, лексическая единица,
экспрессивность, метафоричность*

Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения закономерностей номинаций человеческих эмоций в туркменской фразеологии, а также воссоздания фрагментов языковой картины мира, связанной с внутренним миром человека и ее интерпретацией студентами-иностранцами. Исследование коммуникативно и психологически значимых обозначений эмоций человека, запечатленных в языковой картине мира, позволяет выявить представление носителей языка об образе человека, что соответствует антропологической парадигме современной лингвистики.

Эмоции стали одним из признаков человечности. Не менее важна и наша способность сопереживать чужим эмоциям, способность к эмпатии, равно как и способность выразить эмоцию словами, рассказать о ней. На протяжении жизни человек учится по различным внешним признакам судить об эмоциональном состоянии других людей и нормативно выражать собственные переживания [Апресян 1995: 38]. Исходя из общепринятых в обществе правил и представлений о приличии, культуре поведения мы вырабатываем соответствующие средства речевой, мимической и жестикулятивной выразительности, при этом рассчитываем, что нас оценят и даже «наградят» ответной волной чувств. Если же человек не может правильно проявлять и в нужный момент подавлять захлестнувшие его эмоции, тогда мы можем подумать о его невоспитанности, эмоциональной распушенности. Следовательно, не только сами эмоции, но и их внешнее выражение – это результаты целенаправленной работы человека. Практика показывает, что для выражения эмоций люди часто пользуются различными языковыми и речевыми средствами, среди которых можно выделить и фразеологическую единицу.

Фразеологическая единица представляет собой сочетание слов, которое имеет семантическую связь и конкретный лексико-грамматический строй. Данное определение выявляет основное свойство данного

явления: единый, постоянный лексико-грамматический состав и идиоматичность значений. Н.Ф. Алефиренко считает, что фразеологизмами являются «лексические объединения, которые имеют определенное семантическое значение и стабильный контекст» [Алефиренко 2009: 65]. Исходя из данного определения можно утверждать, что каждая фразеологическая единица или фразеологический оборот раскрывается во взаимосвязи с другими элементами речи, в самом контексте сказанного.

В туркменском языке фразеологические единицы и фразеологические обороты выполняют множество функций, среди которых можно выделить: придание устному высказыванию или письменному тексту образности, выразительности, метафоричности; описание эмоций и состояния человека, которые происходят в момент осуществления речевого акта; выражение собственного мнения, желая подчеркнуть собственное отношение (юмористическое, риторическое и др.) к тому или иному явлению или процессу в обществе; отражение историко-культурных традиций и передача культурно-национальной специфики языка в момент речевого взаимодействия [Назаров 1973: 33].

Фразеологические единицы в туркменском языке позволяют выразить как положительные, так и отрицательные эмоции [Редько 2019: 97]. Одним из примеров является употребление слова 'kalp' 'сердце' во фразеологических оборотах. Использование данного компонента во многих фразеологизмах объясняется тем, что 'сердце' является символом жизни, внутренних переживаний и эмоций, чувств и состояния человека [Рейимбаева 2019: 2]. С помощью фразеологизмов можно передать чувство переживания и сомнения ('kalbuma degdi' – 'достать до сердца'), чувство страха и испуга ('kalby aǧzina geldi' – 'сердце поднялось до рта'), радостные эмоции ('kalbi yerinden oynadı' – 'сердце переместилось со своего места'), стремление к состраданию ('yüreğinin uýı erimek' – 'жир на его сердце растаял' [Шанский 1981: 68]).

В условиях современности основным источником при изучении особенностей употребления и перевода фразеологических единиц и фразеологических оборотов в туркменском языке является письменная литература [Gurbanow 2015: 13]. Данное утверждение объясняется тем, что в литературных произведениях можно рассмотреть специфику и особенности использования фразеологических единиц в различных ситуациях, что способствует углубленному анализу возможностей их перевода, а также отражает менталитет народа, культурно-национальное своеобразие туркменского языка и его лексики. На основе анализа различных письменных источников возможно также проследить этапы и особенности развития самого туркменского языка, этимологию и функции фразеологических единиц в речи.

Одним из примеров литературного произведения, насыщенного фразеологическими единицами, является «Горкут ата», который был написан в XV веке. В данном литературном источнике употребляются как однозначные, так и многозначные фразеологизмы [Бекджаев 2018: 15]. Некоторые лексические единицы используются в переносном значении. Фразеологизм ‘bagry уаптак’ (‘печень горит’) передает отрицательные эмоции человека, указывает на печаль (‘горевать’). В контексте же данная фразеологическая единица объясняет беспокойство и тревожность. Фразеологизм ‘akyly başyndan gitmek’ имеет значение ‘терять сознание’, однако в контексте употребляется с целью отражения чувства печали (погружение в плохие мысли). В произведении встречаются и однозначные фразеологизмы, которые описывают эмоции человека: ‘ganу gaуnamак’ (‘кровь закипает’) – ‘злиться’, ‘gan aglamак’ (‘горько плакать’) – ‘печальный’ и др. Представленные лексические средства зачастую можно встретить в современном туркменском языке.

В современном туркменском языке большинство представленных фразеологических единиц не существует, или же представляются в другом виде с помощью иных лексем [Амангельдыева 1991: 11]. Ярким примером являются фразеологизмы: ‘gan gagşamak’ – ‘испытывать страх’ и ‘гнет’, ‘içine ot düşmek’ – ‘беспокойство’ и ‘растерянность’, ‘yüregi gormак’ – ‘сердиться’ и ‘злиться’.

Таким образом, в условиях современности становится актуальным изучение специфики и особенностей употребления фразеологических единиц в различных письменных источниках и литературных произведениях. Данный анализ позволяет проследить этапы развития культурно-национальных компонентов туркменского языка, этимологию, частоту употребления и лексико-семантические особенности фразеологизмов. Каждый год туркменский язык обогащается и претерпевает структурные и лексические изменения, что требует углубленного изучения и анализа.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология: учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко. Москва: Наука, 2009. 344 с.

Амангельдыева К. Принципы подачи фразеологических единиц в «туркменско-русском словаре»: автореф. дис. ... канд. фил. наук / К. Амангельдыева. Ашхабад, 1991. 28 с.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1995. №1. С. 37–67.

Бекджаев Т.Б. Полисемантические фразеологизмы в эпосе «Горкут Атат» («Китабы Дадем Горкут») / Т.Б. Бекджаев // Педагогические науки. Теоретические и практические вопросы современной лингвистики. 2018. №4. С. 13–16.

Назаров О.Н. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов русского и туркменского языков: автореф. дис. ... канд. фил. наук / О.Н. Назаров. Ашхабад, 1973. 30 с.

Редько Г.В. Фразеологизмы как языковая универсалия, отражающая национальную культуру народа / Г.В. Редько, А.А. Еремеева // Вестник Адыгейского государственного университета. 2019. №1. С. 100–105.

Рейимбаева А. Картина мира через призму туркменской фразеологии / А. Рейимбаева // Студенческая наука – инновационный потенциал будущего. 2019. С. 1–3.

Шанский Н.М. Краткий русско-туркменский фразеологический словарь / Н.М. Шанский, Е.А. Быстрова, Б. Джумагельдыева. Ашхабад: Магарыф, 1981. 134 с.

Gurbanow O. Türkmen we pars dillerindäki meňzeşlikler: kand. diss. awtoreferaty / O.Gurbanow. Aşgabat: Ylym, 2015. 36 p.

Türkmen diliniň frazeologik sözlügi. Asgabat, 2013. 203 p.

**Гендерные стереотипы в англоязычных гороскопах:
лингвокогнитивный аспект**

*гороскоп, гендерные стереотипы, англоязычный дискурс,
когнитивная лингвистика, концептуализация,
лингвокогнитивный анализ*

Современные исследования в области лингвокогнитивистики и гендерной лингвистики демонстрируют устойчивый интерес к проблеме формирования и воспроизводства стереотипов в языке. Гендерные стереотипы, закреплённые в культурной и языковой картине мира, проявляются в различных дискурсивных практиках – от повседневного общения до медийных текстов [Заблоцкая 2016: 122; Копусова 2023]. Одним из значимых жанров массовой коммуникации, в которых активно репрезентируются социальные и гендерные установки, выступают *гороскопы*. Гороскопы, как специфический тип популярного медиатекста, обладают широкой аудиторией и высокой степенью воздействия на массовое сознание. Их содержание не ограничивается предсказательной функцией: тексты астрологических прогнозов формируют определённые модели поведения, акцентируют социально одобряемые или, напротив, осуждаемые качества личности. В англоязычных гороскопах подобные установки особенно заметны, так как они отражают не только универсальные когнитивные механизмы, но и особенности англоязычной культурной традиции [Golodnaya 2021: 5].

Понятие «гендерный стереотип» в современной лингвистике определяется как когнитивно и социально обусловленное представление о типичных чертах, ролях и поведении мужчин и женщин, закреплённое в языке и культуре [Eagly 1987: 45]. Гендерные стереотипы функционируют как устойчивые когнитивные схемы, влияющие на восприятие и интерпретацию социальных ситуаций. В лингвистике особое внимание уделяется их проявлениям в текстах, где через лексику, грамматические структуры и дискурсивные стратегии закрепляются ожидания относительно «мужского» и «женского».

Лингвокогнитивный подход рассматривает язык как инструмент репрезентации когнитивных моделей, фреймов и концептуальных структур. Согласно этому подходу, тексты не только отражают социальные знания, но и активно формируют когнитивные представления индивида о мире [Fauconnier 2002: 56]. В рамках лингвокогнитивного анализа изу-

чаются механизмы концептуализации гендера, способы акцентирования определённых качеств, а также языковые маркеры, обеспечивающие воспроизводство стереотипов.

Предыдущие исследования показали, что гендерные стереотипы широко изучались в таких дискурсах, как реклама, СМИ, литература и образовательные тексты. Эти работы выявили типовые лексические и семантические стратегии, через которые конструируются представления о социально одобренных ролях мужчин и женщин. В то же время англоязычные гороскопы остаются относительно малоисследованной областью: хотя они популярны среди широкой аудитории и содержат многочисленные элементы, влияющие на восприятие гендера, систематический лингвокогнитивный анализ этого жанра практически отсутствует.

Материалом исследования послужила выборка англоязычных гороскопов, опубликованных на популярных онлайн-платформах, таких как Astrology.com и Horoscope.com. Для анализа были отобраны тексты, охватывающие различные знаки зодиака и предоставляющие как ежедневные, так и еженедельные прогнозы.

Метод исследования – когнитивно-дискурсивный анализ, позволяющий выявлять ключевые концепты, метафоры и типичные речевые стратегии, через которые конструируются гендерные стереотипы. Особое внимание уделялось языковым маркерам, отражающим концептуализацию «мужского» и «женского», а также механизмам фрейминга, обеспечивающим воспроизводство устойчивых когнитивных схем.

В астрологической традиции знаки зодиака делятся на «мужские» (ян) и «женские» (инь) в зависимости от направленности энергии и характерных качеств. «Мужские» знаки обычно ассоциируются с активностью, инициативой и стремлением к внешним достижениям, тогда как «женские» – с восприимчивостью, эмоциональностью, ориентацией на внутренний мир и межличностные отношения. Такое деление позволяет обосновать выбор знаков для анализа и выявить, каким образом через языковые средства англоязычных гороскопов репрезентируются когнитивные модели и гендерные стереотипы, связанные с «мужским» и «женским» поведением.

Анализ англоязычных гороскопов выявил устойчивые гендерные стереотипы, репрезентируемые через лексические и дискурсивные стратегии. В прогнозах для «женских» знаков, таких как Рак и Рыбы, акцент делается на эмоциональной сфере, межличностных отношениях и заботе о себе. Например, прогноз для Рака [Astrology.com, Sep 17, 2025] отмечает: *“Don't be surprised if you awaken to new realities, taking time to observe each situation before deciding on next steps. You should also be mindful to watch for signs, as the stars direct you toward a*

more stable and prosperous future.” Здесь подчёркивается эмоциональная внимательность и внутренняя гармония; модальные конструкции *‘you should’, ‘be mindful’* и метафоры *‘watch for signs’, ‘stars direct you’* формируют когнитивную схему осторожности и ориентированности на духовное руководство. Прогноз для Рыб [Astrology.com, Sep 17, 2025] добавляет: *“Heightening your intuition while stirring up deep-seated emotions. Prioritize wellness once you’ve awakened... Notice if you start to close off from loved ones... ask for it, but remember to open up once you’re ready to share.”* Текст акцентирует эмоциональную восприимчивость, социальную заботу и саморефлексию; метафоры *‘open up’, ‘close off’* и оценочные прилагательные *‘deep-seated’, ‘wellness’* поддерживают когнитивные схемы «женской» роли как эмоционально ориентированной.

В прогнозах для «мужских» знаков, таких как Стрелец и Овен, наблюдается акцент на карьеру, достижения, независимость и активное управление жизнью. Прогноз для Стрельца [Astrology.com, Sep 17, 2025] гласит: *“Watch for signs that your wishes are about to come true... Try not to separate the heart and mind, recognizing that these two entities must collaborate.”* Здесь подчёркивается достижение целей и рациональное управление обстоятельствами; метафоры *‘wishes are about to come true’, ‘entities must collaborate’* создают когнитивную схему активного контроля над судьбой. Прогноз для Овна [Horoscope.com, Sep 17, 2025] отмечает: *“Keep the information under your hat until plane reservations have been made or you have the job offer in writing. Whatever the good news is, it’s exactly what the doctor prescribed to give your self-confidence a boost.”* Прогноз акцентирует карьеру, самостоятельность и рациональное планирование; модальные конструкции *‘keep... under your hat’* и оценочные прилагательные *‘self-confidence’* усиливают установку на активность и контроль.

Проведённый анализ англоязычных гороскопов показал, что они систематически транслируют устойчивые гендерные стереотипы. Прогнозы для «женских» знаков акцентируют эмоциональность, заботу о себе и межличностные отношения, тогда как «мужские» прогнозы подчёркивают активность, достижение целей и самостоятельность. Основными когнитивными механизмами, через которые закрепляются эти стереотипы, являются метафоризация и фреймирование: с помощью метафорических конструкций и оценочных прилагательных формируются когнитивные схемы «мужского» и «женского» поведения, а фреймы направляют интерпретацию информации в соответствии с социально ожидаемыми ролями. Таким образом, гороскопы выполняют не только развлекательную и предсказательную функцию, но и выступают в роли зеркала массовых представлений о гендере, отражая и воспроизводя культурно обусловленные модели поведения и социальные ожидания.

Литература

Заблоцкая В.С. Гендерные стереотипы / В.С. Заблоцкая, Н.Е. Сорокина // Юный ученый. 2016. № 6 (9). С. 122–125.

Копусова А.В. Влияние гендерных стереотипов в медиапространстве на представление людей о гендере / А.В. Копусова // Телескоп. 2023. № 2.

Eagly A.H. Sex Differences in Social Behavior: A Social-Role Interpretation / A. H. Eagly. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1987. 178 p.

Fauconnier G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. New York: Basic Books, 2002. 464 p.

Golodnaya V.N. Gender Identity Balance Conceptualization in Astrological Discourse / V.N. Golodnaya // International Research Journal. 2021. № 6 (108).

**Лингвистические особенности адаптации россиян,
приехавших в Кыргызстан за последние 5 лет**

*релокация, языковая адаптация, языковое вкрапление,
повседневная лексика, языковой код, социолингвистика*

Начиная с 2022 года, в Кыргызской Республике фиксируется заметное увеличение миграционного потока. По оценкам экспертов и исследовательских центров, количество прибывших варьируется в пределах от 50 до 100 тысяч человек. Специфика данной миграционной волны заключается в качественном составе прибывших: это не традиционные трудовые мигранты, а высококвалифицированные специалисты (программисты, дизайнеры, предприниматели, фрилансеры), имеющие высшее образование и работающие преимущественно дистанционно [Мукомель 2023: 38].

Кыргызстан оказался привлекательным местом для переезда по нескольким причинам. В постсоветском Кыргызстане произошло изменение социолингвистического профиля в связи с изменением коммуникативной среды (массовый киргизско-русский билингвизм постепенно заменялся другими видами и формами). На рубеже XX–XXI веков за кыргызским языком на уровне Конституции КР был закреплён статус государственного, а русскому языку законодательно был придан статус официального. Однако лингвистическая ситуация оказывается более сложной: даже релоканты, не изучающие кыргызский язык целенаправленно, постепенно модифицируют свою русскую речь, присоединяя местные лексические единицы и выражения.

Цель исследования: определить закономерности и механизмы языковой адаптации релокантов в Кыргызстане.

Новизна исследования заключается в том, что впервые в социолингвистике Кыргызстана проведен систематический анализ языковой адаптации современной волны высококвалифицированных мигрантов с применением методов полевой лингвистики.

Лексико-семантический анализ заимствований. Анализ речевых практик приезжих выявил системные изменения в русском языке, затрагивающие преимущественно лексический уровень. Заимствования распределяются по нескольким тематическим группам (таблица 1).

Таблица 1. Тематические группы заимствований

Тематическая группа	Примеры лексем	Примеры употребления
Продукты питания	Сюзмо(творог), каймак (сметана), нан (лепешка), боорсок, курут	«Добавь в суп каймак»
Блюда	Бешбармак, лагман, самса, манты, шорпо	«Сегодня буду готовить шорпо»
Торговля и локации	Ош-базар, Дордой, Аламедин	«Поехали на Ош-базар»
Транспорт	Маршрутка, автобус (320, 135)	«Приехал друг из Москвы, я ему говорю – давай на маршрутке поедem, купим курут в дорогу. Он смотрит на меня как на инопланетянина».
Административная лексика	ИНН, ВНЖ, каттоо, прописка	«Надо оформить каттоо, иначе будут проблемы»
Формулы вежливости	Рахмат (спасибо), эже (тетя), байке (дядя)	«Рахмат, байке, было очень вкусно»
Обращения	Айгуль-эже, Бекзат-байке	«Бекзат-байке, можно 2 самсы»

В ходе проведенной работы нами были выделены следующие этапы языковой ориентации русскоязычных приезжих (таблица 2).

Таблица 2. Этапы языковой адаптации релокантов в Кыргызстане

Этап	Временной период	Характеристика речи
Пассивное восприятие	0-3 месяца	Минимальное использование местной лексики; употребление только в коммуникации с носителями кыргызского языка

Переходный	3-6 месяцев	Параллельное употребление русских и кыргызских лексем с метаязыковыми комментариями: «сюзмо, это типа творог»
Активная интеграция	6-12 месяцев	Естественное употребление местной лексики без объяснений в речи с другими релокантами
Полная ассимиляция	12+ месяцев	Отсутствие осознания употребления местных слов; возможны коммуникативные сбои с носителями русского языка вне Кыргызстана

Скорость языковой адаптации зависит от следующих факторов: 1) возраст: 25-30 лет (70% достигают третьего этапа за 6 месяцев), 40+ (35% достигают третьего за 6 месяцев); 2) характер занятости: офисная работа с местными коллегами; предпринимательство с локальными партнерами (80%), удаленная работа (25%); 3) мотивация: долгосрочные планы (получение гражданства, создание семьи) (75%), временное пребывание (30%).

Основные выводы. Языковая адаптация релокантов в Кыргызстане представляет собой четырехэтапный процесс, занимающий от 6 до 12 месяцев для достижения стадии активной интеграции. Основные лексические заимствования концентрируются в сферах повседневной жизни (питание, торговля, транспорт), что обусловлено практической необходимостью. Ключевыми факторами, ускоряющими языковую адаптацию, являются: возраст 25–35 лет, работа в смешанных коллективах, долгосрочная мотивация к проживанию и наличие смешанного социального окружения.

Практические рекомендации. Для оптимизации процесса адаптации релокантов целесообразно:

1) *разработать практические глоссарии* с ситуативными диалогами для различных жизненных ситуаций (покупки на базаре, объяснение маршрута таксисту, общение в государственных учреждениях), а не классические языковые курсы;

2) *организовать языковые обмены* с носителями кыргызского языка, которые являются более эффективными для практического освоения лексики, нежели чем академические занятия;

3) *создать онлайн-платформу* с базой часто употребляемой лексики и выражений, актуализируемой самими релокантами;

4) *информировать новоприбывших* о прагматической ценности базовой местной лексики (особенно формул вежливости) для улучшения социального взаимодействия.

Литература

Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.

Варшавер Е.А. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство / Е.А. Варшавер, А.Л. Рочева // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 14. № 3. С. 315–330.

Григорьева О.А. Формы и сферы использования русского языка сотрудниками банковской системы в городе Бишкеке / О.А. Григорьева // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2024. Т. 24, № 10. С. 55–62.

Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптационные практики и сохранение культурных границ / Н.П. Космарская. Москва: Наталис, 2020. 456 с.

Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда / В.И. Мукомель // Статистика и экономика. 2023. № 2. С. 36–44.

Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.

**Лингвистические и социокультурные
факторы функционирования дунганского языка
в условиях полиэтнической среды Кыргызстана**

*дунганский язык, Кыргызстан, социолингвистика, языковой сдвиг,
билингвизм, языковые контакты*

Современная социолингвистика сталкивается с проблемой сохранения языкового разнообразия в условиях усиливающегося давления глобальных и региональных языков. Дунганский язык, будучи одним из миноритарных языков, функционирующих на территории Кыргызстана, представляет собой уникальный объект для анализа. Его носители, оказавшись в полиэтнической среде, адаптируют свой языковой код и практики к условиям доминирующих русского и киргизского языков. *Актуальность* исследования обусловлена необходимостью систематизации теоретических данных о проблемах языкового сдвига в дунганской диаспоре. Существующие научные труды среди дунгановедов, в частности работы М.Х. Имазова и А. Калимова, заложили основу для изучения языка, однако современная лингвистическая ситуация требует регулярного теоретического переосмысления. *Цель* данной статьи – провести обзорно-аналитическую систематизацию лингвистических и социокультурных факторов, которые определяют современный статус дунганского языка в Кыргызстане, а также наметить перспективные направления для его сохранения.

Формирование дунганской диаспоры в Кыргызстане в результате миграционных волн 1870-х годов создало уникальный социокультурный и языковой контекст. Язык, сформировавшийся в Китае, ассимилировался с тюркскими и русскими языками, развивался в тесном контакте с ними, что привело к активному языковому смешению. В XX веке языковая политика СССР (упорядочивание письменности, школьное образование) оказала двоякое воздействие, стабилизируя кодификацию и одновременно стимулируя дунгано-русский билингвизм.

Анализ языковой политики в Кыргызстане показывает, что статус русского языка как языка межэтнического общения и науки обуславливает его доминирование в образовании и публичной сфере. В свою очередь, формируются языковые установки у молодого поколения, которое определяет дунганский язык в качестве родного как фактор этни-

ческого самосознания. Но его коммуникативная ценность в профессиональной и общественной жизни существенно снижается, что является первым признаком функционального сдвига среди билингвов.

Дунганский язык относится к изолирующим языкам и характеризуется специфическими фонетическими и грамматическими чертами, такими как отсутствие грамматической категории рода и использование тонов. Как отмечается [Имазов 1977: 5], эти структурные особенности способствуют его устойчивости как самостоятельной системы, но также обуславливают трудности в процессе освоения для молодого поколения, выросшего в русскоязычной среде. В то же время, язык сохраняет свою фундаментальную роль как ключевой фактор этнической и культурной идентичности дунган [Лю 2006: 1]. Теоретический анализ показывает, что дунганский язык подвержен активному кодовому переключению и лексическому заимствованию. Русский и киргизский языки в речи носителей могут выступать как языковое вкрапление. Проявляются на лексическом уровне инкорпорация русской общественно-политической и технической лексики; на синтаксическом уровне – появление конструкций, заимствованных из русского языка, в ущерб традиционным структурам; смешение кодов – свободное использование двух языков в одном предложении [Калимов 2001: 1]. Наиболее острой проблемой, требующей теоретического осмысления, является функциональный языковой сдвиг. Современные тенденции указывают на то, что использование дунганского языка **резко снижается** за пределами семейного и традиционного общения. Функционирование дунганского языка по сферам социальной жизни представлено в таблице 1.

Таблица 1. Функционирование дунганского языка в разных сферах социальной жизни

Образование	Преподавание языка ограничено или отсутствует.
Социальные сети	Русский язык доминирует как средство коммуникации в цифровой среде.
СМИ и культура	Количество материалов на дунганском языке (печатные издания, радио) сокращается, а их актуальность для молодежи снижается.

Такой сдвиг ведет к утрате активного владения (способности свободно говорить и писать) среди молодых дунган, превращая их в рецептивных билингвов [Словарь 2006: 124], которые понимают дунганский язык, но испытывают трудности в устной речи, что создает прямую угрозу для сохранения языка. Проведенный обзор научно-теоретической и публицистической литературы показал, что дунганский язык в

Кыргызстане находится в состоянии функционального кризиса, вызванного сильным доминированием русского и киргизского языков в публичных сферах и отсутствием четкой институциональной поддержки со стороны государственных структур и органов власти. В ходе анализа было установлено, что язык сохраняет свою этноидентифицирующую функцию (выступая ключевым маркером принадлежности к диаспоре), но теряет коммуникативную в повседневном общении, особенно среди молодежи. Кроме того, активные языковые контакты с доминирующими языками приводят к смешению кодов, что осложняет его чистоту и передачу. Следовательно, приоритетным направлением является разработка и создание методических пособий для школьного обучения языкам миноритарных народов КР, а также сохранение и передача языка в разговорной и литературной форме последующим поколениям.

На основании проведенной нами работы можно сделать следующие выводы и рекомендации: 1) Миноритарные народы, проживающие на территории КР, испытывают сложность при обучении подрастающего поколения своим языкам. 2) Необходимо составить программу полевого социолингвистического исследования для рассмотрения особенностей функционирования современных языков миноритарных народов в Кыргызстане. 3) Необходимо подготовить анализ сложившегося языкового ландшафта среди дунганского этноса в Чуйской области КР. 4) Необходимо представить в Ассамблею народов Кыргызстана разработанную языковую концепцию для сохранения языков малочисленных этносов.

Теоретические выводы данной статьи указывают на необходимость проведения эмпирического исследования для количественной оценки языковых практик и установок молодежного поколения. Такой анализ позволит точно зафиксировать текущий уровень владения языком и разработать адресные меры по его сохранению и подготовить языковую стратегию для конкретного этноса, проживающего в регионе.

Литература

Имазов М.Х. Орфография дунганского языка / М.Х. Имазов. Фрунзе: Илим, 1977. 127 с.

Калимов А. Становление и развитие дунганского национального языка и литературы / А. Калимов // Сборник материалов по общим проблемам развития дунганского литературного языка и культуры. Москва, 2001. С. 1–4.

Лю В.Г. Этническая и культурная идентичность дунган в полиэтнической среде / В.Г. Лю // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса. 2006. № 3 (3). С. 1–8.

Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. Москва, 2006. 312 с.

Семантические особенности зоонимических фразеологизмов в современном русском языке

фразеологизмы, зоонимы, семантика, дискурс

Фразеологизмы, содержащие зоонимы в своей семантической структуре, являются достаточно распространенной группой фразеологического фонда русского языка. Фразеологизмы-зоонимы можно причислить к одним из наиболее древних единиц, встречающихся в языках, так как знание повадок, характерных черт определенных животных позволяло человеку выживать.

Семантические особенности фразеологизмов с компонентом-зоонимом играют важную роль в современном русскоязычном дискурсе, так как позволяют выделить актуальные культурные, национальные и языковые особенности русского языка.

Под зоонимом мы понимаем представителей мира животных в их первичной номинативной категории [Новьихина 2019]. Также мы опирались на работы В.В. Морковкина, предложившего термины «зоолексема» – название вида животного в исходном значении и «зоонимосодержащая лексема» – лексико-семантический вариант слова [Морковкин 1983].

Фразеологическая классификация А.В. Кунина с разделением фразеологического фонда на идиоматику, фразеоматику и идеофразеоматику позволяет определить степень переосмысления зоонимического компонента в составе фразеологизма [Кунин 1970]. Исследования В.Н. Телии позволяют выделить принадлежность зоонимических фразеологизмов к национальной культуре и определить специфику употребления таких единиц в рамках одного языка и в сопоставлении с другими языками [Телия 1996].

К основным способам формирования значения фразеологизма-зоонима причисляют метафорический перенос. Так, названия животных используются для передачи различных качеств человека, от специфической внешности до внутренних психоэмоциональных черт характера. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом несут в себе характеристики животного, которые закрепились в коллективном культурном сознании носителей языка. Для русского языка характерны образы волка, символизирующего агрессивность и независимый нрав, медведя, символизирующего силу и значительный потенциал, лисы, символизирующей хитрость и изворотливость.

В своей работе Т.В. Маркелова характеризует фразеологизмы с компонентами животного мира как синкретические оценочные знаки и выделяет три группы таких единиц: 1) обороты с отрицательной оценочной семантикой (*как баран на новые ворота*); 2) обороты, способные выражать как положительное, так и отрицательное оценочное значение (*собачья верность / собачья жизнь*); 3) обороты с положительной оценочной семантикой (*трудолюбивый как пчела*) [Маркелова 2005].

Достаточно содержательной является классификация русских зоонимических фразеологизмов по биологическим особенностям животных. Так ученые выделяют следующие группы: домашние животные, дикие животные, птицы.

В современном русском языке активно функционируют традиционные зоонимические фразеологизмы наряду с появлением новых контекстов их употребления. Интернет-культура и социальные медиа способствуют актуализации и переосмыслению классических выражений.

Особенно активно зоонимические фразеологизмы используются в медиатекстах, рекламе (*И звери сыты, и деньги целы; Спасение всех девяти жизней* – слоган аптеки), политическом дискурсе (*козел отпущения, волчья законы рынка*) для создания эмоционально окрашенных характеристик. Это свидетельствует о живости и продуктивности данного фрагмента фразеологической системы русского языка.

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в современном русском языке представляют собой сложную семантическую систему, отражающую глубинные связи между человеком и миром природы. Они выполняют важные функции в языке: номинативную, характеризующую, оценочную и культурно-трансляционную [Яблонская, 2015].

Анализ зоонимических фразеологизмов показывает их высокую продуктивность в современном русском языке и культуре. Они активно функционируют в различных сферах: от художественной литературы и кинематографа до разговорной речи и интернет-коммуникации. Например, песня «Белая ворона» группы Чайф; песня «18 берёз» группы Чиж и Ко: «За моим окном 18 берёз, я их сам считал, как *считают ворон*»; в фильме «Хранители» употребляется цитата: «Господи – даже вегетарианец! Он и *мухи не обидит!*».

Исследование подтверждает, что фразеологизмы с компонентом-зоонимом являются важным источником информации о национальной картине мира русского народа, его ценностных ориентациях и культурных традициях. Их изучение способствует более глубокому пониманию не только языковой системы, но и культурно-исторического наследия носителей русского языка.

Литература

Кунин А.В. Английская фразеология (теоретический курс) / А.В.Кунин. Москва: Высшая школа, 1970. 344 с.

Маркелова Т.В. Метафорическая ценность фразеологизмов с опорным компонентом зоонимом или фитонимом / Т.В. Маркелова, О.Г. Хабарова // Филологические науки. 2005. №5. С. 17–27.

Морковкин В.В. Словарь сочетаемости слов русского языка / В.В. Морковкин, П.Н. Денисов. Москва: Русский язык, 1983. 688 с.

Новьюхина Г.Б. История изучения зоонимов в отечественном языкознании / Г.Б. Новьюхина // Современное педагогическое образование. 2019. №4. С. 11–13.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семнотический, прагматический и лингвистический аспекты / В.Н. Телия. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Яблонская О.Г. Анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в современном русском языке / О.Г. Яблонская, С.Б. Кураш // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. 2015. № 2 (46). С. 153–158.

**Инновации в профессиональном мире:
материалы для ассоциативного словаря
(от киберспорта к киберспортсмену)**

*современный русский язык, лексикография, агнонимия,
ассоциативный ряд*

Более столетия назад известный русский писатель Александр Иванович Куприн в одном из своих рассказов пророчески написал: «Ах, этот ужасный мир будущего – мир машин, горячечной торопливости, нервного зуда, вечного напряжения ума, воли и души! Не несёт ли он с собой повального безумия, всеобщего дикого бунта или, что ещё хуже, преждевременной дряхлости, внезапной усталости и расслабления? Или – почём знать? – может быть, у людей выработаются новые инстинкты и чувства, произойдёт необходимое перерождение нервов и мозга, и жизнь станет для всех удобной, красивой и лёгкой?» («Телеграфист», 1911) [Куприн 1985]. И, действительно, мы, современные люди, живущие в условиях бурно развивающегося научно-технического прогресса, удивительных достижений науки и техники, наблюдаем и его издержки: широкое распространение, как известно, сегодня имеют «болезни цивилизации», в частности профессиональные.

Актуальность данного исследования состоит в том, что *киберспорт*, или компьютерный спорт (англ. *Esports, electronic sports*) – это инновационная профессиональная среда, которая в начале XXI столетия является одной из самых быстроразвивающихся индустрий в мире и имеет весьма широкий спектр перспективных (правда, для тех, кто не младше десяти и не старше тридцати лет) карьер: *игрок, стример, комментатор, судья, менеджер*, – а если быть более точными, это не что иное, как большой бизнес, что генерирует значительные доходы, особая культура и социальная среда, сложившаяся вокруг соревновательных видеоигр. Согласно Большой российской энциклопедии, основу киберспорта составляют лиги, турниры и состязания, где участвуют самостоятельные игроки, команды и организации, спонсируемые коммерческими компаниями [Мазоренко].

Настоящая тема может включать различные аспекты исследования, в том числе практического характера:

– изучение киберспорта и его влияния на жизнедеятельность человека в частности и общества в целом призвано помочь улучшить всестороннее гармоничное развитие и непрерывное образование детей и взрослых;

– понимание предпочтений и поведения потребителей позволяет компаниям разрабатывать определённые маркетинговые стратегии и создавать более привлекательные компьютерные (как правило, многопользовательские) продукты, будь то: симуляторы с применением технологий виртуальной реальности (VR) или искусственного интеллекта (AI), «Игры Будущего» в концепции фиджитал (подробнее см. официальный сайт <https://gofuture.games/>) и т.п.;

– цифровой игровой мир постоянно и стремительно меняется, предлагая разнообразные формы как для проведения досуга, развлечения, отдыха, так и для формирования необходимых для социальной жизни «мягких» и «жёстких» навыков, а именно: аналитические способности, критическое мышление, стрессоустойчивость, управление временем, работа в команде, коммуникабельность и др.

Выбор наш, таким образом, базируется на четырёх существующих сегодня векторах, каждый из которых имеет теоретическую и практическую значимость. К примеру, если для образования важна такая составляющая, как непрерывность, то есть на протяжении всей жизни человека для его всестороннего гармоничного развития, то для психологии это прежде всего личностное благополучие, которое обуславливает, в свою очередь, социальный порядок. Постоянное стремление к новизне объединяет бизнес и технологии, для которых ключевой является привлекательность для потребителя, желающего овладеть набором «скиллов», чтобы иметь успех и прочие блага. Люди, как известно, отличаются друг от друга в своём стремлении получить признание. Эти отличия делают столь разнообразным социальное взаимодействие и в какой-то степени определяют судьбу каждого человека.

Киберспорт больше (и даже шире), чем спорт. Он также связан с высокими гонорарами, при этом стремительно откликается на все изменения в IT-сфере и способствует формированию различных сообществ, ставя новые правовые вопросы (например, защита прав игроков), с одной стороны, и обостряя необходимость появления в образовательных организациях разных уровней обучающих программ (курсов), с другой. Цель настоящей работы – повысить осведомлённость о киберспорте как перспективном разноплановом явлении, что оказывается весьма интересным с точки зрения лексикографической, если принять во внимание хотя бы такой тип словаря, как ассоциативный.

В качестве ведущего метода исследования выбран контент-анализ, так как предполагает изучение всевозможных источников информации, а более того – обращение к Национальному корпусу русского

языка (<https://ruscorpora.ru>) и глубокому мышлению универсальной нейросети нового поколения DeepSeek, поскольку киберспорт относится к явлениям молодым, малоизученным и ещё не нашедшим однозначного общественного понимания. Важно наблюдать, скрупулёзно фиксировать «ход истории» и пытаться осмыслить в целом, ведь сегодня каждый свободно, не выходя из дома, может попробовать примерить на себя одну из новых профессий – *киберспортсмен*, правда, если в достаточной степени хорошо владеет английским языком наряду с другими личными качествами, необходимыми для успешной карьеры.

Никто не может точно сказать, когда возник киберспорт, равно как до сих пор неизвестны даты появления многих видов спорта, будь то футбол или шашки, относительно которых мы доподлинно, с опорой на данные археологии знаем, что это очень древние народные игры, которые являются олимпийскими видами спорта, имея с XIX века международный статус.

В отличие от традиционного спорта, история киберспорта как формы соревнования, включающей видеоигры, насчитывает всего несколько десятилетий (с 1970-х годов). Киберспорт продолжает расти, привлекая миллионы зрителей по всему миру. Так, официальные компьютерные соревнования, внесённые в Единый календарный план Минспорта РФ на 2024 год, представлены тремя дисциплинами: *боевая арена* (Dota 2), *тактический трёхмерный бой* (CS 2), *файтинг* (Tekken 8).

Следует сказать, что далеко не все разновидности компьютерных игр признаются видом спорта и имеют олимпийский статус. Официально: Международный олимпийский комитет (МОК) согласовал проведение первых киберспортивных игр в 2027 году в Эр-Рияде, Саудовской Аравии, отборочные соревнования начнутся уже в 2025 году. Однако названия дисциплин ещё не раскрыли. Как это ни странно, весьма непросто начинать разговор о компьютерных играх, в которые на протяжении нескольких лет активно играют многие и которые все считают чуть ли не примитивными: *передвигайся и бей* – вот и весь их смысл. Такое расхожее мнение происходит от незнания и непонимания сути боевой арены: *шутера, файтинга* и им подобных.

Киберспортивные игры, бесспорно, имеют общие черты, и связь между ними прежде всего обуславливается соревновательным характером, что требует от игроков не только стратегического мышления, планирования и тактики, но и физической и умственной выносливости. Что касается киберспортивных правил и терминологии, то с первого взгляда становятся очевидны существенные отличия. Немаловажным оказывается знание английского языка (хотя бы на начальном уровне),

ведь именно он выступает фундаментом профессионального языка киберспортсменов и СМИ, освещающих их деятельность. Определить количество киберспортивных слов и выражений не представляется возможным из-за постоянного изменения различных аспектов видеоигр, соревнований и культуры в целом. В качестве иллюстрации приведём лишь отдельные примеры, предприняв первую попытку их систематизировать.

Таблица 1. Структура киберспортивного лексикона

Игровые механики	особенности процесса	<i>Буст (англ. Boost) – увеличение уровня или ранга игрока с помощью другого, более опытного игрока.</i>
Соревнования	организационные аспекты	<i>Скрим (англ. Scrim) – тренировочный матч между командами для улучшения навыков и отработки стратегий.</i>
Классификации	роли игроков в команде	<i>Люркер (англ. Lurker) – действующий преимущественно в отрыве, собирая информацию о соперниках или выступая отвлекающим фактором.</i>
Сообщества	сленг игроков и фанатов	<i>Патч (англ. Patch) – обновление игры, которое может изменять баланс, добавлять контент или исправлять ошибки.</i>

Таким образом, киберспортивный лексикон, будучи своеобразной разновидностью агнонимии, сегодня раскрывается главным образом в медиаформах (см., например, [Словарь геймера]).

Литература

Куприн А.И. Телеграфист / А.И. Куприн // Избранные сочинения. Москва: Худож. литер., 1985.

Мазоренко Д.А. Киберспорт / Д.А. Мазоренко // Большая российская энциклопедия. Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/kibersport-5528c0> (дата обращения: 01.09.2024).

Словарь геймера: переводим с игрового на русский. Режим доступа: <https://club.dns-shop.ru/blog/t-64-videoigryi/41640-slovar-geimera-perevodim-s-igrovogo-na-russkii/> (дата обращения: 05.01.2024).

Интернет-мем как жанр академического дискурса

*академический дискурс, интернет-коммуникация, жанр,
поликодовый текст, мем*

Предлагаемое исследование имеет целью рассмотреть жанровое разнообразие академического дискурса. Автор ставит задачу доказать, что поликодовый текст интернет-мема является жанром академического дискурса.

Изучение дискурса является актуальным направлением в русле современных лингвистических исследований. Под дискурсом, вслед за В.И. Карасиком, мы понимаем «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [Карасик 2002: 193]. Также В.И. Карасик предлагает деление дискурса на институциональный и персональный (личностно-ориентированный).

Институциональный дискурс, по мнению Ю.С. Сергеевой, – «нормативное речевое взаимодействие людей, имеющих определенные статусные роли в рамках определенного социального института» [Сергеева 2020: 365]. Таким образом, мы можем считать академический дискурс – объект нашего исследования – институциональным, так как он репрезентует коммуникативное взаимодействие участников в академической среде: студент-преподаватель, студент-студент, преподаватель-преподаватель.

Традиционно принято выделять устные и письменные жанры академического дискурса. К устному академическому дискурсу относятся такие жанры как «беседы, дискуссии, выступления с докладом на конференциях, симпозиумах, круглых столах, семинарах, выступление с презентацией, чтение лекций с сопроводительными объяснениями, а также защита квалификационной работы» [Стеблецова 2020: 13].

Письменный академический дискурс включает в себя более широкую палитру жанров, к которым отнесем вслед за А.О. Стеблевой доклады, дипломные работы, диссертации, словари и справочники, учебные пособия, рефераты, конспекты, научные статьи, книги [Стеблецова 2020: 14]. Однако научно-технический прогресс и динамично развивающаяся интернет-коммуникация обуславливают становление нового жанра академического дискурса – интернет-мем.

Будучи явлением «спонтанного распространения некоторой информации или фразы, часто бессмысленной, спонтанно приобретшей популярность в интернет-среде посредством распространения в Интернете всеми возможными способами» [Белкина, Куценко 2014: 77-78], интернет-мем привлекает внимание ученых различных областей знаний, в том числе и языкознания. С лингвистической точки зрения мем представляет собой симбиоз вербальной составляющей и иконического компонента, образуя поликодовый текст, который, в свою очередь, «создает эффект внутрижанровой диалогичности, что вместе с мультимодальностью позволяет передать значимую, полноценную информацию, несмотря на упрощенные формулировки и экономию вербальных средств» [Клушина, Сыздыкова, Чан, Васильченко 2025: 431].

Академический дискурс в меме реализуется посредством темы и ситуации общения в академической среде на вербальном и визуальном уровнях. Рассмотрим примеры на русском и английском языках (см. Таблицу 1):

1. Академический дискурс, реализуемый в меме на английском языке на вербальном уровне (см. Мем 1).

В данном примере академический дискурс реализован посредством лексических единиц professor 'профессор' (должность или звание сотрудника университета) и finals 'выпускные экзамены в университете'. Отметим, что вербальный компонент не поддерживается визуальным.

2. Академический дискурс, реализуемый в меме на английском языке на визуальном уровне (см. Мем 2).

Вербальный компонент мема не позволяет нам сделать вывод о том, что коммуникативная ситуация относится к академической среде:

– How about we go around the room and introduce ourselves 'А давайте каждый представится'.

– How about no 'А давайте нет'.

Тем не менее, визуальный компонент, на котором изображен преподаватель на фоне доски, поддерживает академическую тему мема.

3. Академический дискурс, реализуемый в меме на русском языке на вербальном уровне (см. Мем 3).

В следующем примере академический дискурс представлен лексическими единицами: аудитория, универ. Визуальный компонент не коррелирует с вербальным, но поддерживает идею мема о сложности выбора пути, используя прецедентный феномен – картину Виктора Васнецова «Витязь на распутье».

4. Академический дискурс, реализуемый в меме на английском языке на визуальном уровне (см. Мем 4).

Данный пример указывает на академический дискурс – изображение лекционного зала и преподавателя на фоне исписанной сложными

математическими формулами доски. Вербальный компонент частично поддерживает визуальный благодаря лексической единице *алгебра*. Тем не менее, вне контекста на уровне иконического компонента мы не можем утверждать, что речь идет об академической, а не школьной среде.

Таблица 1. Мемы академического дискурса

Мем 1	Мем 2
	
https://www.homeworkhelpglobal.com/wp-content/uploads/2018/01/The-Pre-Finals-Struggle.png	https://www.bu.edu/files/2024/08/unnamed.png
Мем 3	Мем 4
	
https://joyreactor.cc/post/5689651	https://cvam.ru/wp-content/uploads/2023/10/memy-pro-matematiku-26.webp

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что мем можно определить как жанр академического дискурса. Темы и сюжеты мема академического дискурса могут реализовываться как на вербальном, так и визуальном уровнях.

Литература

Белкина Ю. А. Мем как часть интернет-дискурса / Ю.А. Белкина, Е.В. Куценко // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 4. С. 77–79.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Клушина Н.И. Концептуализация интернет-мема в теории медиакоммуникаций: обзор типологий / Н.И. Клушина, А.А. Сыздыкова, Т.Т.З. Чан, М.В. Васильченко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т.30, № 2. С. 428–441.

Сергеева Ю.С. Конститутивные признаки академического дискурса: цифровые трансформации / Ю.С. Сергеева // Казанский лингвистический журнал. 2020. Т.3. С. 362–373.

Стеблецова А.О. Академический дискурс в западных исследованиях на рубеже XX– XXI вв.: эволюция направлений и концепций / А.О. Стеблецова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2020. Т.19. № 5. С. 5–13.

Формирование навыков филологического анализа текста у студентов – будущих педагогов

*художественный текст, филологический анализ текста,
русский язык, педагогическое образование*

За последние десятилетия отношение к чтению в российском обществе сильно изменилось. Учителя признаются, что современные дети практически не читают дома, с произведениями школьной программы знакомятся исключительно на занятиях. В связи с этим повышение интереса учащихся к чтению художественной литературы, формирование культуры чтения представляется одной из важнейших задач как учителя, так и преподавателя высшей школы.

Курс «Филологический анализ текста» входит в учебный план подготовки студентов направления «Педагогическое образование», он является обязательным предметом для таких профилей, как «Русский язык и литература», «Русский язык и иностранный (английский) язык», «Русский язык» и изучается на 4 курсе. Студенты первого из названных профилей обычно хорошо владеют навыками литературоведческого анализа, обладают широким читательским кругозором, ориентируются в литературных направлениях и, как правило, с интересом читают и обсуждают предлагаемые для анализа произведения. Преподавателю остается направлять их деятельность в нужное русло, т.е. прививать навыки лингвистического анализа. Студенты двух других профилей менее начитанны, и начинать приходится «с азов».

Как устроен текст, каким образом писателю удастся нас заинтересовать и воздействовать на читателя – на эти вопросы можно ответить, вооружившись инструментами филологического анализа. Как известно, текст представляет собой чрезвычайно сложный объект исследования, существуют десятки определений текста, которые раскрывают его сущность с разных сторон. На занятиях на примере анализа различных фрагментов студенты пытаются ответить на вопрос: что такое текст – это сумма предложений или есть что-то еще, что делает предложения текстом.

Будущий педагог должен обладать навыками вдумчивого, внимательного чтения, поэтому важно научить студентов видеть текст под «лингвистическим микроскопом» [Шанский 2019: 10].

В ходе изучения курса студенты знакомятся с различными приёмами анализа текста, изучают его признаки и категории, рассматривают принципы его построения, учатся выявлять интертекстуальные связи произведения, знакомятся со способами выражения авторской позиции и т.д. К каждому занятию студенты получают задание: прочитать одно произведение (рассказ или повесть), ответить на вопросы, предоставляемые преподавателем. При этом основное внимание уделяется изучению одной из тем программы: так, на примере повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» рассматриваются формы повествования, понятия «повествователь» и «рассказчик», обращается внимание на особенности повествования каждого из рассказчиков. На примере рассказа Т. Толстой «Милая Шура» изучается понятие «хронотоп», несобственно-прямая речь, средства художественной выразительности и т.д. Комплексный анализ проводится по схеме, предлагаемой Н.А. Николиной [Николина 2003: 9]. Отдельное занятие посвящаем анализу поэтических текстов.

На занятиях уделяется внимание и синтезу: студент должен помнить о том, что перед ним целостное произведение и рассматриваемые элементы находятся в системных связях. Художественный текст «характеризуется многомерностью смыслов и наличием имплицитной, не прямой информации» [Николина 2003: 3]. Конечная цель анализа – понять смысл текста, разгадать авторский замысел. Поскольку данный курс ориентирован на будущих педагогов, необходимо обращать внимание и на лингводидактический потенциал художественного текста. На уроках русского языка текст может рассматриваться как источник изучения языковых единиц и явлений, как основа для написания сочинения-рассуждения, для создания коммуникативных и игровых ситуаций и т.д. К зачету студенты должны разработать фрагмент урока с элементами анализа художественного произведения или его отрывка.

Таким образом, цель курса – научиться интерпретировать художественный текст на основе его единиц и категорий. Любое произведение – это диалог автора с читателем, и в ходе изучения курса студенты учатся грамотно вести этот диалог, внимательно относиться к слову, к тексту.

Литература

Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.

Шанский Н.М. Лингвистический анализ художественного текста: учеб. пособие / Н.М. Шанский. М.: Флинта, 2019. 416 с.

**Трудности формирования коммуникативной компетенции
у китайских студентов при изучении русского языка
на основе лингвокультурных текстов**

*коммуникативная компетенция, китайские студенты,
лингвокультурные тексты*

Формирование коммуникативной компетенции у китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный, является одной из наиболее сложных и актуальных задач современного образования. Несмотря на высокий уровень усвоения грамматики и словарного запаса, учащиеся сталкиваются с существенными трудностями в спонтанной коммуникации и в адекватном использовании речевых стратегий. Это во многом объясняется различиями педагогических парадигм: российская образовательная модель ориентирована на партнёрское взаимодействие и развитие самостоятельности, в то время как китайская система строится на авторитарной роли преподавателя и доминировании репродуктивных методов обучения. В результате знания студентов оказываются фрагментарными, они демонстрируют умение воспроизводить языковой материал, но не способны эффективно взаимодействовать с носителями языка, что подчеркивает А.К. Новикова, отмечая дефицит глубокого понимания общекультурных аспектов при наличии прочных лингвистических навыков [Новикова 2011].

Оптимизация процесса обучения предполагает обращение к лингвокультурным текстам, которые обеспечивают не только усвоение языковой системы, но и знакомство с культурным кодом народа. При этом особое значение имеет выбор материала: текст должен обладать познавательной ценностью, расширять знания студентов о социокультурных реалиях России, соответствовать интересам и когнитивным особенностям обучающихся, а также быть языково доступным. Подобные тексты позволяют наблюдать речевое поведение носителей языка и формировать у студентов навыки выбора адекватных речевых стратегий в разных ситуациях.

Наиболее продуктивными в этом плане оказываются художественные тексты, в частности детская литература. «Денискины рассказы» В.Ю. Драгунского представляют собой удачный пример учебного материала: простая композиция и доступная лексика сочетаются с высоким культурным содержанием. Работа с такими текстами создает условия

для формирования у студентов способности к дискурсивному анализу, пониманию речевых актов и мотивов персонажей, а также к последующему использованию усвоенных стратегий в собственной речевой практике.

Методика работы с лингвокультурными текстами строится на последовательном обращении к различным уровням анализа. На лексическом этапе внимание уделяется ключевой лексике, устойчивым выражениям и элементам безэквивалентной лексики, отражающим специфику русской культуры. На прагматическом уровне рассматриваются речевые акты и стратегии общения персонажей, обсуждаются цели и мотивы коммуникации. Коммуникативный уровень предполагает применение изученного материала в ролевых играх, инсценировках сюжетов, составлении диалогов и других формах активной речевой деятельности. Включение визуальных и интерактивных материалов – презентаций, схем, инфографики – способствует не только более полному пониманию текста, но и развитию аналитических навыков, способности сопоставлять культурные различия, а также моделировать собственные речевые реакции. Использование игровых технологий, включая ролевые и состязательные упражнения, стимулирует активное участие студентов, укрепляет уверенность в использовании языка и формирует креативное мышление.

Однако интеграция лингвокультурных текстов в учебный процесс выявляет и определённые трудности. Во-первых, китайские студенты часто демонстрируют формальное понимание текста: они могут правильно перевести предложения, но не осознают культурные импликации и прагматическую ценность реплик. Во-вторых, наблюдается склонность к калькированию речевых стратегий с родного языка, что препятствует формированию спонтанного русскоязычного дискурса. В-третьих, у обучающихся недостаточно развиты навыки использования невербальных средств коммуникации – интонации, мимики, жестов, играющих важную роль в русской культуре общения. Наконец, трудности вызывает необходимость критической оценки поведения персонажей, обсуждения альтернативных сценариев и сопоставления культурных реалий текста с собственной практикой, поскольку традиционная китайская образовательная модель не стимулирует развитие критического мышления и рефлексии.

Преодоление этих препятствий возможно лишь при комплексной организации учебного процесса, где сочетаются когнитивные, лингвистические и культурологические компоненты. Как подчёркивает В.В. Горшкова, формирование подлинной субъектности и ответственности обучающегося возможно только при условии соблюдения приоритета свободы выбора и творчества, что создаёт основу для самостоятельного использования речевых стратегий [Горшкова 2012: 71]. В

этом контексте эффективным представляется включение исследовательского подхода, предполагающего самостоятельный поиск информации и постановку вопросов, а также использование проблемного обучения, где студенты сами формулируют цели и задачи, а преподаватель лишь направляет их деятельность.

Практика работы с китайскими студентами показывает, что систематическое использование лингвокультурных текстов способствует расширению словарного запаса, усвоению грамматических конструкций, развитию навыков анализа социокультурных норм общения. Одновременно формируется способность выбирать адекватные речевые стратегии в различных ситуациях, что непосредственно отражается на умении студентов вести продуктивную коммуникацию. Вместе с тем, чтобы этот процесс был успешным, необходимо учитывать специфику китайской образовательной традиции и создавать условия для постепенного перехода от репродуктивного усвоения к самостоятельному порождению речевого материала.

Таким образом, трудности формирования коммуникативной компетенции у китайских студентов, изучающих русский язык, заключаются не столько в усвоении языковой системы, сколько в интеграции культурного контекста и овладении речевыми стратегиями. Решение этих задач возможно через комплексное использование лингвокультурных текстов, интерактивных и игровых технологий, исследовательских и проблемных методов, которые позволяют соединить когнитивные и коммуникативные аспекты обучения. Только в этом случае студенты смогут преодолеть барьеры формального владения языком и выйти на уровень полноценного межкультурного взаимодействия.

Литература

Горшкова В.В. Философско-теоретические ориентации современного педагога / В.В. Горшкова // Педагогика. 2012. № 8. С. 71–79.

Новикова А.К. Преподавание русского языка в Китае: этнометодические и этнокультурные особенности / А.К. Новикова // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2011. № 1. С. 68–75.

**Логоэпистема как единица знания и аргументации
в когнитивной лингвистике и дискурсе**

*логоэпистема, когнитивная модель, фрейм, топос,
аргументация, дискурс*

В когнитивной перспективе лексико-грамматические структуры трактуются как проекции ментальных репрезентаций. В этих рамках 'логоэпистема' понимается как минимальная когнитивно-дискурсивная единица, объединяющая знание о предмете и предустановленный способ его аргументативного предъявления. В отличие от фрейма, фиксирующего слоты ситуации, логоэпистема включает «движение довода» – набор топосов и речевых ходов, переводящих знание в убеждение и обеспечивающих переход от концепта к риторически релевантному тезису [Perelman 1958: 55–63; van Dijk 2008: 35–40].

Структура логоэпистемы двуслойна. Концептуальный слой хранит ядро значения и прототипические признаки; аргументативный слой задает допустимые энтимемы, примеры и сценарии контекстуализации. Так, в логоэпистеме 'научное объяснение' прототипически присутствуют причинность, проверяемость и апелляция к данным; аргументативно – схемы от определения и от следствия. В тексте это реализуется терминологической номинацией и композицией, в дискурсе – это-сом компетентности и режимом доказательств [Aristotle 2007: 95–99; Lakoff 1987: 25–33].

Логоэпистемы образуют кластеры, распределенные между жанрами. В научном докладе активируются логоэпистемы 'гипотеза', 'метод', 'результат', которые связываются композиционно (введение – метод – обсуждение) и риторически (логос-ориентированные доводы). В публичной лекции тот же кластер перестраивается: усиливается пафос примеров и метафорическая редескрипция, но сохраняется аргументативный каркас проверяемости [Fillmore 1982: 111–113; van Dijk 2008: 15–22].

Механизм активации логоэпистемы – фрейминг: заголовок, тезис и первые абзацы задают рамку, где ключевые слова служат триггерами доступа к соответствующим знаниям и топосам. Когнитивные метафоры выступают инструментами межэпистемной проекции: переносят готовые аргументативные ходы из области-источника в область-цель (напр., 'экономика как организм' лицензирует доводы о «здоровье»,

«иммунитете», «терапии» политики) [Lakoff 1987: 54–60]. Тем самым метафора становится не украшением, а способом экономии вывода.

На уровне модели коммуникации логоэпистема согласует «текст ↔ адресат». Ритор, проектируя тип адресата, выбирает такие логоэпистемы, которые минимизируют интерпретационную неопределенность и сопротивление: для экспертной аудитории – апелляция к доказательствам и стандартам проверки; для студенческой – к учебным сценариям и примерам [Мамаджанова 2023: 64]. Несоответствие выбранной логоэпистемы ожиданиям адресата приводит к разрыву между текстовой структурой и дискурсивной эффективностью [Perelman 1958: 112–115].

Диагностика логоэпистемы возможна по трем индикаторам: (1) стабильная лексико-фразеологическая обвязка (термины, формулы, типовые метафоры); (2) повторяемые аргументативные схемы (от причины, от примера, от авторитета); (3) композиционные позиции (название, тезис, вывод). Аналитическая процедура включает выявление триггеров, реконструкцию презумпций и сопоставление с жанровыми нормами. Для продуктивного письма та же процедура служит конструктором: автор осознанно подбирает кластер логоэпистем, согласуя их с этосом, пафосом и логосом [Aristotle 2007: 45–47; Perelman 1958: 118–125].

Проблемной зоной остается конкуренция логоэпистем в полидискурсивной среде. В публичных дебатах одна тема активирует несовместимые каркасы ('безопасность' vs 'свобода'); убеждение достигается не столько «добавлением фактов», сколько переключением актуальной логоэпистемы у адресата. Отсюда практическая задача когнитивной лингвистики—описать переходные механизмы: как запускаются переключения, какие языковые маркеры (контраргументные связки, переопределения, метаязыковые ремарки) их облегчают и какие жанры лучше поддерживают редескрипцию [van Dijk 2008: 35–40; Fillmore 1982: 124–127].

Таким образом, логоэпистема – рабочая единица на стыке когнитивной и риторической лингвистики; она связывает концептуальные структуры, жанровые требования и аргументативные практики в единую модель, объясняя, как знания превращаются в убедительные тексты и эффективные дискурсы.

Литература

Мамаджанова Г.М. Логоэпистемия в коммуникативном пространстве русского языка / Г.М.Мамаджанова // Вестник науки и образования. 2023. № 5 (136)–2. С. 64–66.

Aristotle. *Rhetoric*. (Ed. & trans. W. Rhys Roberts / modern eds. vary). Oxford: Oxford University Press, 2007.

Fillmore C.J. Frame Semantics / C.J. Fillmore // Linguistics in the Morning Calm. Seoul: Hanshin, 1982. Pp. 111–137.

Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

Perelman C. Traité de l'argumentation: La nouvelle rhétorique / C. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. Bruxelles: Éditions de l'Université de Bruxelles, 1958.

van Dijk T.A. Discourse and Power / T.A. van Dijk. New York: Palgrave Macmillan, 2008.

Психолингвистические основы коммуникативного тренинга при обучении иностранным языкам

*психолингвистика, коммуникативный тренинг,
речевая деятельность, коммуникативная компетенция,
обучение иностранным языкам*

В современном обучении иностранным языкам особое значение приобретает психолингвистический подход, позволяющий понять закономерности формирования, восприятия и интериоризации речи. Психолингвистика изучает когнитивные, эмоциональные и социальные механизмы, участвующие в коммуникации, что делает её фундаментом для построения эффективных методик обучения. В этом контексте коммуникативный тренинг (КТ) выступает как «интерактивная форма обучения, основанная на методах групповой работы, в ходе которой закрепляются и формируются коммуникативные навыки на иностранном языке, а также развивается способность прогнозировать социальное взаимодействие с носителями языка» [Агеева 2025: 208].

Основу психолингвистического анализа составляет понимание процесса порождения речи. Согласно моделям речевой деятельности, высказывание формируется на основе коммуникативного замысла, проходят этапы внутреннего планирования и структурирования и только затем реализуется внешне. КТ создаёт учебные ситуации, стимулирующие самостоятельное построение высказываний в зависимости от коммуникативной цели, что способствует активизации мыслительно-речевых процессов и формированию речевых стратегий.

Не менее значимым является развитие навыков восприятия речи и понимания текста. Коммуникативная деятельность требует не только продуктивного, но и рецептивного компонента: студенты учатся выделять смысловую информацию, интерпретировать подтекст, прогнозировать действия собеседника. Задания КТ, построенные на аутентичных коммуникативных ситуациях, обеспечивают комплексное развитие этих навыков и повышают уровень речевой компетенции. Особое внимание уделяется когнитивным механизмам, таким как память и внимание. Психолингвистические исследования подтверждают, что многократное включение языкового материала в разнообразные коммуникативные контексты способствует его долговременному усвоению и автоматизации речевых навыков. Ролевые и ситуативные упражнения,

применяемые в КТ, создают условия для повторения и закрепления материала в естественной форме.

Эмоциональный компонент также оказывает существенное влияние на эффективность обучения. Эмоции стимулируют процессы запоминания и повышают мотивацию к активному участию в коммуникации. Коммуникативный тренинг использует игровые элементы, моделирует реальные жизненные ситуации и предусматривает коллективное взаимодействие, что способствует снижению коммуникативного барьера и активизации речевой деятельности обучающихся. Кроме того, КТ развивает когнитивную гибкость и умение прогнозировать речевое поведение партнёра. Обучающиеся учатся корректировать собственные высказывания в зависимости от коммуникативной ситуации, выбирать адекватные языковые средства и предугадывать реакцию собеседника, что предполагает прежде всего «работу с живым языковым материалом, точнее сказать коммуникативным, т.е. с реальными коммуникативными актами в их вербальных и невербальных проявлениях.

Именно комплекс всех этих средств может дать исчерпывающую картину реализации определенной стратегии в конкретной речевой ситуации» [Агеева 2016: 7]. Методическое и языковое наполнение КТ должно отражать динамический характер реальной коммуникации и способствовать формированию адаптивной коммуникативной компетенции. Таким образом, психолингвистические основы коммуникативного тренинга охватывают комплекс взаимосвязанных аспектов: механизмы продуцирования и восприятия речи, обеспечивающие формирование и понимание высказываний; когнитивные процессы памяти и внимания, способствующие усвоению и закреплению языкового материала; мотивационно-эмоциональные факторы, стимулирующие активное участие в коммуникации и преодоление барьеров; а также развитие адаптивной речевой деятельности и навыков прогнозирования, позволяющих эффективно ориентироваться в динамических коммуникативных ситуациях. Применение КТ в обучении иностранным языкам обеспечивает комплексное формирование коммуникативной компетенции, создавая условия, максимально приближённые к реальной языковой практике. Его эффективность определяется интеграцией когнитивных, эмоциональных и коммуникативных процессов, что делает КТ научно обоснованной и методически целесообразной формой обучения.

Литература

Агеева Ю.В. Коммуникативный тренинг как средство преодоления языкового барьера / Ю.Агеева, С.Р. Марданова // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 206–212.

Агеева Ю.В. Собеседование в рекрутинге: коммуникативные стратегии и тактики: монография / Ю.В. Агеева. М.: ФЛИНТА, 2016. 256 с.

Переводы современной французской литературы как источник изучения неологизмов

*современная французская литература, перевод,
художественное произведение, лексикология,
лингвистические процессы*

Современная французская литература на рубеже XX-XXI веков представляет собой динамичную и многослойную художественную систему. Изучение данной области актуально не только для понимания специфики французской культуры, но и для того, чтобы проследить изменения в использовании лексики в связи с новыми тенденциями в жизни общества, народа. «Современное развитие массовой культуры показывает, что тенденция изменений в лингвистике с каждым днем возрастает и открывает людям возможности усовершенствования родного языка» [Белей 2024: 1]. Из вышеуказанного следует, что перед переводчиком современной зарубежной литературы появляется дополнительная задача: подробный лексико-семантический анализ новейших языковых единиц, которые используются писателями, чтобы в полной мере передать смысловое содержание оригинального текста.

Перевод художественного текста представляет собой сложный многоаспектный лингвистический процесс, в основу которого также входит межкультурная коммуникация между представителями двух разных народов с собственным культурным кодом, который, безусловно, является интересным объектом изучения. Во время перевода с одного языка на другой наблюдается живое лингвистическое взаимодействие, трансформация смыслового содержания и культурной рецепции. Издания конца XX века «отличаются высоким уровнем перевода: осуществляется тщательная сверка с оригиналом, можно отметить значительную работу по обновлению лексики: устаревшие слова либо заменяются, либо разъясняются» [Габдреева 2011: 24]. Актуальность данного исследования определяется недостаточностью комплексных работ, фокусирующихся именно на современном этапе рубежа XX-XXI вв.

Художественный перевод является особым видом текстовой деятельности, в результате которой создается вторичный текст, который и становится объектом лингвистического анализа, позволяя выявить закономерности взаимодействия исходной французской и переводящей русской языковых систем. Во время перевода происходят сложные

лингвистические процессы, такие как трансформация, интерференция, поиск подходящих эквивалентов. Перевод является сложным процессом межсистемного взаимодействия, т.е. каждое слово французского происхождения занимает определенное место в языковой системе, и его замена на русскую лексическую единицу (или единицы) является сложной задачей. Особый интерес для переводчиков представляет вопрос о неологизмах, которые представляют собой «слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определённый период в каком-либо языке или использованные один раз («оказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи» [Лингвистический энциклопедический словарь 1998: 331]. Их изучение имеет большое значение, поскольку они являют собой важные показатели развития языка, которые находят свое отражение в национальной литературе. Бодуэн де Куртенэ подчеркивает, что «язык как система состоит из взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, находящихся в постоянном движении и развитии» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 123]. Переводчик сталкивается со следующей проблемой: необходимо не просто передать смысл, но и воссоздать необходимые условия для верной передачи лингвокультурологического аспекта языка.

Современный французский текст содержит отсылки к актуальным реалиям жизни представителей французского социума, неизвестные русскоязычному читателю. Автор и переводчик выступают в качестве носителей разных картин мира. Их диалог, опосредованный текстом, порождает новое художественное целое, лексический состав которого становится объектом исследования, в том числе и такое языковое явление как неологизмы.

Рассматривая корпус переводов последних десятилетий, можно проследить, как некогда транслитерированные единицы закрепляются в языке, например, субститутции. Из вышеуказанного следует, что современные переводы выступают каналом поступления французской лексики. Таким образом, переводы современной французской прозы (А. Гавальда, Ф. Саган, Л. Гунель и др.) представляют собой богатейший источник для лингвистических, культурологических и литературоведческих исследований. Они демонстрируют процесс взаимодействия двух языковых систем. Особенно интересным аспектом изучения, на наш взгляд, является живая динамика неологизмов и их адаптация в русском языке, что и будет являться предметом нашего рассмотрения.

Перспективы дальнейшей работы в рамках данной тематики обширны, одна из них – это целенаправленное изучение неологизмов французского происхождения, функционирующих в современных русских переводах. Этот анализ позволит раскрыть динамичные процессы в современном русском языке.

Таким образом, фиксация и последующий сопоставительный лингвистический анализ неологизмов-прототипов и их переводческих коррелятов в современной французской литературе позволит раскрыть важные детали иноязычной картины мира, чтобы максимально точно передать лингвокультурный код оригинального текста при переводе на другой язык.

Литература

Белей М. А. Жанровые особенности французского постмодернистского романа на примере произведения б. Вербера «ее величество кошка» / М.А. Белей, М.С. Луканова // МНКО. 2024. №4 (107). С.495–498.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. Т.1 / И. А. Бодуэн де Куртенэ. Москва: Изд-во АН СССР, 1963. 350 с.

Габдреева Н.В. История французской лексики в русских разновременных переводах / Н.В. Габдреева. Москва: ЛЕНАНД, 2011. 304 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / под. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Большая рос. энцикл., 1998. 687 с.

Неологизмы в современном русском языке (гастрономическая лексика)

*неологизм, кулинарная лексика, заимствование, языковая норма,
адаптация, русский язык*

Современный русский язык, являясь живым и динамичным организмом, постоянно претерпевает изменения, наиболее заметные в его лексическом составе. Одной из наиболее продуктивных и социально значимых сфер пополнения словарного запаса является кулинария. Активное развитие гастрономической культуры, интеграция международных кулинарных практик и трансформация потребительских привычек российского общества создают благодатную почву для появления большого количества неологизмов. Исследование этих процессов представляет значительный интерес для лингвистики, поскольку кулинарная лексика выступает своего рода индикатором социокультурных трансформаций. Под неологизмами в современной лингвистике понимаются новые языковые единицы, возникающие для обозначения ранее неизвестных предметов, явлений или для выражения новых смыслов. В контексте кулинарной терминологии мы наблюдаем все три случая. Явление глобализации привело к тому, что русский язык оказался восприимчив к масштабным заимствованиям, преимущественно из английского языка, а также из языков тех стран, чья кухня пользуется популярностью (например, итальянского, японского, французского).

Можно выделить несколько тематических групп кулинарных неологизмов. Первую группу составляют номинации собственно блюд и продуктов, ранее не известных носителям русского языка. Такие единицы, как «тирамису», «стритфуд», «пончик», «бургер», «боул», «чиабатта», прочно вошли в речевой обиход, вытеснив или дополнив собой громоздкие описательные конструкции. Их появление напрямую связано с импортом самих реалий. Вторая группа включает в себя термины, обозначающие способы приготовления и кулинарные техники: «гриль», «sous-vide» (су-вид), «фламбировать», «дегидратация». Их усвоение языком и образование производных свидетельствует о вхождении этих слов не только в профессиональную сферу, но и в общенародное употребление. Третья группа представлена номинациями, связанными с ресторанным бизнесом и форматами питания: «фуд-корт», «поп-ап-ресторан», «кофе-то-гоу», «стритфуд». Эти лексемы отражают изменения в сфере общественного питания и потребительского поведения.

Процесс адаптации иноязычных кулинарных неологизмов в русском языке происходит по нескольким направлениям. На фонетическом и графическом уровне наблюдается транскрипция или транслитерация исходного слова: «seviče» – «севиче». На грамматическом уровне происходит включение заимствованного слова в систему русских частей речи и подчинение его правилам словоизменения, что нередко сопровождается колебаниями в роде и типе склонения, например, «вкусный моти» или «вкусное моти» [Крысин 2020]. На словообразовательном уровне отмечается активная деривация, когда заимствованная основа становится продуктивной для создания новых слов: от «смужи» образуется «смужи-бар», «смужи-диета»; от «бургер» – «бургерная», «бутгермен». Важным аспектом является вопрос о мотивированности заимствования. В ряде случаев неологизм приходит в язык вследствие отсутствия точного эквивалента для обозначения новой реалии, как это произошло со словом «суши». В других ситуациях заимствование соседствует с исконно русским или ранее усвоенным синонимом, создавая стилистические или семантические нюансы, например, «fast food» (стритфуд) и «быстрая еда», где иноязычный вариант часто обладает большим престижем в определенных коммуникативных сферах [Димитриева 2023]. Следует отметить, что наряду с прямыми заимствованиями, в русской кулинарной лексике присутствуют и семантические неологизмы, когда за уже существующим словом закрепляется новое значение. Ярким примером может служить слово «молоко», которое в веганском дискурсе стало обозначать и растительные напитки («овсяное молоко», «миндальное молоко»).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что сфера кулинарии является одним из наиболее активных источников пополнения лексического состава современного русского языка. Кулинарные неологизмы, преимущественно иноязычного происхождения, не только заполняют номинативные лакуны, но и отражают глубокие социокультурные изменения: открытость общества, глобализацию потребительского рынка, рост интереса к гастрономии как к форме досуга и самоидентификации. Процессы их адаптации – транскрипция, грамматическое освоение, словообразование – демонстрируют живучесть и гибкость языковой системы.

Литература

Димитриева О.А. Кулинарно-гастрономические неологизмы: семантика, словообразование и функционирование / О.А. Димитриева, И.В. Гаврилова // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/62FLSK423.pdf>

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л.П.Крысин. М.: Наука, 2020.

**Когнитивная модель соматического контроля:
вербализация лингвосенсорных табу на проявление эмоций**

*когнитивистика, соматизмы, культурные когнитивные модели,
лингвосенсорика, молчание, паремии, японский язык, «Хагакурэ»*

Современная антропологическая лингвистика демонстрирует устойчивый интерес к корреляции между языковыми структурами, телесным опытом и культурными когнитивными моделями. В русле парадигмы *воплощённого познания* анализ соматической лексики приобретает особую значимость как метод исследования базовых механизмов концептуализации абстрактных категорий. Японская культура, чья языковая картина мира сформировалась под глубоким влиянием буддийской философии, представляет собой релевантный объект исследования, поскольку предлагает разработанную систему вербализации психофизиологических процессов через соматизмы, кодифицированную в виде строгого этикета, основанного на глубинных когнитивных схемах. Ключевой для данной системы концепт соматического контроля, понимаемый как *осознанное регулирование телесных проявлений, речевой деятельности и эмоциональных реакций в целях поддержания социальной гармонии*, будучи вербализуемым через соматизмы и лингвосенсорную лексику, позволяет выявить фундаментальные механизмы взаимосвязи языка, сознания и культуры.

Настоящее исследование восполняет существующий пробел в изучении трактата «Хагакурэ», который, несмотря на обширный историко-культурологический анализ, остается недостаточно исследованным в *лингвокогнитивном аспекте как источник культурных когнитивных моделей*. Цель работы направлена на выявление *лингвосенсорных механизмов репрезентации буддийских концептов через анализ паремиологических конструкций и дискурсивных предписаний, вербализующих когнитивные схемы коммуникативного поведения*. Центральное место в исследовании занимает *анализ соматического кода как фундаментального средства концептуализации, позволяющего раскрыть взаимосвязь телесного опыта и языковой репрезентации в японской лингвокультуре*.

В современной когнитивной науке утвердился подход к познанию как к *воплощённому (embodied cognition) процессу*, в котором телесный опыт служит основой для формирования ментальных репрезентаций. В рамках этого подхода соматизмы интерпретируются не просто как

элементы лексикона, а как компоненты *соматического кода языка*, опосредующие категоризацию и концептуализацию опыта.

Методологический фундамент исследования составляет синтез современных подходов когнитивной лингвистики и классических японоведческих текстов, что позволяет осуществить многомерный анализ вербализации культурных концептов. В рамках данного исследования центральное место занимает *теория воплощенного (воплощённого) познания (embodied cognition)* и ее развитие в виде *энактивизма (enactivism)*. Согласно этому подходу, познание не является процессом репрезентации независимого мира внутри мозга, но *активно порождается (enacted)* в ходе динамического взаимодействия между действующим организмом, его телом и окружающей средой. Ключевым для данного исследования является понятие «*4E cognition*», согласно которому ментальные процессы *воплощены (embodied)*, *встроены в среду (embedded)*, *расширены в ней (extended)* и *энактивны (enacted)*, что напрямую соотносится с анализом соматизмов, где телесный опыт выступает не пассивным рецептором, а активным участником создания значения. Дополняет этот подход *теория концептуальной метафоры* Дж. Лакоффа и М. Джонсона, позволяющая анализировать, как абстрактные философские и этические концепты японской культуры структурируются через метафоры, укорененные в телесном и сенсомоторном опыте.

В рамках лингвокультурологического исследования, направленного на реконструкцию когнитивных моделей, расширение корпуса источников за счет классических японских текстов является необходимым условием достижения репрезентативности и глубины анализа. В качестве ключевых источников для реконструкции культурных моделей предлагается рассмотреть следующие трактаты: 1) «*Хагакурэ*» («Скрытое в листе», 「葉隠」) – как текст, записанный со слов самурая Ямамото Цунэтомо в XVIII веке, представляет собой не просто сборник наставлений, а *практическое и духовное руководство воина*, провозглашающее «Путь смерти» – жизнь в готовности к смерти как основу безупречного поведения. Ценность «Хагакурэ» для лингвистического анализа заключается в *концентрации идеологии контроля над речью, эмоциями и телом для поддержания чести*. 2) «*Будосёсинсю*» («Начальные основы Военного Пути», 武道初心集) Дайдодзи Юдзана – трактат, упоминаемый в авторитетных источниках, характеризуется как «бусидо для чайников» систематизированное изложение этических принципов самурая, что делает его *ценным материалом для выявления устойчивых вербализованных схем поведения*.

Важно учитывать современный научный контекст изучения бусидо. Как отмечается в источниках, бусидо не является жестким историче-

ским кодексом, а скорее *дискурсивным конструктом, сформированным в определенные исторические периоды*. Например, указывается, что известный кодекс «Бусидо» Нитобэ Инадзо был создан в начале XX века с целью адаптации японской культуры для Запада и содержит сильное влияние христианской морали, что требует от исследователя критического подхода к источникам.

Помимо уже указанных текстов, ценным материалом являются «Повесть о Гэндзи» для анализа исторических корней этикета и эмоциональной культуры, а также трактаты других мыслителей. 1) **«Повесть о Гэндзи»** («Гэндзи-моноготари»), созданная на рубеже X–XI веков придворной дамой Мурасаки Сикибу, представляет собой не только величайший памятник японской литературы, но и уникальный культурный код эпохи Хэйан. Текст является богатейшим источником для анализа *вербализации эмоциональных состояний и норм поведения* в аристократической среде. Сложная ткань произведения, изобилующая эвфемизмами, иносказаниями и поэтическими цитатами, позволяет исследовать, как *телесный опыт и социальные взаимодействия концептуализировались в языке*. Один из ведущих мотивов «Повести о Гэндзи» – концепт «моно-но аварэ» («печальное очарование вещей»), соединяющий тему манящей красоты мира с мыслью о его зыбкости и недолговечности: *лингвистический анализ, включая используемые соматизмы и сенсорную лексику, позволяет выявить фундаментальные для японской культуры когнитивные модели, связывающие восприятие, эмоцию и философское осмысление бренности*. 2) **Ямага Соко** (1622–1685) японский философ и военный стратег, сыгравший ключевую роль в формировании идеологии самурайства в период Эдо. Его труды, как «Букё» (раскрывающий суть самурайского вероисповедания) и «Сидо» (посвященный принципам поведения), систематизируют этические нормы и концептуализируют миссию воина. В своих работах Ямага Соко применял конфуцианскую идею «благородного мужа» к самурайскому сословию, что способствовало трансформации самурая из простого воина в морального и интеллектуального лидера. Данный *дискурс содержит богатый материал для анализа лексики, связанной с дисциплиной тела, контролем эмоций, концептами долга и чести*.

Реализация указанных уровней анализа (от идентификации и систематизации соматической лексики через реконструкцию когнитивных моделей до выявления лингвосенсорных паттернов) позволяет перейти к интерпретации полученных данных в рамках единой исследовательской парадигмы. Последовательная имплементация данной методологической триады обусловила возможность верификации исходной гипотезы о *существовании корреляции между соматическим кодом языка и культурно-специфическими когнитивными схемами*, что

находит своё непосредственное отражение в выявленных дискурсивных практиках. Так, осуществлённая на первом этапе стратификация соматизмов в их лексико-семантическом и синтагматическом аспектах создала необходимую эмпирическую базу для последующей реконструкции латентных структур знания, вербализующихся в исследуемом дискурсе через устойчивые сочетания и метафорические переносы. На следующем этапе применение методов концептуального анализа позволило эксплицировать имплицитные содержания, кристаллизующиеся вокруг ключевых концептов «мудзё:» 「無常」 и «муга» 「無我」, чья смысловая архитектура раскрывается через специфические соматические репрезентации. Наконец, синхронное прослеживание лингвосенсорных паттернов на уровне нарративной организации текста выявило системный характер взаимодействия между перцептивными модулями (зрительным, аудиальным, тактильным) и их языковой объективацией в рамках буддийского дискурса, что в совокупности формирует интегральную картину вербализации телесного опыта в японской лингвокультуре.

Центральное место в исследуемом дискурсе занимает концепт «пяти желаний» 「五欲」 (*goyoku*), который получает развернутую соматическую репрезентацию. Согласно буддийскому канону, желания возникают через пять органов чувств и составляют фундаментальную, препятствующую просветлению связку «орган-объект-сознание» [Судзуки 2020: 45]. Структура пяти желаний включает: 「色欲」 (*shikiyoku*) – желание приятных форм, воспринимаемых глазами; 「声欲」 (*seiyoku*) – стремление к приятным звукам, улавливаемым ушами; 「香欲」 (*kōyoku*) – влечение к благоуханиям, ощущаемым носом; 「味欲」 (*miyoku*) – жажда приятных вкусов, воспринимаемых языком; 「触欲」 (*shokuyoku*) – желание приятных тактильных ощущений. Данная концептуализация иллюстрирует фундаментальную когнитивную модель, в которой физиологические органы чувств становятся источником метафорического осмысления психологических процессов.

Как отмечает Е.В. Поливанова, «японская языковая картина мира соматизирует абстрактные понятия, проецируя психологические состояния на телесный субстрат» [Поливанова 2018: 112]. Контроль над этими желаниями описывается через телесные метафоры: «Если человек научится владеть своей душой 「心」 (*kokoro*) и возьмет её под свой контроль, другие пять желаний не смогут её соблазнить» [Хагакурэ 1716: гл. 3].

Лингвосенсорная организация буддийского дискурса строится на оппозиции «внешнее восприятие – внутреннее состояние», где соматизмы выступают базовыми концептуализаторами. Анализ выявляет три категории соматической лексики: органы восприятия 「五根」

(*gokon*): 「目」 (*me*) – глаза; 「耳」 (*mimi*) – уши; 「鼻」 (*hana*) – нос; 「舌」 (*shita*) – язык; 「肌」 (*hada*) – кожа [Судзуки 2020: 56]. Физиологические реакции как маркер вкусового желания. Психосоматические единства: 「心」 (*kokoro*) (душа/сердце) как центр контроля. Концептуализация контроля реализуется через соматическую метафору: 「心を制すれば五欲に惑わず」 (*kokoro o seizeba goyoku ni madowazu*) – «Если овладеешь душой, пять желаний не совратят» [Хагакурэ 1716], демонстрируя осмысление психического управления через физический контроль.

Принцип 「中道」 (*chūdō*) вербализуется через отрицание бинарностей 「清くもなく濁くもない」 (*kiyoku mo naku nigoku mo nai*) – «ни чистое, ни грязное» [Поливанова 2019: 78]. Конструкция двойного отрицания отражает преодоление дуалистического мышления. Синтаксический параллелизм в концептуализации эмоций 「悲しみがあれば喜びもある」 (*kanashimi ga areba yorokobi mo aru*) – «Если есть печали, есть и радости» – вербализует взаимозависимость оппозиций.

Пословица, концептуализирующая вербальную активность как потенциально опасную соматическую практику 「口は災いの元」 (*kuchi wa wazawai no moto*) – «Рот – врата несчастья» [Мацумото 2021: 34]. Соматизм 「口」 (*kuchi*) – «рот» – метафорически осмысляется как 「門」 (*mon*) – «врата, ворота», через которые в мир может проникать беда, что отражает когнитивную модель, требующую строгого контроля над речевым аппаратом. Визуальный сенсорный образ для вербализации концепта смирения использует паремия 「実るほど頭を垂れる稲穂かな」 (*Minoruhodo atama o tareru inaho kana*) – «Зреющий рис склоняет колос». Поведение мудрого человека, чье богатство и знания делают его скромным, осмысляется через метафору зреющего рисового колоса: чем больше зерен, тем ниже он склоняется. Данный пример лингвосенсорного паттерна, где 「頭を垂れる」 (*atama o tareru*) – «склонять голову» – становится телесной репрезентацией добродетели.

Максима, приписываемая принцу Сётоку, вербализует фундаментальный для японской культуры принцип групповой гармонии 「和をもって貴しとなす」 (*Wa o motte tattoshi to nasu*) – «В гармонии есть высшая ценность». Концепт 「和」 (*wa*) – «гармония, мир, согласие» осмысляется как высшая ценность 「貴し」 (*tattoshi*) – «драгоценный, благородный», достижение которой требует сознательного ограничения личных проявлений, включая речь и эмоции, ради поддержания коллективного равновесия [Nurutdinova 2025: 406].

Проведённое исследование позволяет констатировать существование устойчивых когнитивных моделей в японской лингвокультуре, систематически репрезентирующих философские и психологические концепты через соматическую лексику. Выявленные лингвосенсорные паттерны свидетельствуют о глубокой интеграции телесного опыта в процессы концептуализации и категоризации.

Литература

Будосёсинсю = Начальные основы Военного Пути / Дайдодзи Юдзан; пер. с яп., коммент. А.М. Горбылева. Москва: Евразия, 2021. 192 с.

Бусидо = Путь воина / Нитобэ Инадзо; пер. с англ. О.В. Строгановой. Санкт-Петербург: София, 2007. 160 с.

Мацумото Т. Японская языковая картина мира: лингвосенсорные аспекты / Т. Мацумото. Токио: Изд-во Токийского ун-та, 2021. 245 с.

Поливанова Е.В. Когнитивные модели в японской лингвокультуре: соматический код / Е.В. Поливанова. Москва: Восточная литература, 2019. 278 с.

Поливанова Е.В. Соматизмы в японской языковой картине мира / Е.В. Поливанова // Вопросы языкознания. 2018. № 4. С. 110-125.

Судзуки Д.Т. Введение в буддийскую философию / Д.Т. Судзуки; пер. с англ. А.А. Михеевой. Москва: Наука, 2020. 320 с.

Хагакурэ = Сокрытое в листве / Ямамото Цунэтомо; пер. с яп., коммент. А.Б. Спесивова. Санкт-Петербург: Гиперион, 2018. 264 с.

Ямага С. Избранные труды / С. Ямага; сост., пер. с яп. К.Г. Маранджан. Москва: Наука, 2015. 352 с.

Genji monogatari = Повесть о Гэндзи. В 4 т. Т.1./ Мурасаки Сикибу; пер. с яп. Т.Л. Соколовой-Делюсиной. Санкт-Петербург: Гиперион, 2019. 480 с.

Nurutdinova A.R. The study on the splanchnonymic intelligibility of paremiological units in the Japanese and English languages / A.R. Nurutdinova // Когнитивные исследования языка. 2025. No. 1-1(62). P. 405-409.

Пивоварова Анастасия Дмитриевна
Кмин Алиса Ильинична
Ильина Марина Сергеевна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Елабужский институт (филиал)
УДК 811

Эволюция значений и функциональных оттенков английских фразеологизмов на материале социальных сетей

фразеологизмы, английский язык, семантика, социальные сети

Подобно многим мировым языкам, английский язык обладает богатым запасом устойчивых выражений, которые наделяют речь выразительностью и эмоциональной насыщенностью. Фразеология представляет собой развивающуюся область языкознания, отражающую трансформации в культуре, социуме и истории общества. Фразеологизмы, представляющие собой устойчивые словесные конструкции, характеризуются комплексным значением, зачастую превосходящим буквальный смысл составляющих их компонентов. Данные выражения играют существенную роль в ежедневном общении, придавая речи яркость и колоритность. Изучение эволюции английских фразеологизмов, их генезиса и применения в различные исторические периоды является значимой сферой исследований для социолингвистов и историков языка. Социальные сети становятся важнейшей коммуникативной площадкой современного общества, где язык развивается особенно быстро. Это влияет как на появление неологизмов, так и на переосмысление традиционных английских фразеологизмов. Данное исследование направлено на анализ того, как изменились значения и функциональные оттенки английских фразеологизмов в пространстве социальных сетей.

Современный английский язык, как живой организм, постоянно меняется, и это особенно заметно в его фразеологизмах. Новые выражения возникают, чтобы отразить культурные сдвиги, экономические тенденции и технологический прогресс. Английские фразеологизмы, тесно связанные с жизнью общества, не просто описывают происходящее, но и показывают, как меняется наше восприятие мира. В последние годы особенно много новых фразеологизмов появилось благодаря развитию технологий, интернета и глобализации.

Английский язык обогатился множеством фразеологизмов, черпающих свое начало из античной мифологии, истории и литературы. Эти выражения часто приобретают международный статус, находя применение в различных языковых системах: «Achilles' heel» 'ахиллесова пята', что в современном мире означает 'слабое место' [Данцева 2014:

24]. Древнегреческий фразеологизм «Achilles' heel» восходит к мифу об Ахиллесе, чье тело было неуязвимым, за исключением ступни. Со временем произошел переход от буквального физического смысла к метафоре любой слабости, способной привести к поражению.

Фраза «to Google something» ‘искать что-то в интернете’ – это яркий пример того, как технологии меняют наш язык. Она буквально воплощает собой глубокое проникновение поисковых систем в повседневную жизнь. С появлением интернета и таких платформ, как Google, поиск информации в сети стал ассоциироваться с этим глаголом. Выражение вышло за рамки профессионального жаргона и прочно вошло в бытовое общение. Этот фразеологизм прекрасно демонстрирует, как технологические инновации способны быстро преобразовать язык и становиться его неотъемлемой частью.

Выражение «To think outside the box» ‘мыслить нестандартно’ – возникло из задачи, часто используемой в консалтинговых фирмах, где нужно соединить девять точек, расположенных в квадрате, четырьмя прямыми линиями, не отрывая ручку от бумаги и не выходя за пределы квадрата. Решение требует нестандартного подхода. Идиома вышла за рамки бизнес-контекста и стала широко использоваться для обозначения творческого подхода, инновационного мышления и способности находить нетривиальные решения в любой сфере жизни.

Развитие современных фразеологизмов неразрывно связано с влиянием социальных сетей. Так, фразы «viral content» ‘вирусный контент’ и «going viral» ‘стать вирусным’ стали неотъемлемой частью лексикона для описания информации, моментально распространяющейся в интернете. Эти термины отражают не только технологический скачок, но и особенности межличностной коммуникации в контексте массовой медиакультуры.

В результате утраты языком замкнутости и изоляции происходит значительное количество заимствований и адаптаций выражений. Примером могут служить такие фразеологизмы, как «to binge-watch» ‘смотреть сериалы или фильмы запоем’ и «FOMO - Fear Of Missing Out» ‘страх упустить что-то важное’, чья популярность обусловлена изменениями в образе жизни, связанными с цифровой эпохой [Агагелдиева 2025: 43].

В условиях современной интернет-культуры, которая основана на юморе, самоиронии и мемах, старые фразеологизмы становятся объектом игрового переосмысления. Например, «to kick the bucket» ‘устать до смерти’, значение сохраняется, но окраска становится саркастической или комической.

Фразеологизмы оказываются удобными, но их значение часто «сжимается» или смещается. Из сложных выражений остается только яркая «оболочка». старые фразеологизмы переосмысливаются ради

быстрой эмоциональной реакции. Пример: фразеологизмы, которые обозначают 'рассказать информацию' – «spill the beans» (архаично) и «spill the tea» 'ближе к молодежному контенту' [Горбунова 2015: 23]. «Break a leg» 'пожелание удачи' / 'сломать ногу' (дословный перевод) – изначально – театральная идиома, появившаяся как суеверие, чтобы не "сглазить" выступление. Сейчас используется не только в театральной среде, но и в более широком контексте для пожелания удачи в любом начинании. «To be on the same page» 'понимать друг друга' / 'быть на одной странице' (дословно) – ранее относилось к общему тексту, сейчас относится к любому вопросу.

Английские фразеологические обороты не перестают эволюционировать, адаптируясь к технологическому прогрессу, новым социальным реалиям и эффектам глобализации.

Заимствование фразеологизмов – естественный процесс языкового развития, обусловленный потребностью в новых и выразительных средствах. Основная причина – отсутствие в языке аналогов для точной передачи смысла и коннотаций, особенно при описании новых явлений, привнесенных из других культур. Стремление к новизне, моде и выразительности также стимулирует заимствование, особенно из престижных языков или культур, так как это придает речи особый колорит. Глобализация и массовая культура, распространяя кино, музыку и интернет-контент, значительно ускоряют этот процесс, делая фразеологизмы популярными и узнаваемыми. Заимствование позволяет кратко и ёмко выражать сложные идеи, а также приобщаться к ценностям других культур, что отражает постоянные изменения в обществе и мировоззрении.

Таким образом, изменение английских фразеологизмов представляет собой увлекательное явление, демонстрирующее трансформацию речи, общественных норм и культурных ценностей. Эти устойчивые выражения остаются востребованными и сегодня, выполняя значимую функцию в общении людей на каждый день. Формирование английских идиом тесно связано с прошлыми событиями и социальными тенденциями, а анализ их значения даёт возможность лучше разобраться в том, как язык работал и продолжает работать в различные периоды времени, оказывая воздействие на обыденное взаимодействие.

Литература

Агагелдиева Т. Эволюция английских идиом и их роль в повседневной речи / Т. Агагелдиева // Наука и мировоззрение. 2025. №43. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-angliyskih-idiom-i-ih-rol-v-povsednevnoy-rechi?ysclid=mg3mvn9qoj507141785> (дата обращения: 28.09.2025).

Горбунова В.С. Культурно-историческая значимость фразеологизмов английского языка / В.С. Горбунова, С.В. Сботова // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. №1 (23). С. 148–153.

Данцева А.В. Происхождение фразеологизмов современного английского языка / А.В. Данцева, Т.А. Цариненко // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2014. №24. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/proishozhdenie-frazeologizmov-sovremennogo-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 27.09.2025).

Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. Москва: Русский язык, 1984. 944 с.

Липина А.П. Фразеологизмы в английском языке / А.П. Липина, С.С. Березина // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира. 2015. №1. С. 77–82.

**Предпереводческий анализ русского художественного текста
как основа межъязыковых трансформаций
при переводе на испанский язык
(на материале текста рассказа С.Фомина
«Странный гость из 1798 года»)**

предпереводческий анализ, межъязыковые трансформации

Филологи и лингвисты, ставя перед собой задачу перевода художественного текста, большое внимание уделяют подготовительному этапу – предпереводческому анализу. Исследователи придают большое значение лексико-семантическому, морфолого-грамматическому анализу, сравнительному или сопоставительному анализу синтаксических структур, а также стилистическому анализу текста в разных языках. Это позволяет выявить сходства и различия в применении тех или иных синтаксических конструкций; сходства и различия в лексико-семантическом и морфолого-грамматическом аспектах оригинального и переводного текстов; уловить языковые нюансы, чтобы сохранить стилистическую окраску оригинального текста в процессе перевода на другой язык в целях наиболее точной передачи авторского замысла для иноязычного читателя.

Безусловно, в каждом языке существуют свои семантические, морфологические, грамматические, синтаксические и стилистические особенности, которые могут вызвать затруднения в процессе перевода. Эти трудности помогает преодолевать тщательный предпереводческий анализ текста, в фокусе которого заключены различные аспекты языка: лексико-семантический, морфолого-грамматический, синтаксический и стилистический. Эти аспекты учитываются в процессе комплексного предпереводческого анализа текста, который никогда не теряет своей актуальности для профессиональной деятельности переводчика.

Среди работ, содержащих комплексное описание подготовительного этапа перевода, в первую очередь, следует обратить внимание на учебные пособия И.С. Алексеевой и М.П. Брандес [Брандес 2001; Алексеева 2001; Алексеева 2004]. К ним примыкает целый ряд работ, посвященных более частным аспектам предпереводческого анализа: смысловой анализ, выявление коммуникативной доминанты, маркеров культуры, особенностей авторского стиля и др. [Волкова 2010; Добровольский 2004; Илюхин 2001; Карпухина 2006].

Лексико-семантический, морфолого-грамматический, синтаксический и стилистический аспекты предпереводческого анализа художественного текста представляют собой важные направления лингвистических исследований.

В художественном тексте, где каждая конструкция играет важную роль в создании целостного перевода (и в конечном итоге влияет на восприятие аудиторией, аутентичное понимание текста читателем), перечисленные аспекты предпереводческого анализа становятся необходимыми атрибутами успешной адаптации переводного текста под реалии языка, на котором будет воспринимать текст иностранный читатель. Комплексный предпереводческий анализ позволяет лучше интерпретировать тексты.

Нами предпринята попытка представить межъязыковые трансформации текста рассказа С. Фомина "Странный гость из 1798 года" при его переводе на испанский язык в опоре на комплексный предпереводческий анализ. Результатом переводческой деятельности выступает создание нового, функционально эквивалентного текста или сообщения на языке перевода (ПЯ), который обеспечивает успешную коммуникацию, точно передает смысл, соответствует стилю и регистру речи, естественен и понятен для целевой аудитории, а также учитывает культурный контекст. Предпереводческий анализ – это критически важный подготовительный этап работы переводчика, заключающийся в детальном изучении исходного текста до начала собственно процесса перевода.

Лексико-семантический аспект предпереводческого анализа заявленного текста выявил, что в нем нет диалектной, просторечной, инвективной лексики.

Присутствует в тексте профессиональная лексика, например, характерная для сферы журналистики и издательского дела: *репортаж, редакция, иллюстрация, редактор, тираж, фотокорреспондент, запасник*. Причем последняя лексическая единица имеет разговорный оттенок. Также текст включает лексику военной сферы: *эфес, сабля, крепость, солдат, гвардия*.

В качестве примера переводческих трудностей в рамках лексико-семантического аспекта приведем подбор семантических эквивалентов для слов *тираж, номер* в испанском языке.

Морфолого-грамматический аспект предпереводческого анализа закономерно выявил, что в тексте представлены следующие лексико-грамматические классы слов (части речи): имя существительные, имя прилагательное, местоимение, глагол, наречие, союз, имя числительное, частица и предлог.

Примером переводческих трудностей в рамках морфолого-грамматического аспекта анализа может являться перевод русских глаголов в

зависимости от их вида. Поскольку в испанском языке у глагола нет категории вида, приходится использовать служебные слова, чтобы точно передать смысл.

Сопоставительный анализ синтаксических конструкций в русском и испанском языках позволил вывить синтаксические трансформации в процессе перевода текста рассказа С. Фомина «Странный гость из 1798 года». Проведенный сопоставительный анализ синтаксических конструкций простых предложений на русском и испанском языках, позволил проследить их структурную трансформацию в процессе перевода.

Основными переводческими трудностями в рамках синтаксического аспекта можно назвать перевод причастного оборота и перевод безличных конструкций типа *ей приходилось*.

Представим некоторые межъязыковые трансформации текста рассказа С. Фомина «Странный гость из 1798 года» в процессе его перевода на испанский язык.

Важной лексической трансформацией в процессе перевода текста рассказа стал подбор эквивалента для оборота *примем меры* – *tomaremos medidas*. Интересной грамматической трансформацией в процессе перевода текста рассказа стала трансформация рода имен существительных. *Камень* = *pedra*: в русском языке это существительное относится к мужскому роду, а в процессе перевода на испанский язык становится существительным женского рода.

Аналогичный процесс происходит с существительным *сабля*, которое относится к женскому роду в русском языке, в процессе перевода на испанский становится существительным мужского рода – *сабля* = *sable*. Также грамматической трансформации подвергаются указательные местоимения *этот*, *та*, *эти* и т.д. В процессе перевода на испанский язык они становятся указательными прилагательными. Числительные *второй*, *первый* в испанском языке становятся прилагательными.

В русском языке у глаголов есть совершенный и несовершенный вид, в процессе перевода на испанский язык их можно различать с помощью интонации или служебных слов, например: *делал задачу* = *hacia la tarea*; *сделал задачу* = *ya hice la tarea*.

Представим некоторые примеры синтаксических трансформаций в процессе перевода текста рассказа.

Простое предложение: *Сабля, оставленная Наполеоном Бонапартом при уходе из Москвы, обнаружена недавно в запасниках исторического музея*. Это предложение превращается при переводе в сложное предложение с двумя субъектами действия: *Un sable, abandonado por Napoleón Bonaparte tras su salida de Moscú, descubierto hace poco en las reservas del museo histórico*.

В процессе анализа нами были обнаружены примеры, когда простое предложение с однородными главными членами при переводе становится сложным с двумя или тремя субъектами действия. *Всех их Галина Трофимовна слушала и угощала кофе - A todos ellos, Galina Trofimovna, escucho, y les invito un café. Гость сел на стул около стола Галины Трофимовны и тихо сказал... - El invitado se sentó en una silla cerca de la mesa de Galina Trofimovna, y dijo en voz baja.*

Стилистические трансформации в процессе перевода текста рассказа выразились в подборе эквивалента эпитетам, метафорам, гиперболам и т.п.: самые невероятные проекты = los proyectos más increíbles; магическая сила = una fuerza mágica; камень может изменить ход истории = la piedra puede cambiar el rumbo de la historia; слишком поздно = demasiado tarde; но прошло двести лет, а вы живы... = pero ya pasaron doscientos años y usted sigue vivo.

Тщательный предпереводческий анализ текста в рамках морфолого-грамматического, лексического, синтаксического и стилистического аспектов помогает профессиональному переводчику более детально рассмотреть межъязыковые трансформации, проявляющиеся в процессе перевода, что становится залогом более точного и аутентичного перевода любого текста на другой язык.

Литература

Алексеева И.С. Профессиональное обучение переводчика: учеб. пособие / И.С. Алексеева. Санкт-Петербург: Союз, 2001. 288 с.

Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учеб. пособие / И.С. Алексеева. Москва: Академия, 2004. 352 с.

Брандес М.П. Предпереводческий анализ текста: учеб. пособие М.П. Брандес, В.И. Проворотов. Москва: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. 224 с.

Волкова Т.А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода / Т.А. Волкова Москва: Флинта; Наука, 2010. 125 с.

Добровольский Д.О. Лингвистические аспекты перевода художественной прозы (на материале романа Ф.М. Достоевского “Идиот”) / Д.О. Добровольский // Языки в современном мире: Материалы конференции. Т. I. Москва, 2004.

Илюхин В.М. Стратегии синхронного перевода (на материале англо-русской и русско-английской комбинаций перевода): дис... канд. филол. наук / В.М. Илюхин. Москва, 2001. 199 с.

Карпухина В.Н. Особенности переводческого комментария в интеллектуальном детективе / В.Н. Карпухина // Художественный текст: варианты интерпретации: Труды XI Всероссийской научно-практ. конференции: В 2 частях. Бийск, 2006. Ч.1. С. 228–231.

Семантические особенности характеристик двуязычия в татарском и франко-канадском медиадискурсе

*двуязычие, дискурс прессы, интернет-дискурс,
языковая единица, сема, коннотация*

В настоящее время медиадискурс в силу свойственных ему характеристик, таких как интердискурсивность, способность воздействовать на массового получателя, диалогичность, интерактивность и др., является материалом исследования для представителей множества наук. Говоря об освещении языковых вопросов в медиадискурсе, отметим, что СМИ является мощным средством производства и воспроизведения идеологических дискурсов о языке и нации. Соответственно, изучение особенностей освещения двуязычия в дискурсе прессы и интернет-дискурсе позволяет сделать выводы о его характеристиках в картине мира языковой личности, при реализации в условиях статусно- (дискурс прессы) и личностно-ориентированного общения (интернет-дискурс).

Материалом исследования послужили 100 татароязычных и 200 франкоязычных газетных статей (100 – пресса канадской провинции Квебек и 100 – провинции Нью-Брансуик), освещающих двуязычие в РТ и Канаде, а также 300 комментариев к газетным статьям / постов из социальных сетей вышеупомянутых регионов (по 100 для каждого региона).

В результате анализа медиаресурсов билингвальных пространств было выявлено 113 языковых единиц (далее ЯЕ), характеризующих двуязычие: 33 ЯЕ – в РТ (25 ЯЕ в дискурсе прессы / 8 в интернет-дискурсе), 45 ЯЕ – в Канаде в целом (42/3), 29 ЯЕ – в провинции Нью-Брансуик (21/8), а также фактическое двуязычие в провинции Квебек при официальном унilingвизме – 6 ЯЕ в дискурсе прессы. Среди ЯЕ, характеризующих реализацию двуязычия в РТ и Канаде, шире представлены ЯЕ с негативной коннотацией: им свойственны общие семы «конфликт» – «тел низагы» / «un conflit linguistique» ‘языковой конфликт’, «фиктивность» – «кэгазьдэ генә» / «sur papier» ‘[только] на бумаге’, «противостояние» – «Татарстан халыкларын кара-каршы кую» ‘противостояние народов Татарстана’ / «la frontière linguistique» ‘языковая граница’ и др., «несбалансированность» – «ассиметрик» ‘асимметричное’ / «la prédominance de l’anglais et l’absence relative du

français» 'доминирование английского языка и относительное отсутствие французского', «сложность» – «авыр» 'тяжело' / «une bureaucratie trop lourde» 'слишком большая (дословно – «тяжелая») бюрократия' и др. При этом двуязычие как феномен в целом характеризуется сугубо положительно: реализуются семы «богатство» – «байлык» 'богатство' / «une source d'enrichissement culturel» (про двуязычие в Канаде) 'источник культурного обогащения', «un trésor culturel» 'культурное сокровище' (про двуязычие в провинции Нью-Брансуик); семы «польза», «преимущество» – «файда» 'польза', «эш, үсеш перспективасы» 'перспектива трудоустройства и роста' и др. / «atout» 'козырь', «un avantage compétitif» 'конкурентное преимущество' и др.; признается неотъемлемость двуязычия как части национальной идентичности – «безнең үзенчәлек» 'наша особенность' / «dans nos gènes» 'в наших генах', в том числе как объект национальной гордости – «уңышыбыз һәм көчебез» 'наш успех и наша сила' / «fier» 'гордый'; его роль как гаранта мирного сосуществования представителей двух языковых сообществ – «тотрыклыкның нигезе» 'основа стабильности' / «rapproche les anglophones des francophones» 'сближает англофонов и франкофонов'. Говоря об изоморфных семантических характеристиках ЯЕ, отобранных на материалах татарского и франко-канадского интернет-дискурса, также отметим негативную характеристику реализации двуязычия с актуализацией семы «стыд» – «адәм көлкесе» 'посмешище' / «honte» 'позор' (о двуязычии в провинции Нью-Брансуик), «лицемерие» – «икейөзлелек» 'двуличие' / «une belle farce du gouvernement» 'дешевый фарс правительства'.

При наличии множества изоморфных черт, ЯЕ, использованные для характеристики двуязычия в татароязычном и франко-канадском медиадискурсе, имеют ряд алломорфных признаков. В дискурсе татарской прессы двуязычие предстает как феномен, ставший абсолютной нормой повседневности – «норма», «гадәти күренеш» 'обычное явление', «заман таләбе» 'требование современности' и др.; в татароязычном интернет-дискурсе негативно характеризуется реализация двуязычия в регионе посредством актуализации сем «пренебрежение» – «игътибарсызлык» 'халатность' [властей], оскорбление – «милләтне мыскыллау» 'оскорбление нации'. Во франко-канадской прессе широкое употребление находит терминологический аппарат реализации двуязычия – «le bilinguisme institutionnel» 'институциональный билингвизм', «le bilinguisme individuel» 'индивидуальный билингвизм', «la dualité» [языковая] 'двойственность' и др. В квебекской прессе при освещении реализации двуязычия в Канаде фигурируют ЯЕ, содержащие сему «обман» – «une promesse non tenue» 'несдержанное обещание', «un truc institutionnel, officiel» 'официальная, институциональная уловка' и др., «неуспех» – «l'échec» 'провал',

«нежизнеспособность» – «en phase terminale» ‘умирающее’; в прессе провинции Нью-Брансуик двуязычие характеризуется как «разочаровывающее» («décevant»). При освещении фактического двуязычия в провинции Квебек при официально утвержденном унilingвизме фигурируют ЯЕ «incontournable» ‘неизбежное’, «essentiel à l’obtention d’un emploi» ‘необходимое для трудоустройства’, свидетельствующие о понимании перспектив дальнейшего развития двуязычия на территории провинции.

Приведем количественные данные по коннотации ЯЕ, характеризующих двуязычие в татарском и франко-канадском медиадискурсе (таблица 1):

Таблица 1. Количественные данные по коннотации ЯЕ

		Доля ЯЕ с положительно й коннотацией	Доля ЯЕ с нейтральной коннотацией	Доля ЯЕ с отрицательной коннотацией
Дискурс прессы	РТ	40%	28%	32%
	Квебек	29,2%	43,8%	27%
	Нью- Брансуик	33,3%	52,4%	14,3%
Интернет- дискурс	РТ	12,5%	0%	87,5%
	Квебек	0%	0%	100%
	Нью- Брансуик	12,5%	37,5%	50%

Факт существенного различия данных по коннотации ЯЕ, фигурирующих в дискурсе прессы, от данных интернет-дискурса, свидетельствует о разной репрезентации двуязычия в регионах в условиях статусно- и личностно-ориентированного общения.

Таким образом, семантика характеристик двуязычия в татарском и франко-канадском медиадискурсе разделяет ряд изоморфных черт, при этом в медиадискурсе каждого региона характеристика двуязычия также имеет уникальные, свойственные только ей черты. Примечательна большая доля ЯЕ, характеризующих двуязычие, с положительной или нейтральной коннотацией в дискурсе прессы, и существенный перевес ЯЕ с отрицательной коннотацией в интернет-дискурсе: в условиях личностно-ориентированного общения внимание акцентируется на недостатках реализации двуязычия в регионах, нежели на его преимуществах как феномена в целом.

Прагматические фраземы (прагматемы) во французском языке

прагматема, фразема, французский язык

Прагматемы существуют во многих языках, но число исследований, посвящённых именно прагматемам, весьма ограничено. Это объясняется рядом причин, среди которых — сложность самого явления, участие ситуативных семантических элементов, прагматически обуславливающих употребление той или иной последовательности слов, и, особенно, его ритуальный характер, который имеет культурную природу. Все эти аспекты в некоторой степени выходят за рамки традиционных подходов в языкознании, и для их анализа не существует адекватных теоретических инструментов. Термин «прагматема» был введён И. Мельчуком для обозначения отдельных лексических единиц: «Прагматемы, подкласс фразем, представляют собой автономные, как правило, полилексические и семантически составные высказывания, значение которых ограничено коммуникативной ситуацией, к которой они относятся» [Melcuk 1995: 167]. Следует отметить, что фраземы состоят как минимум из двух лексических единиц, тогда как среди прагматем встречаются примеры, состоящие из одного слова: *Bonjour, Salut, Tirez, Allo; Sonnez, Fragile* и т.д.

Ж. Флешон, П. Фрасси, А. Польгер [Fléchon 2013: 7] выделяют три типа прагматем:

– клишированные прагматемы (прагматемы в узком смысле): Например: *Puis-je vous être utile?; On s'occupe de vous?; Un instant, s'il vous plaît; Et avec ça?; Ça marche; Au suivant!; C'est pour quoi?*

– лексемные прагматемы (прагматемы – лексемы). Например: *Fragile!*

– локутивные прагматемы (прагматемы – локуции). Например: *Et un qui marche!; Chaud devant !; L'essayer c'est l'adopter ; Revenons à nos moutons!*

Все три типа прагматем обладают характеристиками, сформулированными М. Гонзалез: «это фиксированные высказывания, которые говорящий должен хранить в своей памяти как единое целое, чтобы затем воспроизвести их как единое целое» [González 2020:116]. Х. Бланко и С. Межри дополняют эту формулировку: «Прагматема, в отличие от других классов фразем, ограниченных по своему значению

(пословиц и клише), также закреплена в коммуникативной ситуации, в которой она производится» [Blanco 2018: 37].

Прагматемы можно разделить на группы по сфере их использования. Например:

тексты объявлений: *À louer, À vendre;*

формулы общения по телефону: *Ne quittez pas; Veuillez patienter quelques instants, nous allons donner suite à votre appel;*

формулы письменного общения: *Veillez accepter mes salutations respectueuses; Cordialement; Bien à vous; Amicalement; Amitiés; Bisous;* приветствия: *Bonjour!; Au revoir!; À bientôt!; Salut!;* запреты: *Défense de fumer!; Interdit de fumer!; Pelouse interdite!; Interdiction de stationner;*

инструкции: *Lavables à froid!; Laver à la main;* предупреждения: *À consommer de préférence avant le ... ; Fumer nuit gravement à la santé;* пожелания: *Joyeux Noël!; Joyeux anniversaire!; Bon week-end!; Bonne journée!; Bonne soirée!; Bonne année!; Bon appétit!*

Прагматема связана с конкретной речевой ситуацией. Она представляет собой полностью композиционное выражение, но при этом выбирается говорящим как единое целое для достижения коммуникативной цели, связанной с конкретной речевой ситуацией. Так, фраза *C'est pour quoi?* используется говорящим, выполняющим социальную функцию, для установления контакта с человеком, с целью предложить ему помощь, но всё же с определённой резкостью, иначе можно было бы сказать, например: *Puis-je vous aider?*

Прагматема *Défense de fumer* может использоваться нейтрально только в том случае, если это написано на табличке в общественном месте, устное обращение с подобной фразой может быть воспринято как угроза.

Таким образом, прагматема представляет собой устойчивую языковую единицу, выполняющую специфическую коммуникативно-прагматическую функцию. Её основное назначение заключается в регулировании межличностных отношений и организации речевого взаимодействия. Прагматемы отражают социальные и культурные нормы, лежащие в основе речевого поведения, и проявляют себя в ситуациях приветствия, благодарности, извинения, поздравления и других речевых ритуалов. Прагматема является важным элементом прагматического уровня языка, связывающим языковую систему с коммуникативной практикой.

Литература

Blanco Escoda X. Les pragmatèmes / X. Blanco Escoda, S. Mejri. Paris. Classiques Garnier, 2018.

Fléchon G. Les pragmatèmes ont-ils un charme indéfinissable? / G. Fléchon, P. Frassi, A. Polguère // Pierluigi Ligas et Paolo Frassi. Lexiques. Identités. Cultures: QuiEdit, 2012. Pp. 81–104.

González Martín C. Traitement lexicographique des pragmatèmes / C. González Martín // Arigne V., Pech-Pelletier S., Rocq-Migette C., Sablayrolles J.-F. Études lexicales. Mélanges offerts à Ariane Desporte. Université Sorbonne Paris Nord, 2020. Pp.115–125.

Melcuk I. Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics / I. Melcuk // Idioms. Structural and Psychological Perspectives, Hillsdale, N.J., Hove, U.-K., Lawrence Erlbaum Associates, 1995.

**Специфика введения антропонимов и зоонимов
в текст Н.А. Дуровой в «Записках кавалерист-девицы»**

художественный текст, антропонимы, зоонимы, идиостиль

В этой статье попытаемся осветить одну из идиостилевых характеристик Н.А. Дуровой – специфику ономастической оценочности. Известно, что Надежда Андреевна Дурова свои немногочисленные произведения писала от первого лица, то есть только о том, что видела, пережила сама; за каждой строкой текстового пространства, несомненно, присутствует личность самого автора. Материал, всего 80 онимов в почти одной тысяче словоупотреблений, методом сплошной выборки нами был извлечен из сборника «Записки кавалерист-девицы» [Дурова 1966].

Н.А. Дурова, получившая как автор высокую оценку самого А.С. Пушкина, не имела специального филологического образования, и утверждать, что «кавалерист-девице» были доступны знания по фоносемантике, об этимологических особенностях имен, нет оснований. *Сегодня я прочитала, что в Записках моих много галлицизмов. Это легко может быть, потому что я не имею понятия, что такое галлицизм* [Дурова 1966:122]. При этом, на наш взгляд, Надежда Дурова имела феноменальное языковое чутье, тонкое и глубокое восприятие Имени. В ее текстах часто появляется оценка того или иного имени: иногда в открытой форме, иногда – завуалированно, иногда – ненавязчиво и незаметно, посредством попутных замечаний; заметим также: у автора абсолютное большинство имен из так называемого «реального именника».

Надежда Дурова не могла выбирать или придумывать имена; в своих текстах она только выражает свое отношение к имени, которое уже есть, стремится связать это имя с тем человеком: *В Пирятине видел я, – говорил П***, – девицу Александровичеву редкой красоты, и что ж? у нее такое варварское имя, которого я ни выговорить, ни слышать не могу без досады: Домника Порфировна!* Домника Порфировна – это двоюродная сестра Н.А. Дуровой: так, свою оценку имени сестры автор вкладывает в уста одного из персонажей. *Кроме красоты своей, смешного имени, Домника замечательна еще и по близкому родству с тою Амазонкою, о которой так много говорили три года тому назад...* Амазонка – эта сама Надежда Андреевна, она получает

за свою жизнь еще несколько имен (в старости – мужское), которые как бы определяют ее дальнейшие действия. *Благодаря этой героической решимости имя мое сохранилось от поношения...* Обнаруживаем также интересные комментарии: ... *бегала за Гапкою, Хиврею, Вивдею, Мартом и еще несколькими, таких же странных имен, девками*. Эти женские имена действительно нельзя назвать привлекательными; вывод основывается на фоносемантических и даже на структурно-семантических, особенностях: *Гапка* напоминает слово «гадко», или звукоподражание «гавкать», *Хиврея* тоже содержит микроморфемы, вызывающие негативные ассоциации; имя *Март* для женщины нелогично. Одну из хозяек, сварливых и жестоких, автор называет просто *Мегера*, характерно, что слово оформлено с большой буквы, то есть это настоящий антропоним: *Мегера с визгом убежала, а за нею и смотритель* [Дурова 1966: 68].

Совсем иной тон и другой ввод имени у автора, когда описывается первая встреча с Пушкиным. *Входит Александр Сергеевич... к этим словам прибавить нечего* [Дурова 1966: 97].

Отмечавшийся в литературной критике XIX века романтизм Н.А. Дуровой особенно ярко проявляется в «Рассказе татарина» (о любви Зугры и Хамитуллы) как в подборе имен, так и в их вводе. Известное всем тюркоязычным прекрасное имя *Зухра* выбрано автором неслучайно даже в сегменте «рассказ в рассказе»: *Но чернота глаз и бровей Зугры была как-то пленительно черна!* [Дурова 1966: 79].

Характерные для литературы XIX-го века зашифрованные имена и фамилии появляются в последней части Записок, когда автор описывает жизнь Петербурга. Н.А. Дурова, видимо, уже хорошо знакомая с людьми высшего сословия, а также с людьми, близкими к литературным кругам и книгоизданию, стала осознавать, что «игра с именем», собственные комментарии могут иметь нежелательные последствия. *С... ва, Т... ская. Шат..., Н.Н. , Б. , господин Г...в, госпожа Гиз. ., семейство Р.е , генерал П., тонкий политик Е.р, князь Д., княгиня Х., княгиня Ю., приветливый К. Д-в, Н.И., княгиня Т.В., господин З., генеральша Щ. , П-в* (возможно, П.А. Плетнев, редактор «Современника»), *С.н* (очевидно: речь о книготорговце А.Ф. Смирдине) и др. – скрытые имена-фамилии. Открытые имена в красочных эпитетах из реального именника в этой части Записок – это или известные личности: *губернатор Мансуров, Александр Сергеевич Пушкин, Александр Сергеевич, Ротмистр Казимирский, лет около пятидесяти, имеет благородный и вместе воинственный вид; добродушие и храбрость дышат во всех чертах приятного лица его*, или же имена людей из низкого круга: *Эмма посылала Финетту (горничная девка)* [Дурова 1966: 109]. Так, изумительно точные и интересные, с романтической огранкой комментарии и эпитеты к имени у автора в первой части Записок, когда

Надежда Дурова описывает свое детство и юность, события на войне, в последней части произведения исчезают.

Автор совершенно по-другому выстраивает картину игры с именем, когда начинает рассказывать о своих животных. *Мне было десять лет; не помню, кто подарил мне крошечную беленькую собачку, довольно смешной наружности и смешного имени... и, ко всем этим совершенствам, название Манилька делало ее существом ни для кого не интересным...* Самый любимый автором герой – это конь **Алкид**, самое частотное имя вообще в тексте. Загадочное, красивое и благозвучное имя, которое можно интерпретировать как производное от глагола *алкать*, так и именем древнегреческого поэта Алкея. *«Будучи отличным наездником, отец мой сам выездил это прекрасное животное и назвал его Алкидом»*, – пишет автор в начале своих «записок»... *Теперь все мои планы, намерения и желания сосредоточились на этом коне*», – продолжает Н.А. Дурова, и действительно вплоть до эпизода гибели коня имя встречается на каждой странице знаменитого произведения. *Ах, Алкид, Алкид, веселие мое погребено с тобою!..* [Дурова 1966: 62].

О своем очередном коне Н.А. Дурова сначала рассказывает с нескрываемым безразличием, называя просто «лошадь». Только через полгода дружбы со своей новой лошадью (по тексту) в произведении появляется имя животного – *Алмаз*, – и тон рассказа автора меняется на светлый имя *Алмаз* в дополнительных комментариях не нуждается. Совпадение первой части имен (*Алкид*, *Алмаз*), семантическая нагрузка слова (драгоценный камень) свидетельствуют, как тонко и глубоко подходил автор к подбору имен своих животных. Следующий конь Н.А. Дуровой-девицы был *Зелант*: *ни одна лошадь в отряде не равнялась Зеланту в быстроте, Зелант, как бурный вихрь, унес меня от толпы неприятельской. Зелант*, воспевающееся в легендах имя, по словам автора, просто обязывало животного быть «несравненным». Такой своеобразный избирательный подход к зоонимам Н.А. Дуровой выявляем еще раз при ее рассказе о найденыше, о маленькой собачке, которая *«разинула свой маленький рот, и розовый язычок ее вместе с черными глазами, бровями и носиком делал ее столько очаровательным твореньем....*

– *Какое ж имя дадите ей?* – спрашивали меня обе девицы.

– *Амур, разумеется, разве можно назвать иначе такую красоту!*

Действительно, самые трогательные и нежные слова автор использует именно в обращении к животным: *Подожди, Амур, – говорила я, глядя белую шелковистую шерсть его, – подожди, друг мой верный* [Дурова 1966: 115]. Гибель Амура так тяжело переживается кавалерист-девицей: *... как вдруг смертные муки моего маленького четвероногого товарища и друга, моего бедного Амура, заставили меня*

проклинать все: и замысел писать, и поездку в Петербург, и бесцельное житье в нем, и адскую расчетливость [Дурова 1966:145], что автор Записок совершенно разочаровывается в жизни, где правят люди.

Вырисовывается некая закономерная картина функционирования имен животных в текстовом поле Н.А. Дуровой, прослеживается трагическая последовательность: чем интереснее и красивее звучит имя (*Алкид, Алмаз, Амур*, состоящее из начальных открытых звуков А и благозвучных сонорных), тем печальнее участь этих живых существ. В качестве версии смеем предположить: именно поэтому своему единственному сыну Н.А. Дурова дает самое распространенное, самое нейтральное и «знакомое всем» (по ее словам из личной переписки) имя – *Иван*.

Имя как слово о человеке, живом существе, для текстов Н.А. Дуровой, для их архитектоники, несомненно, играло концептуально важную роль. Поскольку у автора не было возможности подбирать имена своим главным персонажам, героям (кроме животных), а была лишь возможность воспроизвести, вспомнить, выстроить эти имена реальных людей, исторических лиц, в единый ряд, Н.А. Дурова подходит к оценке имен предельно осторожно, оставляя «свободу поля деятельности» лишь для названий животных. Автор использует для их названий как так называемые «прецедентные» имена, так и имена с затемненной этимологией.

Сознательные аллюзивные параллели, любимый прием писателей XIX века, в текстовом поле Н.А. Дуровой практически не встречаются. Не характерны для пера Н.А. Дуровой имена гипокористические и пейоративы, что объясняется традицией литературного текста XIX века, построенного на описании реальных событий; исключения наблюдаем лишь в речи персонажей из крестьян и служащих, единичный случай в речи самого автора, когда речь идет о детских годах: *Нечего описывать путешествия моего под надзором старого Степана и в товариществе двенадцатилетней Аннушки, его дочери* [Дурова 1966:14]; *Крестьяне взглядывались между собою: «Поезжай, Терешка, у тебя есть кони дома* [Дурова 1966:92].

Литература

Волкова К.Р. Антропонимы в текстовом поле "кавалерист-девицы" Н.А. Дуровой: функционально-структурный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.Р. Волкова. Казань, 2012. 19 с.

Дурова Н. Записки кавалерист-девицы / Н. Дурова. Казань: Татарское книжное изд-во, 1966. 200 с.

Салимова Д.А. О специфике латентной семантики онимов в текстовом поле Н.А. Дуровой / Д.А. Салимова // Русское слово. Вып. 3. Сборник научных трудов. Волгоград: Изд-во лицея №8 «Олимпия», 2011. С.187–195.

Салимова Д.А. Антропонимы как поэтонимы в текстах "елабужских авторов" (на материале "записок кавалерист-девицы" Н.А. Дуровой / Д.А. Салимова // Многоязычие в образовательном пространстве. Т.6. Ижевск: Изд-во "Удмуртский университет", 2014. С. 214–217.

Идиостиль как объект филологического анализа

идиостиль, авторский стиль, художественное произведение, филологический анализ, концептуальный уровень

Изучение авторского стиля является одним из самых актуальных аспектов филологического анализа: современная наука уделяет значительное внимание исследованию индивидуальных компонентов художественных произведений, делающих творчество определенного писателя значимым для историко-литературного процесса. Обращение к идиостилю позволяет выявить глубинные когнитивные структуры и эстетические доминанты текста. Настоящая статья ставит перед собой цель определить сущность понятия «идиостиль», рассмотреть основные направления его филологического изучения и обозначить примеры его практического применения.

Термин «идиостиль» вошел в широкий научный оборот во второй половине XX века благодаря трудам В.П. Григорьева и А.И. Ефимова [Ефимов 1997]. В настоящий момент существуют различные трактовки данного понятия. Н.Н. Грибова понимает его как «систему языковых средств, подчиненных эстетическим и коммуникативным задачам художественного произведения, посредством которых создается индивидуально-авторская картина мира» [Грибова 2010: 7]. О.В. Шаркунова считает, что идиостиль представляет собой актуализацию языковой личности автора, воплощенную сочетанием экстралингвистических и интралингвистических параметров, отражающих мотивы создания текста [Шаркунова]. А.И. Грищенко видит в идиостиле индивидуальную систему, отражающую внутренний мир автора и исторический контекст творчества: «это способ отражения и преломления в художественной речи фактов внутреннего мира конкретного писателя-носителя языка в конкретный исторический период» [Грищенко 2008: 4]. В нашей работе мы, обращаясь к мнениям вышеперечисленных исследователей и обобщая основные трактовки термина, понимаем под идиостилем интегративную категорию, объединяющую языковые, идейно-тематические и когнитивные аспекты художественного творчества писателя, отражающую языковую личность автора, его мировоззрение, эстетические предпочтения и коммуникативные стратегии. В контексте филологического анализа художественного текста идиостиль обладает трехуровневой системой. *Первый уровень – языковой или лингвистиче-*

ский, включающий в себя лексику, грамматику, фразеологию и образную систему в частности. К данному уровню относятся также синтаксические конструкции, метафорика; *второй уровень – мотивно-тематический*, охватывающий ключевые темы, образы и мотивы, затрагиваемые в произведениях автора; *третий уровень – концептуальный*, то есть отражающий категории, лежащие в основе авторского художественного мира (данный уровень подразумевает ассоциативно-семантическое развертывание текста и концептуальные принципы отбора средств, определяющие общее направление авторского творчества). Каждый из вышеперечисленных уровней может рассматриваться как отдельный объект филологического анализа, однако их совокупный анализ позволяет выделить ряд авторских особенностей, проявляющихся на разных уровнях текста.

Рассмотрим предложенную конструкцию на примере литературно-биографического очерка Андре Моруа о творчестве Фредерика Стендаля из цикла «Литературные портреты»: в нем автор демонстрирует последовательное осмысление индивидуального стиля писателя на трех уровнях, упоминаемых нами ранее.

На *лингвистическом уровне* в произведениях Стендаля Моруа особенно выделяет рациональную организацию и аналитическую ясность текста, не свойственную французской литературе той эпохи: «можно сказать, француз XVIII века преклоняется перед разумом и логикой». Анализируя подбор лексических средств, автор очерка противопоставляет эмоциональной насыщенности подтекста писательскую «сухость» выражения: рациональная фраза сочетается у Стендаля с «испанским духом», выражающим внутреннее достоинство, темперамент и страстность [Моруа 1970: 112].

Мотивно-тематический уровень идиостиля проявляется у Стендаля в устойчивых сюжетных и образных повторениях, репрезентирующих биографическую и мировоззренческую структуру. Моруа выявляет систему образов и тем, формирующих «схему романов» писателя: молодой герой-идеал, идеализированная возлюбленная, сильная женщина-антагонист, благодетель и злодей. Эта схема образует «ящик марионеток», из которого Стендаль «достаёт» типы героев и реализует повторяющееся романтическое двоемирие, столкновение идеала и реальности, при этом в каждом герое писатель «воспроизводит самого себя, каким хотел бы быть» [Моруа 1970: 120-122].

Наконец, на *концептуальном уровне* Моруа реконструирует глубинные категории, лежащие в основе авторского художественного мира. Для Стендаля центральными концептами становятся любовь, страсть, честь и разум – категории, структурирующие весь его творческий универсум. Моруа указывает, что любовь у писателя проходит

путь от «болезни страсти» к состоянию внутреннего покоя, а честолюбие – от стремления властвовать над другими к самообладанию и внутреннему достоинству. Эти концепты образуют мировоззренческое ядро идиостиля.

Исследователь отмечает, что Стендаль превращает философские категории в художественные образы: «любовь-страсть», «кристаллизация чувства», «честолюбие» и «внутреннее величие» становятся смысловыми доминантами его прозы [Моруа 1970: 130-133]. Анализ творчества Стендаля, проведенный Моруа, демонстрирует интегративную природу идиостиля: языковые особенности, тематические структуры и концептуальные категории у писателя образуют единую систему, отражающую мировоззрение, коммуникативные стратегии и эстетические приоритеты. Моруа выявляет связь между манерой письма Стендаля и внутренней структурой авторского сознания: индивидуальный стиль писателя воспринимается как целостное отражение его языковой личности. Таким образом, идиостиль является интегративной категорией, объединяющей языковые, тематические и когнитивные аспекты художественного творчества конкретного писателя, при этом отражающий языковую личность автора, его мировоззрение, эстетические предпочтения и коммуникативные стратегии. Исследование идиостиля позволяет вскрыть глубинные связи между языком и мыслью, установить эволюцию индивидуального почерка и осуществлять атрибуцию текстов.

Литература

Грибова Н.Н. Понятие идиостиля в лингвистике / Н.Н. Грибова // Русская речь. 2004. № 4. С. 14–19.

Грищенко А.И. Идиостиль как часть художественного мира писателя / А.И. Грищенко // Вопросы литературы. 2008. № 2. С. 87–96.

Ефимов А.И. Теория идиостиля / А.И. Ефимов. Москва: МГУ, 1997. 120 с.

Моруа А. Литературные портреты / А. Моруа пер. с фр. Москва: Прогресс, 1970. 496 с.

Шаркунова О.В. Идиостиль художественного текста как индивидуальное сочетание экстра- и интралингвистических параметров, основанных на референтных отношениях / О.В. Шаркунова // Материалы международной заочной научно-практической конференции «Актуальные вопросы филологии, искусствоведения и культурологии». Режим доступа: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/205-2011-07-01-11-09-48> (дата обращения: 04.10.2025).

Степанова Анастасия Олеговна
Мардиева Ляйля Агъдасовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 811.161.1; 659.1; 159.9.072.423

Зооантропоморфные бренд-персонажи в отечественной рекламе

*бренд-персонаж, маскот, рекламный текст,
невербальное поведение*

Современная лингвистика активно вторгается в исследовательские проблемы, предполагающие синтез гуманитарных знаний. К числу такого рода научных задач относится и изучение особой группы рекламных персонажей, именуемых в специальной литературе «бренд-персонажами», «корпоративными героями», маскотами и другими конкурирующими терминами, призванными обозначить визуальный динамический (как правило, анимационный) образ, репрезентирующий основные идеи той или иной компании, продукта или услуги и нацеленный на активную эмоционально заряженную рекламную коммуникацию.

В ряду посредников названного типа исследовательский интерес вызывают зооантропоморфные бренд-персонажи: *Заяц* (бренд батареек «Duracell»), *гепард Честер* («Cheetos»), *СберКот* (бренд «Сбербанка»), *Кот Матроскин* («Простоквашино»), *Топтыжка* (одноименный бренд) и др. Традиция совмещать в одном образе звериное и человеческое уходит корнями в сказки и мифы. Синкретизм зооморфизма и антропоморфизма проявляется на разных уровнях репрезентации персонажа. Однако наиболее эффективным способом создания бренд-персонажа зооантропоморфного типа, на наш взгляд, является смешение зрительно считываемых поведенческих кодов человека и животного.

Зооморфные персонажи позволяют повысить эффективность рекламной коммуникации: животные не вызывают негативных реакций, напротив, привлекают внимание, вызывают живой интерес и готовность поделиться контентом (в том числе и рекламным) с животными [Соколова 2024: 37]. Кроме того, связь бренд-персонажей с животными актуализирует соответствующие ассоциации и символические значения. Причем такого рода ассоциации существуют в массовом сознании на одном уровне с архетипами и узнаются всеми, следовательно, зооморфные бренд-персонажи рассчитаны на активизацию в сознании потребителей рекламных сообщений готовых моделей восприятия, обеспечивая тем самым эмоциональное проживание текста еще до его

полного зрительного восприятия. В массовой культуре выделяется особая категория «умильных» зверей» [Храмова 2024: 226] – это кошки, собаки, хомяки и кролики. В общественном сознании они прочно связаны с такими характерологическими ассоциациями, как безобидный, милый, дружелюбный. Включение в рекламный текст животных из этой категории актуализирует в сознании реципиентов положительные эмоции и вызывает чувство «тепла, уюта и заботы», которые переносятся и на бренд [Там же: 227].

Вместе с тем одна из основополагающих функций маскота как представителя бренда – привлечение аудитории. Для этого необходимо вызвать доверие реципиента. Естественно, человек больше доверяет себе подобным, а потому рекламисты видоизменяют зооморфный облик: наделяют его чертами, схожими с человеческими. Зооантропоморфный внешний облик бренд-персонажей формируется в результате слияния в одном образе звериных ушей, носа, хвоста, усов и антропоморфного строения глаз и рта, наличия бровей, восприятия «передних лап по аналогии с человеческими руками» [Альшевская 2020: 52]. Сходство бренд-персонажа с человеком достигается и за счет антропоморфного поведения – прямохождения, жестов, мимики, позы, использования одежды и прически. Человеческий облик зооморфного персонажа вызывает эмпатию. Усилить воздействующий потенциал маскота позволяет прием инфантилизации образа. Для этого персонаж наделяется чертами внешнего облика ребенка: маленьким по сравнению с головой туловищем, выступающим лбом, полными щеками, большими и выпуклыми глазами, короткими толстыми конечностями, приземистой и полной фигурой [Храмова 2015: 179].

Материалом для нашего исследования послужил образ СберКота, представляющего бренд «Сбербанк». Источниковедческой базой – рекламные тексты названного бренда. Внешний облик СберКота подтверждает высказанные положения о слиянии звериных и человеческих анатомических черт во внешнем облике зооантропоморфного бренд-персонажа (см. рис. 1–3). Способы репрезентации кодов поведения названного бренд-персонажа требуют более подробного анализа. В арсенале поведенческих кодов СберКота немало жестов, которые исполняются передними лапами, т.е. им присваивается не характерная для животных, но типичная для человека функция. См., например, исполнение жестовых знаков «отлично» (рис. 1) и «раздумье» (рис. 2).

Естественно, что репертуар зрительно считываемых поведенческих кодов СберКота не ограничивается знаками кинесической кодовой системы. Как правило, реципиенту демонстрируется взаимодействие знаков различных кодов, что усложняет антропоморфизм бренд-персонажа, натурализует его. Так, на рис. 3 мы видим пик артикуляции

направленного на предполагаемого собеседника *указательного жеста*, опять же артикулируемого передними лапами. Жест сопровождается *улыбкой* и *подмигиванием*. Такого рода жестово-мимические комплексы Г.Е. Крейдлин называет «невербальными репликами-стимулами», призывающими к коммуникации [Крейдлин 2002: 100]. Подмигивание как коммуникативный знак возможен только в условиях дружеского общения [Акишина и др. 1991: 16], т.е. оно нацелено на создание ситуации общения коммуникантов, имеющих общие интересы, базовые ценности и принадлежащих к одной социальной группе, последнее подтверждается *конфедераткой*. В контексте жестово-мимического поведения СберКота вещь-знак приобретает символическое, если не мифологическое, значение – кот «свой», он студент.

К числу антропоморфных поведенческих кодов бренд-персонажа следует отнести и *раскрепощенную позу* (туловище немного отклонено назад, одна нога согнута в колене, что указывает на отсутствие скованности и опять же свидетельствует о принадлежности СберКота к группе «своих»), и удвоение *указательного жеста*, усиливающее экспрессию образа.

Рис. 1. Реклама «Сбербанка», направленная на повышение узнаваемости сервиса «СберПрайм»

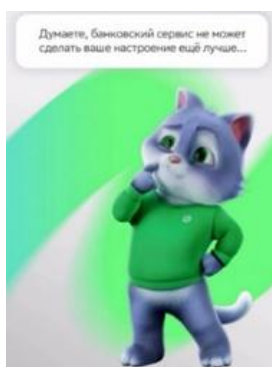

Рис. 2. Фрагмент динамичной рекламы «Сбербанка»

Рис. 3. Реклама «Сбербанка», приуроченная ко Дню студента

К числу зооморфных поведенческих кодов СберКота относится поднятый хвост, который может быть «прочитан» и как выражение радости от встречи, и как своеобразный призыв к продолжению дружеского общения. Уши бренд-персонажа находятся в статичном положении, не прижаты к голове, что указывает на отсутствие резких негативных эмоций маскота (см. альтернативный вариант положения ушей на рис. 2). Вербальный текст рекламного сообщения передает основную информацию: бренд поздравляет своих клиентов с Днем студента. Внешний облик зооантропоморфного бренд-персонажа и его поведе-

ние в совокупности транслируют эмоцию радости от встречи и будущего праздника (*удвоенный указательный жест, улыбка; поднятый хвост и статичное положение кошачьих ушей*). Вербальное сообщение «Знания – это сила» подчеркивает сопричастность бренд-персонажа к процессу получения знаний, а в контексте рекламного текста значение слова «знания» расширяется (знания – это и обладание сведениями в области сбережения и преумножения денег). На невербальном уровне смысл сопричастности передают знаки антропоморфные (*конфедератка, подмигивание, расслабленная поза*) и указанные выше многозначные зооморфные знаки.

Таким образом, прообраз бренд-персонажа вызывает стойкие положительные реакции, в том числе и за счет наличия архетипичных установок в его восприятии, готовых ассоциативных приращений, навеянных мифами и сказками. Антропоморфизация создает внешний облик, способный к вербальной и невербальной коммуникации. Более того, наличие человеческих черт добавляет внешности маскота черты дружелюбия, инфантилизм образа актуализирует стереотипную установку – дети не способны лгать, а потому образ вызывает особое доверие. Зрительно считываемые симптоматические поведенческие знаки из числа зоо- и антропоморфных рассчитаны не только на пробуждение соответствующих положительных эмоций, но и на эмоциональное вовлечение, часть поведенческих кодов возбуждает мифологические модели восприятия мира, благодаря чему зооантропоморфный бренд-персонаж будет отнесен реципиентом к числу «своих». Как видим, преимущество зооантропоморфных персонажей кроется в их синкретичной природе, способности оказывать суггестивное влияние на сознание потребителей рекламных сообщений.

Литература

Акишина А.А. Жесты и мимика в русской речи: лингвострановедческий словарь / А.А. Акишина, Х. Кано, Т.Е. Акишина. Москва: Русский язык, 1991. 144 с.

Альшевская А.С. Формы репрезентации антропоморфных образов-представлений / А.С. Альшевская // Вестник Полоцкого государственного университета / Серия А. Гуманитарные науки. 2020. №2. С. 49–57.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. Москва: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.

Соколова Ю.Д. Особенности репрезентации зооморфных и антропоморфных образов в рекламе / Ю.Д. Соколова, А.В. Ульяновский // Наука. Образование. Современность. 2024. №2. С. 34–39.

Храмова М.Н. Метаморфозы зооморфных образов в массовой культуре: образ животного и проблема идентификации в возрастных субкультурах / М.Н. Храмова // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Т. 210. 2015. С. 177–190.

Храмова М.Н. Зверь как бренд. Зооморфные образы в сфере рекламы / М.Н. Храмова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. №4. С. 224–231.

Одежда как код культуры: семантика наименований в русском языковом сознании

*языковая картина мира, одежда как код культуры, фразеологизмы,
лингвокультурный концепт, семантическое поле*

В современных лингвистических исследованиях всё большее внимание уделяется изучению языка как способа отражения культурных кодов. Одежда, будучи универсальным элементом материальной культуры, служит не только утилитарным целям, но и становится мощным семиотическим ресурсом, кодирующим ценности, социальные статусы, гендерные роли и мировоззренческие установки. В русской языковой картине мира (ЯКМ) наименования одежды образуют разветвлённое семантическое поле, которое пронизывает различные уровни языка: от лексики и фразеологии до паремиологии и поэтических текстов.

Семантика одежды в русском языковом сознании не ограничивается номинативной функцией. Как показывают исследования М.Л. Ковшовой, костюмный код культуры включает в себя взаимодействие вербальных, предметных и акциональных знаков [Ковшова 2015: 9]. Например, такие элементы одежды, как 'рукав' и 'карман', в русских и французских фразеологизмах демонстрируют различную культурную нагрузку: если в русском языке *работать спустя рукава* символизирует небрежность, то французский аналог *avoir les mains dans les poches* ('держат руки в карманах') актуализирует идею безделья через иную телесную практику [Николаева 2011]. Это свидетельствует о том, что элементы одежды становятся маркерами не только действий, но и глубинных культурных установок. Особый интерес представляет репрезентация головных уборов в русской ЯКМ. Как отмечает Е.А. Григорьева, такие единицы, как *шапка*, *шляпа*, *колпак*, не только обладают гендерной маркированностью, но и приобретают устойчивые коннотации в рамках народной культуры. Например, слово *шапка* часто ассоциируется с социальным статусом и щегольством ('Дома – щи без круп; в людях – шапка в рубль'), тогда как *шляпа* может символизировать неприспособленность человека (Эх ты, шляпа!) [Борисова 2025: 3]. Эти значения не являются произвольными – они укоренены в историческом контексте и социальных практиках. Важным аспектом семантики одежды является её связь с телесным кодом культуры. В русских поговорках одежда часто уподобляется телу ('Не ладно скроен, да крепко сшит'), что подчёркивает единство

внешнего и внутреннего. Однако, как справедливо замечает М.Л. Ковшова, в пословицах костюмные компоненты соотносятся не с конкретными предметами, а со знаками костюмного кода культуры [Ковшова 2017: 78]. Например, архаизм *лапоть* становится символом простоты и бедности, а *сапог* – богатства и знатности. Это позволяет говорить о культурной референции паремий, когда языковые единицы отсылают не к денотатам, а к культурным константам.

В отличие от традиционного подхода, ограничивающегося анализом головных уборов, мы предлагаем расширить понимание одежды как кода культуры, включив в него все элементы костюма, которые маркируют социальные, гендерные и этнические идентичности. Например, слово *рубаша* в русской культуре символизирует не только нательную одежду, но и духовную чистоту ('Рубашка беленька, да душа черненька'), а *кафтан* ассоциируется с внешним благополучием, которое может быть обманчивым ('Пуст карман, да синь кафтан'). Особую значимость приобретает сопоставительный анализ семантики одежды в разных лингвокультурах. Например, если в русской ЯКМ платок связан с замужеством ('покрыть платком'), то в чувашской культуре он становится индикатором материального достатка [Борисова 2025: 4]. Такие различия отражают не только особенности материальной культуры, но и ценностные ориентации этносов. В русской культуре берет – это форма головного убора, а во французской – национальный знак.

Таким образом, одежда в русском языковом сознании представляет собой сложный семиотический комплекс, который кодирует культурные смыслы на разных уровнях: от бытовых практик до духовных ценностей. Исследование семантики наименований одежды позволяет не только реконструировать фрагменты ЯКМ, но и выявить универсальные и национально-специфические механизмы культурной идентификации.

Литература

Борисова Л.В. Головной убор как элемент лингвокультурного кода нации (на материале русского и чувашского языков) / Л.В. Борисова, Е.А. Григорьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 3. С. 977–981.

Ковшова М.Л. Семантика головного убора в культуре и языке: Костюмный код культуры / М.Л. Ковшова. Москва: Гнозис, 2015.

Ковшова М.Л. К вопросу о культурной референции пословиц (на материале русских пословиц с образами одежды) / М.Л. Ковшова // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8. № 3. С. 67–93.

Николаева Е.В. Лингвокультурные смыслы телесности в семантическом поле «одежда»/«*habillement*» (на материале русских и французских фразеологизмов) / Е.В. Николаева, Т.Н. Юрина // Вестник МГУДТ. 2011. Вып. 25. С. 71-75.

Особенности функционирования обращений в русскоязычных мессенджерах

*обращение, мессенджеры, цифровая коммуникация,
языковая экономия, социальные роли*

В современной лингвистике обращение рассматривается как один из ключевых инструментов организации речевого акта, выполняющий функции привлечения внимания, установления и поддержания контакта, а также маркирования ролевых позиций участников общения [Багна 2004: 13]. Н.Д. Арутюнова указывает, что собственное имя в функции обращения одновременно выполняет идентифицирующую и экспрессивно-коммуникативную роль, позволяя адресату соотнести себя с участником общения и выделяя его в тексте [Арутюнова 1977: 353–355]. По мнению Л.Н. Гольдина, обращение является главным средством явного выделения адресата, в отличие от косвенных или невербальных способов (например, местоимений или жестов) [Гольдин 2009: 63]. Кроме того, обращение тесно связано с социальным статусом говорящего и тональностью общения. Как отмечает Т.А. Воронова, формы обращения не только фиксируют социальные роли собеседников, но и выражают эмоциональное отношение, а также могут выполнять манипулятивные функции [Воронова 2014: 42]. Выбор обращения зависит от пола, возраста, степени знакомства и формальности ситуации, что делает его одним из ключевых маркеров статуса и коммуникативной дистанции [Воронова 2014: 43]. В этой перспективе оно выступает не только средством адресации, но и индикатором статусно-ролевых отношений. При его опущении сохраняется передача содержания, но ослабляется коммуникативная функция – вежливость, дистанция, социальный статус. Таким образом, обращение следует рассматривать не только как средство выделения адресата, но и как элемент регуляции социальных ролей. Однако в цифровом дискурсе его функции трансформируются и всё чаще редуцируются.

Мы выделяем следующие причины опущения обращений в цифровой коммуникации:

Во-первых, приоритет получает принцип коммуникативной эффективности: в условиях синхронного общения в мессенджерах информация должна передаваться максимально быстро и удобно. Обращение, не несущее ядра пропозиционального содержания, воспринимается

как избыточное, что согласуется с принципом языковой экономии и максимальной способа в кооперативном принципе П. Грайса. Во-вторых, технический контекст частично замещает функцию идентификации адресата. В личной переписке он всегда единственный, а в группах используются встроенные средства – «reply», «@username» – которые выполняют роль указателей адресата с большей точностью и наглядностью. В-третьих, мессенджеры формируют гибридный регистр, совмещающий черты устной и письменной речи. Как отмечает Е.И. Литневская, в разговорной речи значительная часть смысла извлекается из ситуации, что допускает редукцию отдельных компонентов высказывания [Литневская 2014: 172]. Это снижает необходимость в обращениях как обязательных маркерах адресации.

Наконец, важным фактором являются социально-ролевые изменения. В неформальной цифровой среде, прежде всего в переписке между друзьями и близкими, обращения часто опускаются или заменяются никнеймами и эмодзи. В официальных каналах (например, рабочих чатах) традиционные формулы типа «коллеги», «уважаемые коллеги» сохраняются, однако их использование носит минимизированный, рутинный характер. Таким образом, тенденция к упрощению речевого этикета наиболее ярко проявляется именно в неформальной коммуникации.

Исследование показало, что редукция обращений в цифровой коммуникации обусловлена стремлением к эффективности, технической медиатизацией и изменением социальных норм, что ведёт к размыванию адресности, нейтрализации тональности и смещению границ между частным и публичным дискурсом.

Литература

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. Москва: Наука, 1976. 383 с.

Багна И. Типы и функции русского обращения как именования адресата в разных видах словесности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Багна. Москва, 2004. 24 с.

Воронова Т.А. О некоторых особенностях обращения в современном русском языке / Т.А. Воронова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2014. Вып. 14. С. 41–44.

Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы / под ред. Л.И. Баранниковой / В.Е. Гольдин. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 136 с.

Литневская Е.И. Об особенностях конситуативности при дешифровке письменной разговорной речи / Е.И. Литневская // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 5. С. 157–173.

Зооморфный код культуры в языковой картине мира русского языка (на примере зоонима «собака»)

*фразеологическая единица, зооморфный код, зооним,
лингвокультурология, семантика*

Коды культуры – одно из ключевых понятий лингвокультурологии, которое перешло из семиотики. Однако вопреки первоначальным мнениям о том, что код представляет собой систему языка или его вариант [Балли 1999: 263], в настоящее время код и язык не представляются тождественными понятиями, т.к. на код накладываются культура и история языка [Лотман 2010: 15]. Таким образом, в состав кода входит как система знаков, так и система смыслов [Холомееенко 2023: 215]. Исследователь кода культуры В.В. Красных делит культурные коды на несколько категорий: 1) пространственный; 2) временной; 3) предметный; 4) духовный; 5) соматический; 6) биоморфный [Красных 2001: 5].

Зооморфные коды вместе с фитоморфными относятся к последней категории и обозначают те символы и образы, которые несут в себе животные и растения. Домашние животные играют важную роль в жизни человека: они дают пищу, одежду, выполняют функцию защиты, охраны, перемещения и перевозки грузов и т.п. Они обладают рядом характеристик и качеств, которые использовались человеком для описания сложных для понимания явлений и закрепились в языке в виде стереотипических представлений, ассоциаций и символов. Совокупность когнитивного, метафорического, эталонного и символического подходов к изучению зооморфных кодов позволяет осуществить комплексный лингвокультурологический анализ языковой картины мира русского языка.

Цель исследования заключена в изучении особенностей зооморфных кодов русского языка с целью описания языковой картины мира. Задачами исследования, которые призваны помочь в осуществлении цели, являются:

- 1) в контексте когнитивной подсистемы рассмотреть основные стереотипы и представления о собаке в русской культуре;
- 2) в контексте эталонной подсистемы описать эталоны, связанные с зоонимом «собака»;
- 3) в контексте символической подсистемы определить символы, которые несет в себе собака.

Материалы и методы исследования: метод сплошной выборки, описательный метод, метод компонентного анализа, структурный метод. Теоретическая база исследования опирается на труды выдающихся специалистов в области изучения культурных кодов (В.В. Красных, Ю.М. Лотмана) и научные статьи по смежным темам. Материалом для исследования являются произведения современных российских авторов и фразеологические словари современного русского языка.

Результаты. С точки зрения когнитивной подсистемы необходимо рассмотреть основные стереотипы того или иного животного, которые есть у носителя языка. Зооним «собака» является универсальным кодом во всех культурах и представляется в виде верного домашнего животного, которое защищает своего хозяина, преданно, иногда заискивающе, относится к нему, но в то же время ведет тяжелую жизнь. Ассоциации, возникающие у носителя русского языка при слове «собака», следующие: друг, животное, охрана, преданность, верность, поводырь, сторож, охота и др.

Подобные ассоциации можно встретить в художественной литературе: «Будкин стоял и глядел на Служкина собачьими глазами» [Иванов 2003: 81], «...но их собачья преданность не имела цены» [Иванов 2019 (а): 329]. Интересен тот факт, что несмотря на то, что собака – верный друг человека, ее преданность часто носит негативный оттенок, граничит с заискиванием или подхалимством: «Карп Изотыч наклонился ... и по собачьи преданно посмотрел на губернатора снизу вверх» [Иванов 2019 (b): 60].

Нередки противопоставления собаки как преданного друга человека диким животным, его врагам, в частности волкам, которые в то же время более свободны и независимы: «Я волк, не собака!» [Иванов 2019 (а): 37], «Может, русский лес и добрый, как верная собака, прирученный, покорный, но тайга инородцев – это дикий зверь, отвечающий человеку страхом и бегством или злобой и нападением» [Иванов 2019 (а): 270].

Умения собаки также находят свое отражение в языке, обычно в виде образного сравнения: «Хемьюга, пока был молод, умел плавать в реке, точно собака» [Иванов 2019 (а): 23], «так собака рвётся с привязи, удушая себя» [Иванов 2019 (а): 256]. Также можно встретить метафоры и сравнения, основанные на образе обычного отношения человека к собаке: «...ржавкнул он на Ремезова, будто на собаку, надеясь образумить» [Иванов 2019 (а): 106], «Он растравлял Бухгольца, как пса» [Иванов 2019 (а): 186].

Встречаются случаи, когда жизнь собаки выступает примером тяжелой жизни, полной мучений, голода и холода: «Замёрзла как собака в этом долбаном автобусе!..» [Иванов 2003: 109], «На шатре, как на голодной собаке, проступили худые рёбра» [Иванов 2003: 151], «И нойон

убежал от вида чужого торжества, как собака, облитая помоями» [Иванов 2019 (а): 130], «измотались, как собаки» [Иванов 2019: 24]. В языковой картине мира русского языка образ собаки, особенно маленькой, предстает как образ неумного животного: «Ох, нелепо надеяться на чудо и спешить на первый же зов, подобно глупой собачке» [Иванов 2019 (а): 141].

Зооним «пес» близок по значению к зоониму «собака», но пес предстает прежде всего как свирепое, злое, подчас ожесточенное животное: «То ухаёт правый борт, и левый задирается, обтекая пеной, как слюной истекает пасть бешеного пса» [Иванов 2003: 180]. Зооним «псина» имеет сниженную или бранную окраску: «Гавкай на холопов, псина!» [Иванов 2019 (b): 86]. Также зооним «пес» употребляется в роли эвфемизмов: «Ежели бы наше село было, какого пса пристань пожгли?» [Иванов 2023: 113], «Не отдам, и всё. Катись к псам» [Иванов 2023: 133]. Сходное по значению понятие «щенок» всегда создает образ незрелого, неопытного человека: «Так в этих делах я перед тобой просто щенок» [Иванов 2003: 81]. Зооним «кобель» носит отрицательное значение и обычно обозначает бабника, ловеласа: «Поймёшь, как нам, бабам, из-за вас, кобелей, живётся!» [Иванов 2023: 417].

На основе подобных представлений о собаке с помощью метафорического переосмысления, метонимического переноса и образных сравнений возникли фразеологические единицы. Рассмотрим основные значения фразеологических единиц с зоонимами «собака», «пес», «щенок»: 1. жалкий вид: «как побитая собака»; 2. голод: «голодный как собака»; 3. усталость: «устал как собака»; 4. большое количество: «как собак нерезаных»; 5. ненужность: «нужен как собаке пятая нога», «псу под хвост»; 6. разлад: «жить как кошка с собакой»; 7. верность: «собачья преданность», «собачья верность»; 8. понимание причины какого-л. явления: «знать, где собака зарыта»; 9. не давать ни себе, ни другим: «как собака на сене»; 10. клевета: «вешать всех собак на кого-л.»; 11. всякий, любой: «каждая собака (знает)»; 12. эвфемизмы: «пес его знает», «на кой пес», «пес возьми»; 13. любвеобильность: «щенячьи нежности»; 14. безделье: «гонять собак»; 15. злость: «злой как собака»; 16. неприязнь: «любит как собака палку»; 17. совет не злить кого-л.: «не будите спящую собаку»; 18. опытность: «собаку на этом съел»; 19. усиление: «как собака»; 20. о смерти дурного человека: «собаке – собачья смерть» [Федоров 2008].

В контексте эталонной подсистемы собака может иметь эталон верности, преданности, хорошей реакции, стремительности, готовности к самопожертвованию ради хозяина, подчинения и послушности. Эталон пса – своевольность, злость, бешенство. Эталон щенка – глу-

пость, неумная радость, энтузиазм. В контексте символической подсистемы собака выступает символом защиты и безусловной любви и дружбы.

Заключение. Таким образом, изучение зоонима «собака» в контексте разных подсистем позволяет сделать вывод о специфических особенностях данного зооморфного кода культуры в русском языке. В рамках когнитивной подсистемы зооним «собака» имеет стереотипы верности, преданности. В художественных текстах встречаются значения: умения собаки, отношение и действия человека по отношению к животному, тяжелая жизнь, глупость. Во фразеологических единицах встречаются семы: жалкий вид, голод, усталость, большое количество, ненужность, безделье, опытность, злость и др. В рамках эталонной подсистемы собака несет в себе эталон верности и подчинения. В рамках символической подсистемы собака олицетворяет защитника и преданного друга.

Литература

Иванов А.В. Географ глобус пропил / А.В. Иванов. Москва: Вагриус, 2003. 365 с.

Иванов А.В. Тобол: Мало избранных = Мало избранных: роман-пеплум / А.В. Иванов. Москва: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2019. 827 с.

Иванов А.В. Тобол. Много званных = Много званных: роман-пеплум / А.В. Иванов. Москва: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2019. 702 с.

Иванов А.В. Бронепароходы / А.В. Иванов. Москва: РИПОЛ классик, 2023. 686 с.

Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Москва: МАКС Пресс, 2001. С.5-19.

Курс общей лингвистики / под общ. ред. М.Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. Санкт-Петербург: Искусство СПб, 2010. 703 с.

Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Федоров. Москва: Астрель, АСТ. 2008. Автор.

Холомеев О.М. Зооморфный культурный код в русской лингвокультуре (на материале художественных текстов) / О.М. Холомеев, А.И. Туник // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 3. С. 215-224.

**Переводческие аспекты исламских рукописей:
когнитивно-семантический анализ текста Мухаммада ал-Булгари
«Хазинетуль-улема ва зинетуль-фукаха»**

*исламские рукописи, перевод; когнитивная семантика,
thick translation, Мухаммад ал-Булгари; тюркология*

Введение. Перевод исламских рукописей, таких как труд Мухаммада ал-Булгари, — это сложная междисциплинарная задача, связанная с морфологической, семантической и дискурсивной структурой текста. Актуальность темы обусловлена необходимостью научно обоснованного перевода сакрального наследия мусульман Волжско-Камского региона на русский язык. Для этого используется комплексный подход: текстологический, филологический, когнитивно-семантический и историко-культурный анализ [Magomedova 2022; Фаткуллина 2020].

Материалы и методы. Применены взаимодополняющие методы: текстологический анализ для установления подлинности рукописи и её редакций; филологический и когнитивно-семантический анализ для выявления ключевых понятий и их эквивалентов в русском языке [Магомедова 2024: 65–67]; сопоставительная тюркология для учёта болгарского и арабского компонентов в языке оригинала [Магомедов 2022]; дискурсивный анализ для сохранения жанровой и стилевой формы наставлений [Magomedova 2022: 182–184].

Результаты. Применение комплексного подхода показало, что перевод исламских терминов («Ар-Рахман», «Ар-Рахим») требует комбинированной стратегии (транскрипция + пояснение) [Магомедова 2024: 65–67; Фаткуллина 2020]; сохранение морфологической и семантической структуры оригинала помогает передать его когнитивный каркас; дискурсивный анализ позволяет сохранить композицию текста как системы назиданий.

Заключение. Использование комплексного лингвистического подхода при переводе исламских рукописей создаёт научно обоснованную модель переноса сакрального текста в иноязычную культурную среду. Это расширяет поле прикладной лингвистики, укрепляет связи между когнитивной семантикой, дискурсивным анализом и тюркологией, а также способствует сохранению духовно-нравственного наследия мусульман Волжско-Камского региона [Magomedova 2022].

Литература

Ахмет У. Рукопись Мухаммада ал-Булгари "Хизинетуль-улема ва зинетуль-фукаха" (Клад ученых и украшение исламских правоведов) / У. Ахмет // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2007. №1-2. С. 132–136.

Магомедов М.И. Лингвокультурные особенности арабского юридического текста и специфика перевода терминологии исламского права на русский язык / М.И. Магомедов, П.М. Магомедова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (169). С. 220–225.

Магомедова П.А. Семантический портрет и механизм функционирования лексем-этимонов в сакральном тексте Корана и в его переводах на русский язык (теолингвистический аспект) / П.А. Магомедова, А.А. Магомедов // Исламоведение. 2024. №1 (59). С. 63–76.

Фаткуллина Ф.Г. Переводы исламской теологической лексики на русский язык (на материале произведений А. Кадыри) / Ф.Г. Фаткуллина, И.А. Зубайдоллоев // Проблемы востоковедения. 2020. 2 (88). С. 64-69.

Magomedova P.A. Islamic Discourse: Problem of Adequate Translation of Religious Texts from Arabic into Russian / P.A. Magomedova, M.P. Gadjhiev // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 1. С.178–185.

The Prophet Suleyman and Horses: Controversy of Rendering Q 38: 30–33 in Russian Qur'an translations. 2024.

Речевые маркеры профессионального выгорания у юристов: диагностический потенциал

*профессиональное выгорание, речевые маркеры,
эмоциональное истощение, юридическая деятельность*

Профессии юридической сферы характеризуются интенсивными вербальными контактами между людьми, возникающими по чрезвычайно широкому кругу правовых вопросов, следовательно, относятся к лингвонасыщенным.

Будучи основным инструментом коммуникации, речь является демонстратором сознательной и бессознательной психической деятельности человека и служит индикатором комплекса параметров его внутреннего состояния. Одним из первых обратил на это внимание И.А. Бодуэн де Куртенэ, который рассматривал речь как совокупность различных факторов, обуславливающих ее порождение и специфику функционирования, поскольку язык «не находится в... отдельном физическом организме (или физическом мозге, или культурном контексте, или социальной системе) и не возникает в какой-то одной из этих сфер. Он закреплён и распределён во всех этих сферах и на всех этих уровнях» [Хомутова 2015: 343]. Ученый утверждал, что сущность речи составляют как физические, так и психические функции, и потому невозможно «исследовать природу языка вне его связи с человеком» [Маслова 2015: 78]. В соответствии с идеей Бодуэна де Куртенэ о том, что нет «в речи человеческой ни одного явления, которое не было бы вместе с тем психическим» [Бодуэн де Куртенэ 1963, 1: 348], не может рассматриваться в отрыве от психической составляющей речевая деятельность и представители юридических профессий. Они наделены повышенной ответственностью как перед законом, так и гражданами, и психоэмоциональная нагрузка, испытываемая ими, нередко становится одной из причин их профессионального выгорания, о чем может свидетельствовать и речь. В этой связи анализ речи юристов на предмет наличия в ней маркеров профессионального выгорания, особенно с учетом данных о том, что все практикующие юристы в той или иной степени выраженности демонстрируют симптомы эмоционального и физического истощения, представляется необходимым в аспекте профилактики и устранения таких деформаций. Актуализирует исследования в данном направлении и тот факт, что нередко это происходит с молодыми специалистами, только начинающими свою профессиональную деятельность, но по причине

расхождения между первоначальными ожиданиями и реальностью уже успевшими в ней разочароваться. Так, в личной беседе с автором статьи один начинающий адвокат сетовал на то, что, пытаясь решить проблемы клиентов, очень вживается в ситуацию, но проблем не становится меньше и результаты таких усилий не всегда положительные.

Профессиональное выгорание у юристов проходит поэтапно и развивается в соответствии с классической триадой К. Маслач, но при этом имеет важные особенности. Так, их эмоциональное истощение усугубляется необходимостью постоянного контроля за эмоциями, поскольку специфика данной деятельности, с одной стороны, не предполагает проявления субъективности при выполнении служебных обязанностей, с другой стороны, требует постоянного коммуницирования с самыми разными лицами – от представителей власти до маргиналов, что само по себе является конфликтогенным фактором. Эмоциональным истощением обуславливается зарождение сначала неосознанной, а затем стойкой и не поддающейся контролю деперсонализации, проявляемой в раздражительности, неадекватности, циничности и даже агрессивности в отношениях с коллегами и другими партнерами по коммуникациям. В совокупности с редукцией профессиональных достижений, которая у юристов нередко выражается в потере веры в справедливость и эффективность права, это может стать проблемой, грозящей нанести урон всей законодательной системе в целом.

Нами замечено, что в зависимости от юридической специализации профессиональное выгорание может проходить по разным сценариям. Например, у адвокатов, постоянно находящихся в ситуации противостояния и непосредственного контакта с людьми, признаки выгорания эксплицитны, в то время как корпоративные юристы вынуждены его скрывать или проявлять в апатических формах. Определенную значимость имеет и гендерная принадлежность. Так, женщины более подвержены выгоранию, чем мужчины, поскольку у первых оно находит подпитывающую почву, например, в том, что они более активно контактируют с детьми, и эмоциональная разрядка становится для них практически невозможной. Как уже отмечалось выше, профессиональное выгорание выражается в целой совокупности речевых маркеров, и именно по ним считаем возможным диагностировать это состояние еще на ранних этапах его проявления. Так, на лексическом уровне наблюдается активизация слов и выражений с негативным значением – прямым или коннотативным, в частности в таких фразах, как «Мне все надоело», «Сплошные проблемы кругом», «Я не хочу этим заниматься», «Все делаю через силу», «Все равно ничего не получится», «Не хочу даже думать об этом» и пр. На уровне грамматики заметно преобладание в речи местоимения «я» и его форм, а также глаголов

первого лица, что свидетельствует о нарастании личностной эгоцентризации. Признаками на уровне просодики являются монотонность, безэмоциональность либо, напротив, интонационная насыщенность, нарушение темпо-ритмической организации речи, выражаемой в увеличении доли пауз или в быстроговорении. Меняется и содержательная сторона речи, что проявляется, например, в уходе от обсуждения профессиональных тем, в непоследовательности и нелогичности рассуждений, в слабой компетентности по правовым вопросам и пр. Указанное подтверждает, что для диагностики профессиональных деформаций речевые маркеры необходимо использовать как важнейший материал, исследование которого позволит не только выявлять подобные состояния, но и формировать индивидуализированные программы по их предупреждению и устранению.

Кроме того, считаем необходимым вести постоянный мониторинг за речевой деятельностью юристов, осуществляемый как непосредственно, например, в ходе прямых контактов со специализирующимся в этом направлении психологом, так и с использованием инструментов компьютерной лингвистики. В качестве рекомендаций следует указать на возможность организации специальных кабинетов для проведения этих мероприятий, что решит еще одну важную задачу – этическую, поскольку позволит проводить речевую диагностику с сохранением права человека на личное пространство.

Итак, выявление симптомов профессионального выгорания по маркерам в речи поможет вовремя обнаружить это опасное состояние и принять соответствующие меры. Регулярно проводимые специалистами профилактирующие мероприятия по поддержанию психоэмоционального благополучия юристов не только укрепят профессиональное здоровье представителей указанной сферы, но и будут способствовать эффективному функционированию всего государственного института права в целом.

Литература

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т.1 / И.А. Бодуэн де Куртенэ. М.: Издательство АН СССР, 1963. 384 с.

Маслова А.В. Учение И.А. Бодуэна де Куртенэ о природе языка и его сущности / А.В. Маслова // Филология и культура. Philology and culture. 2015. №2(40). С. 76–79.

Хомутова Т.Н. И.А. Бодуэн де Куртенэ и современная интегральная парадигма описания языка / Т.Н. Хомутова // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: V Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 12–15 окт. 2015 г.): тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. Т.1. С. 341-343 с.

Современный русский язык в интернет-коммуникации казанцев: на примере комментариев социальной сети «ВКонтакте»

*интернет-дискурс, русский язык, ВКонтакте, социальная сеть
комментарии, публикации*

Стремительное развитие технологий и появление новых возможностей, позволяющих в режиме онлайн получать и передавать информацию, послужили появлению разноаспектных лингвистических научных работ. Особый интерес у ученых вызывает адаптация норм русского языка к коммуникативным ситуациям в современных социальных сетях.

Известно, что социальная сеть «ВКонтакте» (ВК) является одной из самых популярных площадок российского интернет-дискурса. ВК используют жители практически всех городов нашей Родины. Внимание авторов остановлено на фонетико-графических, лексических и синтаксических особенностях интернет-текстов казанцев. Материалом послужили комментарии жителей города Казани, написанные как ответ-реакция на публикации, размещенные в сообществах «ВКазани Поймут | Казань» и «КАЗАНЬ | Народные новости»; всего было отобрано более 560 комментариев.

Анализ комментариев позволил выявить следующее.

1. Тенденция к фонетизации письма – «кодированию устных параметров речи» [Барышева 2021, 2: 36]. В целом, фонописьмо типично для всего интернет-общения. Различными графическими способами компенсируется отсутствие некоторых сегментных и суперсегментных единиц. Так, наиболее частотно звукописание слова, или фиксация слова в его разговорном варианте (орфография и пунктуация сохранены): «Чё там у вас в авиастрое творится вечно?», «Ну чето я не заметила сильных морозов зимой)))», «Щас бы в 21 веке чел-а по одежке судить...».

Громкость голоса воспроизводится с помощью регистра – использования клавиш «Shift» и «Caps». Написание слов и предложений заглавными буквами может восприниматься как крик:

– **ВЫ НЕ ПОНИМАЕТЕ ЧТО ЛИ, ЧИТАЙТЕ ВНИМАТЕЛЬНЕЕ! Я ВЫШЕ ПОДРОБНО ОПИСАЛА**

– *А вы не орите и пишете нормально, тогда и людям понятнее будет.*

Слоги передаются с помощью графического членения языковых единиц: *«Все-го хо-ро-ше-го»!* Интонационное и/или логическое выделение так же, как и громкость, – посредством прописных букв: *«вы правы, я ИМЕННО ЭТОГО и хотела».*

Тембр голоса и эмотивную составляющую можно определить с помощью соответствующих графических символов – эмотиконов, стикеров, поликодовых изображений, скобок [Ахренова 2018: 130], где «)» – «легкая улыбка», «))» – «широкая улыбка», «)))» (три и более) – «смех», «(» – «легкая грусть», «((» – «печаль», «(((» – более глубокие отрицательные эмоции.

2. Основную часть слов в комментариях очевидно составляет общеупотребительная лексика с экспрессивной окраской, характеризующаяся большей или меньшей сниженностью.

На уровне лексики отмечено значительное количество слов и выражений, относящихся в научной литературе к так называемому «сетевому сленгу»/ «сетевому жаргону» [Су 2025, 2: 498], заимствованных из английского языка, но измененных по правилам русского склонения и словообразования: *«дилулище полнейшее»* (от англ. delusional – заблуждающийся), *«хейтеры понаехали»* (от англ. hater – ненавистник, человек, выражающий ненависть), *«пруфы предъявите»* (от англ. proof – доказательство), *«краш, всегда все делает на благо народа»* (от англ. crush – объект обожания).

Отличительной чертой «казанского» комментария является билингвальность, вкрапление в русскую речь татарских языковых единиц, чаще всего разговорных: *«ну что делать инде»* (тат. уж), *«Алла бирса наши дети будут счастливы»* (тат. дай Бог). Отдельно стоит отметить коннотативные «народные» наименования казанских мест и достопримечательностей: *сковородка* – круглая площадка напротив главного здания Казанского федерального университета, *жилка* – сокращенное название микрорайона «Жилплощадка».

3. Синтаксис разговорного интернет-дискурса казанцев схож с устной разговорной речью. В первую очередь замечаются эллиптические предложения:

- пропуск дополнения-существительного (*«Я маме подарила с вб, ей нравится»* (про кухонный сервис, заказанный на маркетплейсе));

- пропуск глагольного сказуемого (*«Попробуйте столкнитесь с этим, тоже все в себе будете»* (уйти в себя, замкнуться));

- пропуск союза при подчинительной связи (*«Абика всегда говорила, нужно помогать нуждающимся и добро вернется»* (пропуск союза «что»));

- подмена наименований, признак вместо предмета (*«Этот умник-разумник везде где не надо»*)» («умник-разумник» вместо «человек»)).

Таким образом, в условиях неформальной, неофициальной коммуникативной ситуации «публикация – комментарий» письменная речь казанцев тяготеет к устной. Особенно это проявляется на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Литература

Ахренова Н.А. Доминанты современной интернет-лингвистики: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Н.А. Ахренова. Мытищи, 2018. 363 с.

Барышева С.Ф. «Устно-письменная» форма речи в интернет-коммуникации как проявление тенденции к разговорности и диалогичности / С.Ф. Барышева // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 2. С. 34–47.

Су Х. Неологизмы как маркеры новых стандартов межличностных отношений (на материале русского и китайского сетевого сленга) / Х. Су // Мир науки, культуры, образования. 2025. №2 (111). С. 497–501.

**Расширение фразеологизма
как способ метафоризации медиатекста**

*фразеологическая единица, метафоризация,
фразеологическая трансформация*

Фразеологическая единица (ФЕ) является одним из популярных языковых средств реализации экспрессии медиатекста. Несмотря на свою устойчивость, структурно-семантические особенности, заключающиеся в узнаваемом паттерне и в стабильном, легко считываемом носителем языка значении, предоставляют авторам медиатекстов широкий простор для реализации своего словотворческого потенциала. В данной статье внимание уделено такому результату словотворческой модернизации ФЕ как расширение ее в контексте. Контекстуальное расширение ФЕ «приводит к фразеологическому насыщению контекста, помогает образно и эмоционально передать дополнительную информацию» [Арсентьева 2006: 88]. Современный русско- и англоязычный медиадискурс активно внедряет расширение ФЕ в газетные тексты. Обратимся к примерам из газетных статей, публикуемых в онлайн изданиях «Аргументы и Факты»; «Коммерсантъ»; «The Guardian» в период 2020–2025 гг.

Довольно продуктивной в плане потенциала к контекстуальному расширению оказывается ФЕ *зарыть талант в землю*. Авторы онлайн-издания «Аргументы и Факты» реализуют расширение следующим образом: «...счастливо сжимающий в кулаке свои *таланты*, которые так легко *зарыть в землю*»; «Мосфильм полон холмиков, и в этих холмиках *зарыты* несостоявшиеся *таланты*»; «И если хоть один *талант* человек получил, он должен отдать его с процентами, сторицей, а не *зарыть* его» (Аргументы и Факты). Данные контексты позволяют идентифицировать узуальный фразеологизм, а потому содержат узуальную оценочную нагрузку. В то же время распространение ФЕ, функционирование ее как свободного сочетания слов придает контекстам определенный уровень образности и метафоричности.

Издание «Коммерсантъ» представляет в какой-то степени чрезмерно образный и метафоризированный вариант ФЕ *коня на скаку остановит (в горящую избу войдет)*. «...шоу с конями, осуществляемое теми же демонстративно дородными (и даже демонстративно детородными), воплощающими все самые смелые предположения о самих себе *женщинами*, которые, конечно, могут не только *остановить*

на скаку коня, а, кажется, и ось земную, если вздумается, повернуть вспять (тем более если ось зла, а она сейчас зла как никогда)». Образ женщины, останавливающей коня на скаку, представленный Н.А. Некрасовым, в данном контексте является излишне гиперболизированным. Некая «могучесть» женщин представляется как через описание физических качеств, так и через перечисление их образных «возможностей». Игра слов придает контексту определенную комичность, поэтому можем предположить попытку автора изменить узуальную семантику используемой в контексте ФЕ. Отдельно отметим, что включение крылатого выражения в представленную работу кажется нам оправданным в связи с признанием широкого подхода к определению ФЕ.

Онлайн-платформа «The Guardian» представляет следующий пример расширения контекста с последующей трансформацией ФЕ: «We went from being *big fish in a small pond* to *frogspawn* in the ocean». Противопоставление в представленном контексте частично буквализирует значение ФЕ за счет дополнительной образности выражения, а значит, ведет к трансформации межмодельного характера [Давлетбаева 2012] для реализации метафоризации контекста. Та же платформа представляет расширенный контекст ФЕ *one's bark is worse than one's bite* в следующем отрывке: «...a loose unit whose *bite is sharp* and whose *bark is even worse*». Помимо позиционной трансформации узуальной ФЕ, приведшей в результате к изменению семантики, ее распространение дополнительным контекстом представляет определенный уровень образности и метафоричности текста.

Таким образом, с помощью распространения ФЕ в контексте медиатекстов авторы могут придать дополнительную образность тексту, выразить свою оценку и даже транслировать определенный уровень комичности исключительно за счет качественного и правильного использования языковых средств.

Литература

Арсентьева Е.Ф. Расширенная метафора и фразеологический каламбур как действенные средства семантического преобразования фразеологических единиц английского и русского языков / Е.А. Арсентьева // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №2. С. 84–89.

Давлетбаева Д.Н. Индивидуально-авторская фразеология: вызов времени и объективация в языке (на материале русского, английского, французского и турецкого языков) / Д.Н. Давлетбаева. Казань: Отечество, 2012. 335 с.

Интертекстуальность в современном медиадискурсе

медиадискурс, интертекстуальность, электронные СМИ

В условиях тотальной цифровизации основным каналом распространения информации становятся электронные форматы. Медиадискурс стремительно эволюционирует вместе с развитием сетевых платформ и публикаций в Интернете; при его анализе необходимо учитывать экстралингвистические факторы.

Интертекстуальность связывает фоновые знания носителей культуры с новыми смыслами, вводимыми через текстовые вкрапления (цитаты, аллюзии, реминисценции). Под интертекстуальностью далее понимается «взаимодействие текста с семиотической культурной средой...» [Постмодернизм 2001: 399]. Концепт сформировался как результат переосмысления интерсубъективности в постструктуралистской философии [Кристева 2004: 166]. Независимо от внешней реальности на автора воздействует уже созданная литература, «живущая» в его сознании и ведущая постоянный «внутренний диалог», что влияет на письмо и языковое выражение производного текста [Бахтин 1924: 196]. До терминологического оформления понятия в лингвистике доминировала идея диалогизма: любой автор находится в диалоге с культурой прошлого и настоящего [Кристева 2004: 438-465].

Возникает исследовательский вопрос: как актуальные включения, отсылающие к текущим событиям и реалиям, взаимодействуют с аудиторией, если опорный текст ещё не стал прецедентным? В данной статье мы предлагаем ответ на этот вопрос.

Включения, относящиеся к текущей действительности, взаимодействуют с аудиторией, читающей новое произведение на основе еще не ставшего прецедентным текста, через несколько ключевых механизмов. Скольжение образов от одного к другому (по Барту) изучает семиология, или семиотропия (по Барту) [Барт 1989: 299]. Семиотропия рассматривает вспышки образов, с чем связано и наше исследование интертекстуальных вкраплений, а именно образов, которые они последовательно формируют и задают дискурс. Формирование ожиданий читателя – это один из компонентов, предусматриваемых автором при создании любого текста, в особенности – публицистического со своей характерной прагматикой дискурса. Включение цитат делает выступления говорящего более убедительными [Аристотель 2000: 230], ведь он

ссылаются на известные авторитетные, получившие подтверждение источники. Но интертекстуальные вкрапления, еще не нашедшие своего постоянного читателя, конкретную понимающую аудиторию, повышают роль отсылок в современном медиадискурсе, характеризуясь новизной. В данной связи нами выделены факторы, которые делают текст уникальным благодаря неустоявшимся в сознании людей интертекстам:

1) релевантность коммуникативной ситуации жизни читателя: аудитория видит отражение современного положения дел (социальные проблемы, культурные тенденции, изменения в технологическом развитии, политические события и др.), подкрепляя чувство связи с жизнью и опытом, формируя больше доверительного отношения к источнику, приближение или приравнивание личного мнения к авторской позиции в тексте;

2) внедрение в контекст обывателя новых интертекстам как вспомогательных инструментов: современные включения могут служить «мостом», предлагая знакомые точки отсчета, которые помогают аудитории понять темы, персонажей или внетекстовые компоненты на основе усвоенной языковой реальности реципиента;

3) преемственность связей временного континуума: благодаря интертекстам поколение старшего возраста приспосабливается к новой коммуникативной реальности, насыщенной информационным потоком, но обобщаемым яркими примерами современных интертекстов благодаря специфике медиадискурса «в массы»;

4) формирование новой экзистенциальной опоры: элементы текущей реальности могут предложить критическую призму для переосмысления тем исходного текста (аспекты человеческой природы или социальных структур, показывая, как они проявляются в современном мире).

5) гипертекстуальность: ожидаемая интерпретация текста у автора и читателя могут и не совпадать, что создает резонанс, критическое осмысление и порождение все новых смыслов, а значит и обыденных в обществе интертекстов, закрепляемых за определенным периодом освоения действительности.

В частности, необходимо отметить, что интертекстуальные вкрапления в современном медиапространстве имеют и ряд недостатков:

– актуальность той или иной интертекстымы может быть недолгой. Сознание аудитории определяет, что «приживется», а что не получит дальнейшего развития. Информация в стремительно меняющемся мире имеет «срок годности», и чем он больше, тем выше скорость устаревания знаний, тем больше затрудняется восприятие произведения для будущих поколений.

– при отсутствии баланса в соотношении текущих сведений и интертекстуальных связей существует риск превратить новое произведение в комментарий о текущих событиях, а не в его интерпретацию.

– аудитория также может ошибочно истолковать намерение автора, воспринимая новое произведение исключительно как современную сатиру или комментарий, игнорируя вклад исходного текста.

Риск состоит в том, что читатели могут чрезмерно проецировать свою текущую реальность на интерпретацию, искажая тонкие нюансы или первоначальное послание (пусть и малоизвестного) исходного текста. Внимание аудитории может быть полностью поглощено современными отсылками, и она не сможет в полной мере погрузиться в уникальный нарратив нового произведения или исследовать глубину исходного материала.

Таким образом, в современном обществе важнейшим транслятором информационного потока были и остаются средства массовой информации. Со времен цифровизации возрастает роль медиадискурса, заключающегося в передаче сообщения посредством электронных средств. Но передача информации всегда полностью или отчасти обусловливается имеющимся опытом, прецедентными текстами, получившими отклик в ассоциативно-когнитивном мышлении людей. Поэтому добавления или интертекстуальные вкрапления в текст медиадискурса оказывают влияние на восприятие читателя с учетом уже усвоенного опыта, доступного его пониманию.

Медиадискурс реализуется в газетах, журналах, новостных сообщениях сети Интернет и др. От интерпретации прецедентного текста, представляющего интертекстуальные включения в текст медиадискурса, зависит общее мнение о заложенном смысле в воспринятом тексте.

Управление информацией в СМИ отличается культурным, идеологическим и маркетинговым подходом. Посредством СМИ закладываются концепты, формирующие языковую картину мира. Данные подходы лежат в основе экстралингвистических факторов дискурса СМИ, или медиадискурса. Стил ь данного дискурса следует отнести к публицистическому, поскольку медиадискурс характеризуется:

- 1) направленностью на читателя, его информирование;
- 2) вниманием, уделяемым социально значимым вызовам общества;
- 3) эмоциональным (моделирующим) воздействием (жанры: репортажи, очерки, новости и др.);
- 4) широким охватом стилей речи для воссоздания социальной реальности;
- 5) формированием концепта и его комбинаций;

6) опорой на ассоциативные связи фактов, понятий, прецедентные тексты;

7) выстраиванием единой идейной линии, стиля, поддержанием определенной идеологии;

8) учетом неоднородности публики и ориентиром на публикацию «в массы».

Включения из текущей действительности в новом произведении, основанном на не прецедентном тексте, служат основным «якорем» для установления актуальности и обеспечения понимания. Они помогают сделать произведение доступным и значимым для современной аудитории, но при этом требуют особого баланса использования языковых средств во избежание искажений.

Литература

Аристотель. Поэтика. Риторика. Азбука, 2000. 347 с.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт. Москва: Прогресс, 1989. 616 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. Москва: Искусство, 1986. 445 с.

Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева; пер. с франц. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 656 с.

Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 1040 с.

Проблемы обучения русскому языку в русско-шорских классах

*русский язык, шорский язык, лингвистическая компетенция,
билингвизм, сравнительно-сопоставительный подход,
принцип учета родного языка*

Языковая политика Кемеровской области – Кузбасса четко следует принципам бережного сохранения и развития языкового и культурного разнообразия, опираясь на эффективную деятельность сообществ, которые находятся в постоянном поиске содержания, подходов и форм сохранения родного шорского языка, а также создания эффективной учебной деятельности нового поколения.

Языковая ситуация в Кемеровской области – Кузбассе относительно шорского языка достаточно сложная и характеризуется следующими аспектами:

Положение языка: шорский язык – это язык, относящийся к тюркской группе языков, на котором говорят шорцы, коренной народ Кемеровской области в России. Шорский язык находится под угрозой исчезновения. На данный момент на нем говорит небольшое количество людей, и с каждым годом число носителей уменьшается.

Культурное возрождение: в последние годы наблюдается интерес к возрождению шорского языка, литературы и культуры. Проводятся курсы, фестивали и проектные инициативы, направленные на поддержку и распространение языка среди подрастающего поколения.

Образование: в некоторых школах Кемеровской области есть возможность изучать шорский язык как учебный предмет и предмет во внеурочной деятельности. Однако его преподавание ограничено и не во всех образовательных учреждениях это возможно.

Таким образом, несмотря на наличие ограниченных возможностей для изучения шорского языка в образовательных учреждениях Кемеровской области, можно смело заявить о зрелости методической мысли в области обучения шорскому языку, о высоких результатах учебно-методической, образовательной, культурно-просветительской и научно-исследовательской деятельности. Сегодня педагогическое сообщество учителей шорского языка делает решающие первые шаги в сторону науки с целью теоретически доказать и практически разработать новую методическую систему обучения государственному русскому языку с опорой на родной шорский язык, художественную литературу, фольклор и героический эпос шорского народа.

В комплексную систему обучения детей шорской национальности входят и современные социально-информационные проекты, в основе которых лежит опора на родной язык при формировании контента медиасреды. Данная система основана на сравнительно-сопоставительном подходе в обучении русскому языку и общедидактических, частно-методических принципах, в том числе и учета/опоры на родной язык при формировании ключевых компетенций у учащихся. Этот подход предполагает организацию учебного процесса с учетом тех знаний и умений, которые ученики уже накопили на своем родном языке [Азимов 2009: 219].

Что касается обучения русскому языку учащихся в русско-шорских билингвальных классах, практический опыт доказывает, что освоение нескольких языков помогает учащимся гораздо лучше понимать их грамматические и системные особенности [Чепсаракова 2024: 76].

Опираясь на родной язык (шорский) в процессе обучения русскому языку и активно применяя аналитические виды деятельности, такие как опознание, различение, анализ и доказательство, учащиеся, вовлечённые в сопоставительный анализ, не только осваивают правила и структуры русского языка, но и развивают критическое мышление, навыки аргументации и способность выявлять взаимосвязи между различными аспектами языка. Все эти факторы в совокупности способствуют более глубокому и осмысленному освоению системных лингвистических знаний. Нами предлагается методическая система дополнительных упражнений и заданий, где происходит интеграция изучения грамматической темы с сопоставлением его в русском и родном (шорском) языке учащихся. Процесс формирования лингвистической компетенции рассредоточен по времени и по всему содержанию учебного материала и включает в себя лингвистические задачи, проблемные вопросы, задания аналитического, аналитико-синтетического характера, в том числе и в занимательной игровой форме.

В качестве примера: при изучении одного из ключевых разделов русского языка, а именно фонетики, нами предлагается разнообразный игровой материал, включая ребусы, «рассыпанные» слова, «цепочки» слов, скороговорки и другие формы. Основная цель использования игрового материала заключается в формировании у детей интереса к сопоставлению контактирующих языков, а также в содействии развитию их речевых навыков и мышления. Основные приемы и упражнения обучения буквам и звукам: повторение звука, чтение слова в транскрипции, транскрибирование, определение количества букв и звуков в слове, зависимость звука и значения слова, лингвистические игры с буквами, ребусы, фонетические разминки, письменные задания.

Примеры лингвистических игр с буквами и звуками: ребусы, «Измени слово», «Найди спрятанные слова», «Найди лишнее слово» и

другое. На начальном этапе используются задания на понимание роли в контактирующих языках мягких и твердых гласных и согласных на письме и в речи, делается вывод о разнице и соотношении звучания и написания, особенностей употребления тех или иных звуков и букв. Работа строится по принципу наблюдения за языковым явлением: «прочитай, подумай, почему, чем отличается, в каких случаях пишется, так или иначе, сделай вывод».

Отдельного внимания на уроках русского языка в билингвальных русско-шорских классах заслуживают задания и упражнения из раздела «Морфология». В данном разделе учащиеся сталкиваются с аналогичными языковыми явлениями и различиями в категориях рода, одушевленности и неодушевленности, падежной системе, определении частей речи и другое. В системе языка, привычной для русскоязычных детей, существует три рода, в то время как в шорском языке, как и в других тюркских языках, категория рода отсутствует. В связи с этим при изучении слов-признаков принципиально важным становится ограничение постановки вопросов только вопросом 'қайдығ?' (какой?). Подобная трудность также возникает при знакомстве с категорией одушевленности/неодушевленности, что подчеркивает значимость учета родного языка на данном этапе обучения.

В заключение стоит подчеркнуть, что предложенные специальные упражнения и задания по всем разделам учебного предмета «Русский язык» для 5 класса, основанные на знании учащимися своего родного (шорского) языка, демонстрируют значительный потенциал сравнительно-сопоставительного подхода в обучении русскому языку. Эти задания способствуют сравнению двух языковых систем, что, в конечном счете, способствует осознанию роли родного (шорского) языка в развитии ключевых компетенций школьников. В этом контексте родной язык выступает в качестве вспомогательного и обогащающего инструмента, что, в свою очередь, может способствовать замедлению процесса его исчезновения.

Литература

Чепсаракова Н.И. Апшақ – медведь, үгү – филин, аңчы – охотник... Формирование у школьников лингвистической компетенции в билингвальных русско-шорских классах общеобразовательной школы / Н.И. Чепсаракова // Воспитание школьников. 2024. № 4. С. 71–80.

Трансформация семантического поля «чистота» в русском языке: диахронический анализ и влияние интернет-дискурса

*семантическое поле, интернет-дискурс, чистота,
диахронический анализ, корпусная лингвистика,
семантические изменения*

В условиях цифровизации языковые представления о чистоте претерпевают существенные изменения. В интернет-коммуникации возникают новые смыслы, отражающие социокультурные трансформации, затрагивающие как человека, так и язык в целом [Караулов 2010: 115; Шумкина 2016: 42]. При этом базовые значения слова сохраняют свою актуальность, обогащаясь новыми смысловыми оттенками, соответствующими современным реалиям. Процесс семантической эволюции отличается постепенностью и системностью, что обеспечивает преемственность языковых значений [Кобозева 2000: 278].

Исторически семантическое поле «чистота» в русском языке включало не только бытовые, но и сакральные, моральные, а в более поздние периоды — политические и технологические аспекты [Ильичев 1983: 784]. Реконструкция поля на основе данных Словаря В.И. Даля [Даль 1978, 4: 603-604] и текстов конца XIX века показывает доминирование сакрально-нравственной составляющей. Значения, связанные с «угодностью Богу», «свободой от скверны» и «духовной непорочностью», составляли значительную часть употреблений. Физическая чистота и гигиена, хотя и присутствовали, были менее акцентированы в общественном дискурсе, а технологические и экологические значения практически отсутствовали.

В советский период произошла радикальная перестройка семантического поля. Данные БАС [Чернышев 1965, 17: 1458-1462] и корпуса советской публицистики свидетельствуют о резкой актуализации идеологической семантики, такой как «чистота партийных рядов» в значении политической благонадежности, и гигиенической составляющей, пропагандируемой как залог здоровья. Религиозные значения были маргинализированы и вытеснены на периферию. Появились новые компоненты, включая научно-технический («чистота эксперимента») и экологический («чистый воздух», «чистая вода»). Таким образом, ядро поля сместилось в сторону социально-гигиенических и идеологических значений.

Постсоветский период характеризуется относительным ослаблением идеологической составляющей, дальнейшим развитием экологической семантики и появлением экономических значений, таких как «чистая прибыль». Начало активного развития интернета в России в 2000-е годы подготовило почву для новейших трансформаций, наиболее ярко проявившихся в последнее десятилетие.

Интернет-дискурс служит не только платформой для трансформации семантического поля, добавляя новые значения, но и средой для переосмысления традиционных концептов [Рахилина 2010: 88]. Семантическое поле «чистота», отражающее фундаментальные культурные ценности, претерпело значительные изменения в XIX–XX веках под влиянием научно-технического прогресса, социальных потрясений и культурных преобразований. Однако его ядро, связанное с морально-религиозными и гигиеническими аспектами, сохранило свою сущность, адаптируясь к новым условиям.

В современном языке понятие «чистота» включает как традиционные значения, устоявшиеся на протяжении веков, так и новые, возникшие под влиянием изменений в системе ценностей и новых веяний. Анализ интернет-дискурса позволяет утверждать, что именно он стал ключевым фактором качественных изменений в структуре поля «чистота» за последние 10–15 лет [Савчук 2024: 25].

Наиболее ярким проявлением трансформации, инициированной интернет-дискурсом, является формирование цифрового микрополя в рамках общего семантического поля «чистота». Оно включает лексические единицы и устойчивые выражения, связанные с информационными технологиями и киберпространством, такие как «чистый код» (clean code), обозначающий ясный и простой программный код, «цифровая гигиена» (digital hygiene) как совокупность практик по обеспечению безопасности цифровых данных, «чистые данные» (clean data), свободные от ошибок и дубликатов, и «чистый контент», не содержащий агрессии или дезинформации. Также формируются новые антонимические пары, например, «чистый файл» противопоставляется «зараженному файлу», а «чистый трафик» — «бот-трафику».

Эти неологизмы и термины, активно используемые в профессиональных и околопрофессиональных сегментах интернет-дискурса, значительно расширили периферию поля «чистота» и начали оказывать влияние на его ядро. Метафоры цифрового мира, такие как «вирус», «заражение» и «очистка кеша», проникают в быденный язык, придавая новые оттенки традиционным понятиям [Стернин 2011: 134]. Частотность этих единиц в интернет-дискурсе последнего десятилетия, по данным НКРЯ [Савчук 2024: 28], демонстрирует устойчивый рост, что подтверждает их активное вхождение в языковую систему.

Проведенный диахронический анализ, основанный на теории семантических полей и корпусных данных [Савчук 2024: 19-22], позволяет конкретизировать ключевые трансформации, произошедшие под влиянием российского интернет-дискурса в последние годы. Во-первых, наблюдается редукция сакрально-нравственного компонента в ядре поля: религиозные и морально-абсолютные коннотации «чистоты» значительно ослабли в частотности и переместились на периферию. Во-вторых, актуализируется и расширяется экологическая семантика: значения, связанные с чистотой природы, воды и воздуха, стали одним из доминирующих компонентов ядра, во многом благодаря механизмам интернет-дискурса, таким как хештег-активизм и виральный экомаркетинг. В-третьих, формируется цифровое микрополе, включающее новые значения, связанные с ИТ и киберпространством. В-четвертых, происходит гибридизация смыслов: интернет-дискурс, используя инструменты, такие как хештеги и мемы, создает гибридные смысловые пространства, объединяющие экологию, политику, бизнес и технологии вокруг концепта «чистоты». Наконец, изменяются антонимические отношения: наряду с традиционной парой «чистый/грязный» формируются новые оппозиции, отражающие цифровые реалии.

Таким образом, интернет-дискурс выступает не пассивным отражателем изменений, а их активным агентом и катализатором, создающим уникальную среду для формирования и распространения новейших смысловых трансформаций [Караулов 2010: 201; Шумкина 2016: 48; Рахилина 2010: 95]. Дальнейшие исследования могут быть направлены на детальный количественный анализ частотности и коллокаций в различных подкорпусах НКРЯ [Савчук 2024], а также на сравнительный анализ трансформаций других базовых концептов в интернет-дискурсе.

Проведенное исследование показывает, что семантическое поле «чистота» в русском языке претерпело значительную эволюцию, кульминацией которой стали трансформации под влиянием интернет-дискурса в последние 10–15 лет. Интернет-дискурс выступил активным агентом и катализатором изменений. Сравнительный диахронический анализ на основе данных НКРЯ позволил выявить ряд ключевых трансформаций: редукцию сакрально-нравственного компонента в ядре поля, актуализацию и экспансию экологической семантики, формирование цифрового микрополя, гибридизацию смыслов и изменение антонимических отношений. Современный российский интернет-дискурс является мощным фактором семантической динамики, обеспечивающим не только появление новых единиц, но и структурную перестройку традиционных семантических полей.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. Москва: Русский язык, 1978–1980.

Ильичев Л.Ф. Философский энциклопедический словарь / Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. Москва: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. Москва: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. Москва: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. Москва: Русские словари, 2010. 416 с.

Савчук С.О. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития / С.О. Савчук, Т.А. Архангельский, А.А. Бонч-Осмоловская, О.В. Дониная, Ю.Н. Кузнецова, О.Н. Ляшевская, Б.В. Орехов, М.В. Подрядчикова // Вопросы языкознания. 2024. №2. С. 7–34.

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / АН СССР; гл. ред. В.И. Чернышев. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

Стернин И. А. Практическая риторика в объяснениях и упражнениях для тех, кто хочет научиться говорить / И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2011. 169 с.

Шумкина И.В. Введение в теорию коммуникации: учебное пособие / И.В. Шумкина. Самара: Издательство Самарского университета, 2016. 60 с.

Онтологическая метафора в китайских и русских фразеологизмах

*фразеологизм, метафора, онтологическая метафора,
персонификации, метафора вместилища*

Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют три типа метафор: онтологическую, ориентационную и структурную. Опыт обращения с материальными объектами (особенно с собственным телом) создает основу для исключительно широкого разнообразия онтологических метафор, т.е. способов восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т.п., как материальных сущностей и веществ [Лакофф 2004: 49]. Она включает два основных вида: персонификацию и метафору вместилища. В данной статье обсуждается онтологическая метафора и её типы на примерах китайских и русских фразеологизмов. Персонификация – это прием олицетворения, при котором объект (включая неодушевлённые предметы, живые существа, мысли или абстрактные понятия) наделяется человеческими чертами, внешностью, характером или эмоциями.

Обратимся к китайским примерам: *天道酬勤* [Ван Синго 2016: 1259] ‘природный закон или судьба вознаграждает трудолюбивых – старания и усердие непременно принесут плоды’: природный закон представляется в виде человека, имеющего право награждать; *造化弄人* [Ван Синго 2016: 1745] ‘судьба играет человеком – непредсказуемость судьбы’: судьба изображается как человек, который может играть с чем-нибудь; *百花争艳* [Ван Синго 2016: 32] ‘сотня цветов соперничают в красоте – цветы поражают разнообразием своих красок и форм’: цветы персонифицируются через глагол «соперничать».

Обратимся к русским примерам: *совесть заговорила* [Федоров 2008: 640]: совесть олицетворяется как человек, способный заговорить; *счастье улыбается*: счастье олицетворяется через глагол «улыбается»; *душа лежит* [Федоров 2008: 215]: олицетворение достигается за счёт глагола «лежит»; *время работает*: олицетворение создаётся с помощью глагола «работает», описывающего человеческую деятельность; *ветер свистит в ушах* [Федоров 2008: 99]: свистеть – глагол «свистит» по отношению к ветру является олицетворением.

Метафора вместилища рассматривает объекты, места, тела и даже абстрактные понятия как вместилище, имеющее пространственные сущности: внутреннюю часть, границы и внешнюю область. Эта

метафора позволяет осмысливать абстрактные концепции и отношения через физически ограниченное пространство с чётким разделением на внутреннее и внешнее.

Рассмотрим китайские примеры: *置之度外* [Ван Синго 2016: 1086] 'оставит что-нибудь за пределами своих расчётов – человек не обращает внимания на личную выгоду': рассматриваются «свои расчеты» как вместилище, из которого что-то исключается; *满腹经纶* [Ван Синго 2016: 796] 'знаниями наполнен желудок': желудок рассматривается как вместилище, которое может быть наполнено знаниями; *置身事外* [Ван Синго 2016: 1806] 'поставить себя вне обстановки – уклоняться от ответственности': обстановка рассматривается как вместилище, вне которого можно находиться.

Рассмотрим русские примеры: *выйти из себя* [Федоров 2008: 126]: человек рассматривается как вместилище, в которое можно войти или из которого можно выйти; *прийти в голову* [Федоров 2008: 530]: голова как часть организма также может служить вместилищем, в которое что-то может прийти; *влезать в душу* [Федоров 2008: 81]: душа, как абстрактное понятие, представляется вместилищем, в которое можно влезть.

Как видно из приведённых примеров, в китайских и русских фразеологизмах используются персонификация и метафора вместилища для преобразования абстрактных или конкретных понятий в более доступные образы, что позволяет воплотить значение фразеологизмов в наглядной форме. Таким образом, в рамках онтологической метафоры воспринимаются абстрактные концепции – такие как мышление, эмоции, события, состояния – воспринимаются как конкретные и материальные сущности. Это позволяет их обсуждать, оценивать и выявлять их характеристики.

Литература

Ван Синго. Большой словарь китайских фразеологизмов / Синго Ван. Пенкин: Sinolingua. 2016. 2035 с.

Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. Москва: УРСС, 2004. 252 с.

Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц / А.И. Федоров. Москва: АСТ: Астрель, 2008. 878 с.

Образ Ю.А. Гагарина в документальной прозе «Вижу Землю...» (лингвокультурный аспект)

*русский язык, образ Ю.А. Гагарина, лингвокультурология,
документальная книга, языковые средства*

Документальная книга «Вижу Землю...» написана Ю.А. Гагариным после полёта в космос и адресована детям, подрастающему поколению советских школьников. В ней Ю.А. Гагарин рассказывает о своём детстве, годах учёбы, первом лётном опыте, о ежедневных тренировках в отряде космонавтов, о первом полёте в космическое пространство. Полиграфическое издание книги интересно тем, что в нём представлено два образа Ю.А. Гагарина: первый – образ живого, весёлого, ироничного, искреннего и доброго, любящего детей человека; второй – мифологизированный образ человека идеального, каким он должен быть в представлении старшего поколения. Первый образ раскрывается собственно в рассказе Ю.А. Гагарина о себе, второй – в подписях к фотографиям и воспоминаниях товарищей первого космонавта. Обращение к теме обусловлено интересом к стилистическим средствам воплощения лингвокультурного типажа [Карасик 2004; Карасик 2005] советского космонавта в текстах разных типов и жанров. Цель исследования – выявить ключевые ценностные ориентиры советской эпохи, в концентрированном виде представленные в книге для детей.

Представление о космонавте как необычном человеке появляется уже в первых строках рассказа, в которых передаётся недоверие детей, что «совсем-совсем обыкновенный мальчик превратился в космонавта» [Гагарин 1968: 6]. Всё повествование в книге – это стремление показать, что героями не рождаются, героями становятся благодаря настойчивости, помощи друзей, целеустремлённости и вере в великую идею. Речевой портрет Ю.А. Гагарина раскрывается в использовании целого ряда лингвостилистических средств. Так, рассказывая о своих беседах с детьми, автор использует уменьшительно-ласкательное слово глазёнки («Отвечаешь, рассказываешь о полете, а у некоторых в глазенках что-то вроде недоверия» [Гагарин 1968: 6]), словно улыбаясь детской искренности и непосредственности. Весёлый нрав и ирония проявляются в строках, высмеивающих слухи о предках-космонавтах («Я от души смеялся, когда узнал, что за границей кто-то распустил слух, будто я происхожу из знатного рода князей Гагариных, которые до революции владели дворцами и крепостными крестьянами...»). При

оценке людей и событий в речи Ю.А. Гагарина используются устойчивые словесные комплексы: золотые руки у Алексея Гагарина!; у отца спорилась любая работа; [мама казалась] неисчерпаемым источником жизненной мудрости (о родителях); пришлось испытать немало горя и нужды; на счету был каждый кусок хлеба (о испытаниях в годы войны и послевоенное время); сам погибай – товарища выручай (о дружбе и взаимопомощи); неудержимой тяги в небо, тяги к полетам; нужно упорно изучать теорию, овладевать практическими навыками; продолжаем ежедневно работать в классах и лабораториях, передавая опыт своей смене (о профессии лётчика-космонавта); чуть было не уклонился от избранного жизненного пути; кузнецы нашего счастья – это мы сами; перед судьбой не склоняй головы (о жизненных испытаниях) [Гагарин 1968: 7–10].

Книга «Вижу Землю...» Ю.А. Гагарина адресована детям и по жанру близка к беседе, ответам на часто задаваемые вопросы, поэтому в тексте преобладают простые предложения с прямым порядком слов и рядами однородных членов предложения, особенно при описании профессии космонавтов и тренировочных будней (Мы изучали основы ракетной и космической техники, конструкцию корабля, геофизику, астрономию, медицину; Гимнастику сменяли игры с мячом, прыжки в воду с трамплина, велосипед), сложной космической техники (В кабине расположены аппараты и системы, обеспечивающие нормальные условия жизни и работы космонавта: температуру воздуха, влажность, содержание кислорода и так далее). Присутствуют в тексте и эмоционально-окрашенные конструкции: вопросительные и восклицательные предложения («Раз живое существо уже поднялось в космос, – подумал я, – почему бы не полететь туда человеку?»; Как мой тогдашний проект не похож на «Восток-1», с борта которого через пять лет я увидел Землю из космоса!), градация (Так шла, бежала, летела вперед жизнь). Не случайно в книге обыгрывается этимология слова пионер («разведчик», «исследователь», «первый пролагающий дорогу»; Мне предстояло снова стать пионером, первым человеком, оторвавшимся от Земли, преодолевшим власть ее тяготения) [Гагарин 1968: 19-27]. Это ключевое слово связывает покорителей космоса с подрастающим поколением, которому предстоит осваивать новые космические миры.

Как отметил в предисловии к последующим изданиям книги «Вижу Землю...» Г.С. Титов, Ю.А. Гагарин рассказал о своей жизни «просто, скромно, так, как все это он делал, как жил» [Гагарин 1968: 3]. В очерках Г.С. Титова, А.А. Леонова, руководителя подготовки первых советских космонавтов Н.П. Каманина, уже после гибели Ю.А. Гагарина, происходит осмысление подвига первого космонавта и его мифологизация. В строках воспоминаний активно используются средства выразительно-

сти и экспрессии: метафоры, эпитеты, сравнения, гиперболы, градация, риторические повторы, приёмы противопоставления, парцелляции, исполненные как скрытой, так и ярко выраженной патетики (Так устроен человек. Не может он остановиться на достигнутом. Он никогда не успокоится на своем желании познать весь окружающий мир, всю Вселенную. Во имя этой мечты Юрий Гагарин жил, во имя этой мечты первый гражданин Вселенной совершил свой подвиг [Гагарин 1968: 5, 42]). В них в концентрированном виде отразились ключевые ценностные ориентиры советской эпохи, тесно переплетённые с общечеловеческими ценностями.

Литература

Гагарин Ю.А. Вижу землю... / Ю.А. Гагарин. Москва, 1968.

Карасик В.И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В.И. Карасик, О.А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж. Волгоград, 2005. С. 5-25.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. Волгоград, 2004.

Изучение наследия ученых-лингвометодистов в студенческой аудитории

русский язык, наследие, ученые-лингвометодисты, студенты

Современный курс теории и методики обучения русскому языку как вузовский курс направлен на подготовку студентов-бакалавров к педагогической деятельности в области преподавания русского языка в школе.

Наряду с тем, что студенты знакомятся с нормативными документами, учебно-методическими материалами (ФГОС, ФРП, программа формирования и развития УУД, программа внеурочной деятельности по предмету «Русский язык», учебники и др.), обучающиеся знакомятся с историей методики преподавания русского языка.

Наш опыт работы со студентами 3 и 4 курсов, а также магистрантами 1–2 курсов, обучающимися по направлению «Педагогическое образование», показывает, что знакомство с персоналиями в области методики преподавания русского языка позволяет проследить становление и развитие самой науки, влияние достижений в области лингвистики на лингвометодику, изменение содержания обучения по русскому языку, выбор того или иного метода или приема обучения и другие аспекты.

Достижения ученых Казанской лингвистической школы также повлияли на важнейшие положения казанской лингвометодики, на совершенствование методики обучения русскому языку, в частности здесь сыграли существенную роль взгляды И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.А. Богородицкого, В.В. Радлова.

В XX веке ученые (Г.А. Николаев, Э.А. Балалыкина, Н.А. Андрамонова, А.А. Аминова, Л.К. Байрамова, Р.Э. Кульшарипова, Т.И. Ибрагимов, Р.А. Юналеева, Э.М. Ахунзянов, О.Ф. Жолобов, Л.Р. Абдулхакова, К.Р. Галиуллин, Г.А. Хайрутдинова, Н.Н. Фаттахова, В.Г. Фатхутдинова, И.В. Ерофеева, Л.А. Мардиева и др.) проводили исследования в области фонетики, лексикологии и фразеологии, словообразования, морфологии и синтаксиса, стилистики, истории русского литературного языка и добились существенных результатов, которые стали известны не только в отечественном языкознании, но и за рубежом.

Два ведущих вуза – Казанский университет и Казанский государственный педагогический университет – сотрудничали в области изуче-

ния и преподавания русского языка. Выдающийся ученый-лингвометодист Л.З. Шакирова в девяностые годы прошлого века смогла пригласить ученых Казанского университета для разработки новых программ и учебно-методических комплексов по русскому языку для школьников. Н.А. Андрамонова, Г.К. Хамзина, Г.А. Хайрутдинова вместе с Н.Н. Фаттаховой, Л.Д. Умаровой стали авторами и соавторами учебно-методических комплексов для 8–11 классов.

Изучение научного наследия остается актуальным на современном этапе развития русистики и лингвометодики. Г.А. Хайрутдинова в 2024 году издала книгу «Вспоминая Учителей: истфилфак КГУ в лицах» [Хайрутдинова 2024], в которой выражает признательность своим преподавателям, которые читали лекции в Казанском университете.

На лекционных и практических занятиях мы со студентами и магистрантами обращаемся к наследию ученых А.В. Текучева, М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской, Н.М. Шанского, Е.А. Быстровой, А.Ю. Купаловой, Т.М. Пахновой, Л.А. Худяковой и др., которые занимались разработкой проблем развития речи, обучения грамматике, лексике, фонетике, орфографии и пунктуации русского языка.

Большое наследие в области методики преподавания русского языка оставила Л.З. Шакирова, автор и соавтор многих программ, учебников и учебных пособий как для школьников, так и для студентов [Казанская 2016]. Студенты знакомятся с методическими идеями ученого, которые имеют ценность и для вуза, и школы, для организации обучения с учетом трудностей усвоения, специфики изучаемого языкового материала, при необходимости учета особенностей родного языка обучающихся. В 2021 году в Казанском университете прошла научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Л.З. Шакировой [Лингвометодическая 2021; Выдающиеся 2021].

Для более обстоятельного изучения наследия ученых в учебные планы бакалавриата и магистратуры была включена дисциплина «Казанская лингвистическая и лингвометодическая школа».

Литература

Выдающиеся ученые Казанского университета: Лия Закировна Шакирова (1921–2015) / сост. З.Ф. Юсупова. Казань: Издательство Казанского университета, 2021. 16 с.

Казанская лингвометодическая школа: Шакирова Лия Закировна: сборник статей и воспоминаний, посвященный юбилею доктора педагогических наук, профессора Лии Закировны Шакировой / сост. Н.Н. Фаттахова, З.Ф. Юсупова. Казань: Магариф-Вакыт, 2016. 196 с.

Лингвометодическая школа в Республике Татарстан: история и современность: сборник статей Международной научно-практической

конференции (к 100-летию со дня рождения выдающегося ученого-методиста, основателя Казанской лингвометодической школы Шакировой Лии Закировны), Казань, 16–17 февраля 2021 года. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2021. 540 с.

Хайрутдинова Г.А. Вспоминая Учителей: истфилфак КФУ в лицах / Г.А. Хайрутдинова. Казань: Издательство Казанского университета, 2024. 84 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Абу Гриеканах Алиа Салим Эслаим. Невербальные компоненты обращения в арабской культуре	3
Адашбаева Ш.З., Григорьева О.А. Социолингвистический статус узбекского языка в условиях многоязычия Кыргызстана.....	7
Алимов Т.Э. Эвфемистическая репрезентация инвалидности как индикатор лингвоэкологической нормы (на материале узбекского и русского языков)	11
Аль-Лами Хуссейн Мохаммед Брисам. Lexical diversity of scientific articles and medical reviews	15
Ануфриева А.С. Формы не прямой вербальной агрессии в предикатной лексике русского языка	18
Асадова Д.Ш. Психолингвистические особенности восприятия рекламных текстов студентами-нефилологами	22
Бастриков Д.А., Кашапова Д.М. Лингвокультурный концепт: дефиниция термина	27
Бастриков Д.А., Мун Йеджи. Образ семьи в русской пословице... ..	32
Бахэти Аитана. Внутривидовая валентность бытийных ценностей: триады «молодость – время – жизнь» в русской пословице	36
Беленов Н.В. К этимологии культовых топонимов эрзянского населения села Баевка Николаевского района Ульяновской области	40
Бердиева Ш.Н. Границы документальности: сравнительный анализ русской и узбекской прозы начала XXI века	44
Гавранчич М. Лингвистическая интерпретация ошибок машинного перевода эмоционально окрашенной лексики (на примере русского и сербского языков)	51
Гайнутдинова А.С. Концепт «Lodos» в турецкой языковой картине мира	55
Гончарова В.Г. Гипонимы в карикатуре миграционного дискурса	58
Давлатова М.М. Развитие когнитивно-творческих способностей студентов при самостоятельном выполнении ими учебных проектов	60
Давлятова Г.Н. Риторическая перспектива текста и дискурса стратегии адресованности и аргументации	63

Джагаспанян Р.Н. Лексико-словообразовательные модели в эпическом повествовании о народных героях (на материале романов Шукшина и Тухтабаева)	66
Димитриева О.А., Денисова Т.В. Предметы быта сквозь призму антропонимического и телесного культурных кодов в чувашской загадке	69
Дырыгина Н.Ю. Проблема определения источника информации для категории эвиденциальности в испанистике	73
Иргашева Т.Г. Развитие речи младших школьников в условиях компетентностного подхода	76
Исмагилова Ф.Г. Концепт “родина” в сборнике рассказов М. Дарвиша “Дневник обычного горя”: когнитивно-лингвистический анализ и переводческие стратегии (арабский – английский).....	81
Какаева А., Сигбаева Ф.Р. Фразеологические единицы, выражающие эмоции человека, в туркменском языке	85
Кашапова Э.А. Гендерные стереотипы в англоязычных гороскопах: лингвокогнитивный аспект	89
Лабортас Ю.Д., Григорьева О.А. Лингвистические особенности адаптации россиян, приехавших в Кыргызстан за последние 5 лет	93
Лалаза Д.О. Лингвистические и социокультурные факторы функционирования дунганского языка в условиях полиэтнической среды Кыргызстан	97
Ли Фэн. Семантические особенности зоонимических фразеологизмов в современном русском языке	100
Липовая С.А. Инновации в профессиональном мире: материалы для ассоциативного словаря (от киберспорта к киберспортсмену)	103
Литковский О.А. Интернет-мем как жанр академического дискурса	107
Лукоянова Ю.К. Формирование навыков филологического анализа текста у студентов – будущих педагогов	111
Лю Сяньюй, Москалева Л.А. Трудности формирования коммуникативной компетенции у китайских студентов при изучении русского языка на основе лингвокультурных текстов	113

Мамаджанова Г.М. Логоэпистема как единица знания и аргументации в когнитивной лингвистике и дискурсе	116
Марданова С.Р. Психолингвистические основы коммуникативного тренинга при обучении иностранным языкам.....	119
Мисаревич Д.А. Переводы современной французской литературы как источник изучения неологизмов	121
Мохамед Ноха Ахмед Абделаиз. Неологизмы в современном русском языке (гастрономическая лексика).....	124
Нурутдинова А.Р. Когнитивная модель соматического контроля: вербализация лингвосенсорных табу на проявление эмоций	122
Пивоварова А.Д., Кмин А.И., Ильина М.С. Эволюция значений и функциональных оттенков английских фразеологизмов на материале социальных сетей	132
Рыбакова М.В., Хорошавина А.Г. Предпереводческий анализ русского художественного текста как основа межъязыковых трансформаций при переводе на испанский язык (на материале текста рассказа С. Фомина «Странный гость из 1798 года»)	136
Садыкова А.Г., Мордвинова А.Р. Семантические особенности характеристик двуязычия в татарском и франко-канадском медиадискурсе	140
Садыхова Г.Р. Прагматические фраземы (прагматемы) во французском языке	143
Салимова Д.А. Специфика введения антропонимов и зоонимов в текст Н.А. Дуровой в «Записках кавалерист-девицы»	146
Стеклова М.А. Идиостиль как объект филологического анализа	151
Степанова А.О., Мардиева Л.А. Зооантропоморфные бренд-персонажи в отечественной рекламе	154
Су Чуньхуэй. Одежда как код культуры: семантика наименований в русском языковом сознании	159
Ся Вэньцзюнь, Файзуллина Н.И. Особенности функционирования обращений в русскоязычных мессенджерах.....	161
Теганюк В.В. Зооморфный код культуры в языковой картине мира русского языка (на примере зоонима «собака»)	163

Тимуршин М.Р. Переводческие аспекты исламских рукописей: когнитивно-семантический анализ текста Мухаммада ал-Булгари «Хазинетуль-улема ва зинетуль-фукаха»	167
Файзрахманова К.А. Речевые маркеры профессионального выгорания у юристов: диагностический потенциал	169
Фаронская С.А., Карасева А.И. Современный русский язык в интернет-коммуникации казанцев: на примере комментариев социальной сети «ВКонтакте»	172
Хакимуллина Д.Ф. Расширение фразеологизма как способ метафоризации медиатекста	175
Цандер С.А., Билялова А.А. Интертекстуальность в современном медиа-дискурсе	177
Чепсаракова Н.И. Проблемы обучения русскому языку в русско-шорских классах.....	181
Чжао Мэнмэн. Трансформация семантического поля «чистота» в русском языке: диахронический анализ и влияние интернет-дискурса	184
Чжао Цзинвэй. Онтологическая метафора в китайских и русских фразеологизмах	188
Чжао Чуньлин. Образ Ю.А. Гагарина в документальной прозе «Вижу Землю...» (лингвокультурный аспект)	190
Юсупова З.Ф. Изучение наследия ученых-лингвометодистов в студенческой аудитории	193

Научное издание

**Международные
Бодуэновские чтения**

Научная конференция

Казань, 21–22 октября 2025 г.

Труды и материалы

Том 2

Подписано в печать 17.11.2025.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 60х84 1/16. Гарнитура «Arial».
Усл. печ. л. 11,63. Тираж 40 экз. Заказ № 62/10.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нухина, 1/37
тел. (843) 206-52-14 (1705), 206-52-14 (1704)